

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

*в воспоминаниях, дневниках, письмах
и статьях современников*

1941—1984

Виктор Петелин

**Михаил Шолохов в
воспоминаниях, дневниках,
письмах и статьях современников.
Книга 2. 1941–1984 гг.**

«Центрполиграф»

2005

Петелин В. В.

Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Книга 2. 1941–1984 гг. / В. В. Петелин — «Центрполиграф», 2005

Перед читателями – два тома воспоминаний о М.А. Шолохове. Вся его жизнь пройдет перед вами, с ранней поры и до ее конца, многое зримо встанет перед вами – весь XX век, с его трагизмом и кричащими противоречиями. Двадцать лет тому назад Шолохова не стало, а сейчас мы подводим кое-какие итоги его неповторимой жизни – 100-летие со дня его рождения. В книгу вторую вошли статьи, воспоминания, дневники, письма и интервью современников М.А. Шолохова за 1941–1984 гг.

Содержание

Часть первая	5
Илья Котенко ¹	5
Юрий Лукин ¹	13
Борис Ливанов ¹	27
Борис Сперанский	30
Петр Луговой	32
Ф.С. Князев	38
Новый роман Михаила Шолохова	40
Новые главы романа «Они сражались за Родину»	41
Казаки-гвардейцы в гостях у Шолохова	42
Л. Большаков	43
Часть вторая	47
Владимир Гаранжин	47
Леонид Кудреватых	57
И. Араличев ¹	60
Полковник А. Выпряжкин	64
Писатель М.А. Шолохов выехал из Сталинграда	68
Встреча писателя М. Шолохова с читателями	69
В. Соколов, спецкор «Литературной газеты»	70
50-летие Михаила Шолохова	73
Петер Вереш (Венгрия)	74
Эрвин Штригтматтер, немецкий писатель	77
Евгений Люфанов ¹	79
В. Коротеев, В. Ефимов	81
Николай Кочнев	86
Капитан милиции В. Жуков	88
Сергей Герасимов ¹	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Виктор Петелин

Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Книга 2. 1941–1984 гг

Часть первая Война

Илья Котенко¹ Снаряженные народом

1

Не знаю, откуда происходит слово «наряд». В словаре сказано, что это «группа лиц, выполняющая служебные обязанности по особому назначению, а также сами такие обязанности». Но откуда оно взялось? Может быть, от старого русского ратного слова «снаряжать».

Первый раз оно пришло и осталось в памяти вместе со старой песней, которую певали по вечерам рыбаки станицы Елизаветинской: «Снаряжен стружек, как стрела, летит...» А потом оно, совершенно уже в другом виде, возникло в донецкой степи, когда мы, шахтерские мальчишки, под всякими предлогами стремились проникнуть в большую, с цементным полом, комнату у самого шахтного ствола, которая так и называлась – «нарядная». Перед сменой здесь всегда былолюдно, шумно, накурено. Здесь можно было узнать все поселковые новости, и отсюда, проверив в последний раз свои лампочки, на ходу докуривая сигарки, уходили шахтеры куда-то далеко под землю.

Много лет спустя, в годы первой пятилетки, мы, только что начавшие бриться комсомольцы, снова встретились с «нарядной». Это был деревянный, сбитый из горбылей барак, стоявший в самом дальнем углу строительной площадки Сельмашстроя. По утрам вокруг него собирались сотни подвод и саней, на снегу ярко зеленели клочки душистого донского сена, над лошадьми поднимался пар, а их хозяева, «грабари», съехавшиеся чуть ли не со всей Центральной России мужики, толпились в бараке, грелись у железных бочек, превращенных в печки, ругались с нарядчиками. Получив «маршрут», «грабари» поглубже натягивали треухи и уходили к своим «грабаркам», чтобы через несколько минут мчаться на них по дорогам в каменистом долу, к Дону, за песком и на станцию Нахичевань-Донская, где на платформах высились шершавые ящики с заводским оборудованием.

После мы встречались с этим словом в армии. Как и многое в жизни, оно, это слово – «наряд», оборачивалось иногда своей неожиданной стороной, с малоприятным добавлением «вне очереди». Но зато как много гордых и глубоких ощущений и мыслей рождало оно, когда, осмотренные с ног до головы старшиной, мы уходили в гарнизонный наряд. Засыпает хорошо поработавший за день город, гаснут в многоэтажных домах огни, затихает даже листва на деревьях, и кажется: весь земной шар погружается в сон, а ты стоишь, прижав к боку винтовку, и

чувствуешь, что охраняешь не крохотный объект, вещевой или продовольственный склад, а покой миллионов людей.

И вместе с народом становились мы в грозные годы в наряд, который был уже общегосударственным, общенародным, общечеловеческим.

2

В конце августа 1941 года к нам в действующую на Смоленском направлении XIX армию неожиданно прибыли Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Евгений Петров. Впрочем, неожиданным их появление могло показаться именно тогда. Сейчас понятно, почему они появились в тот трудный месяц войны именно у нас, в нашей армии, на нашем участке.

Редакция нашей газеты «К победе» вместе с другими подразделениями штаба армии стояла тогда в лесах восточнее Вадино, неподалеку от шоссе Вязьма – Смоленск. Больше месяца передовые части вели позиционные бои под самой Духовщиной. Около колес типографских машин уже стала пробиваться зеленая травка осеннего побега, выгоревшие брезенты на машинах провисли под тяжестью опавших листьев, а по ночам часовые, выходя на посты по охране бивака, набрасывали на плечи шинели. Похоже было, что армия готовилась зимовать на занятых рубежах: мы еще спали в зеленых шалашиках, сложенных из соснового лапника, но отделение саперов в самом центре нашего расположения откапывало для всей редакции гигантскую землянку. Стала лучше работать полевая почта, появился военторг, даже тропинки между штабными подразделениями кто-то аккуратно посыпал песком. Словом, после беспокойного и тяжелого отхода армии из-под Витебска, через горящую, сметенную бомбами Рудню, опустевший Смоленск и заваленную трупами и разбитой техникой Соловьевскую переправу наступила пора передышки и ответного удара.

И он, этот ответный удар, наступил. Сначала на участке нашей армии вышла после длительных боев в немецких тылах большая группа под командованием генерала Болдина. В прорыве фронта участвовали авиация, танки и крупные части армии. Затем, развивая успех, полк под командованием полковника Грязнова повел успешное наступление; за ним пошли вперед другие полки и дивизии. Мы впервые увидели трофейные немецкие автоматы, танки, орудия и немецких пленных. Это был, по существу, один из первых крупных ударов, которые нанесли наши полевые войска на Западном фронте, и все мы мотались дни и ночи, не зная передышки: на передовую, в освобожденные деревни, к разведчикам и снова к себе в редакцию.

В разгар этих событий и появились у нас Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Евгений Петров². Об их появлении в армии мы узнали накануне и с нетерпением ожидали: зайдут они к нам или нет? Кто-то передавал, что они путешествуют по передовой вместе с командующим армией генералом Коневым, что будто Шолохов, где только можно, ищет донских казаков, а Фадеев – дальневосточников. Обсуждали вопрос: стоит ли их просить написать в нашу газету и чем угощать?

Появились они неожиданно, когда мы, расположившись на брезенте, поедали свой военторговый обед. Первым из-за маленьких сосенок вышел Михаил Александрович. Увидев нас, он остановился, поджидая Фадеева, Петрова и сопровождавшего их работника политотдела армии, затем сделал несколько шагов вперед и, чуть улыбаясь, приложил руку к зеленому козырьку фуражки:

– Здорово, земляки!

Мы вскочили. За время войны мы научились должным образом относиться к званиям и чинам: на петлицах наших гостей пестрели «шпалы», у Фадеева, если не ошибаюсь, был даже «ромб». Только наш старейшина, любимый «батя», писатель Александр Бусыгин, с ухмылочкой вытер ладонью рот и, поправив выгоревшую, закапанную смолой пилотку, шагнул навстречу:

– Здорово, Михаил Александрович!

– Здравствуй, Александр Иванович!

Они поздоровались чинно, чуть склонив головы, но в глазах обоих бегали какие-то удивительно милые бесенята, а затем, видимо не выдержав, они – и Шолохов, и Бусыгин – бросились друг к другу и обнялись так, что, казалось, намертво прикипели к спинам их руки. Затем Бусыгин поцеловался с Фадеевым, крепко пожал руку Петрову и как-то ловко обхватил их всех троих.

Евгения Петрова мы, тогда еще совсем молодые литераторы, до этого не видели ни разу. А что касается Шолохова и Фадеева, то это были наши, донские; многие с ними крепко дружили, почти все с ними встречались и, уж во всяком случае, знали их жизнь неплохо. И вот, когда они так стояли, обнявшись, в тени высоких сосен, на Смоленской земле, одетые в военную форму, я вдруг понял, почему эти трое дорогих нам людей на какую-то секунду замерли, прижавшись друг к другу.

В годы гражданской войны Шолохов, совсем еще тогда парнишка, мотался с продотрядом. Фадеев был комиссаром партизанского отряда, имея за плечами тоже не более двадцати лет. А Саша Бусыгин в девятнадцать лет был командиром красного бронепоезда. С той поры они немало сделали: славили жизнь, мужество, верность. Они любили друзей, детей, литературу, песни и вот снова встретились, одетые в армейскую форму, на далекой от Дона Смоленской земле, встретились опять на войне.

Впрочем, эта минутка-грустинка прошла, как березовый желтый листок, медленно проплывший мимо них на землю. Михаил Александрович, тая в уголках губ улыбку, кивнул в сторону нашей строящейся землянки:

– Устраиваетесь?

– Не помешает! – отозвался Бусыгин.

– Армия в наступление пошла, а вы курень строите!

– Наступать нам, Миша, далеко...

Шолохов, уловив в голосе Бусыгина неожиданно прорвавшуюся тоску, посерьезнел, кивнул.

– Это ты верно... Дорожка не близкая!

Фадеев между тем здоровался с нашими армейскими писателями и журналистами:

– Здравствуй, Гриша³, здравствуйте, Александр Палыч...⁴ Как живется литературе на солдатских харчах?

В это время работник политотдела, сопровождавший гостей, приложил к фуражке руку:

– Разрешите напомнить насчет пленных. Их сейчас допрашивают...

Фадеев махнул рукой:

– Мы их уже с Евгением видели у артиллеристов...

– Выходит, я отстал? – Шолохов улыбнулся. – Ну что ж, пойдем поглядим...

3

Пленных допрашивали метрах в пятидесяти от нас, на крохотной полянке, притаившейся среди густой сосновой поросли. Около палатки, растянутой веревками, за квадратным столиком на одной ножке сидел, перебирая листки бумаги, смуглый, цыгановатый капитан. Рядом с ним примостился молоденький, с девичьим, во всю щеку, румянцем, лейтенант-переводчик, не раз приносивший к нам в редакцию свои стихи.

– Сидите, сидите! – Михаил Александрович поморщился и недовольно замахал рукой, когда и капитан, и переводчик вскочили, уставясь на него удивленными и радостными одновременно глазами. – Продолжай, капитан! – уже более строго сказал Шолохов, усаживаясь у самой палатки на перевернутый ящик.

Пленные, до этого сидевшие перед столиком на траве, тоже вскочили и стояли теперь вытянувшись, отведя назад плечи, и переводили взгляд с капитана на Шолохова и обратно. Впрочем, стояли только двое, третий – широкоплечий, рослый, с гладко зачесанными назад мокрыми волосами офицер в черном мундире – продолжал сидеть, опираясь одной рукой о землю, и равнодушно жевал травинку.

– Силен! – вглядываясь в него прищуренными глазами и весь подавшись вперед, словно про себя произнес Михаил Александрович. – «Чистая кровь»?

– Так точно! – Капитан сел за столик. – Член национал-социалистической партии с тридцать четвертого года. Его повязали свои же солдаты...

– Что рассказывает?

– Молчит...

– Что будете делать с ним?

– Отправляем в Москву.

– А эти?

– Эти ничего... Говорят так, что не успеваем записывать... Желаете задать вопросы?

– Кто они?

– Вот этот... – Капитан перелистал тоненькую ученическую тетрадку и, не поднимая глаз, ткнул карандашом в стоявшего чуть впереди высокого, худощавого, с выпяченной грудью пленного: – Обер-ефрейтор Вернер Гольдкамп. Говорит, по профессии – спортсмен, на лодочной станции работал...

Обер-ефрейтор, услышав свою фамилию, еще больше оттянул назад плечи и бодро щелкнул каблуками. Михаил Александрович осмотрел его с ног до головы и улыбнулся, ибо бодрое настроение обер-ефрейтора никак не вязалось с его внешним видом.

Дальше я позволю процитировать слова из корреспонденции Михаила Шолохова «Пленные», написанной им для нашей газеты «К победе» и напечатанной в номере 101 за 31 августа 1941 года. В этом же номере напечатана и корреспонденция Александра Фадеева «Люди, прославляющие часть».

«Вернер Гольдкамп попал в плен сегодня утром, – писал Михаил Александрович. – Он участвовал в захвате Польши, Франции и с начала военных действий находился на Восточном фронте. Последние трое суток он не ел и не умывался, лицо и одежда его в грязи, серо-зеленый мундир изрядно потрепан, сапоги залатаны, даже голенища пестрят латками. Трое суток наша артиллерия громила батальон, в котором служил ефрейтор Гольдкамп».

– Значит, настроение неважное?

Выслушав перевод, ефрейтор согласно кивнул головой:

– О да, да – очень плохое...

– А с каким настроением шел на войну?

Гольдкамп мнется, бормочет о том, что все рассчитывали на скорую войну, что поход в Польшу и Францию был приятным, и даже пытается сосчитать насчет того, что для солдата самое главное – мягкая перина, вино и женщины.

Капитан, до этого терпеливо выслушивавший и вопросы, и ответы, видимо, узрел в ответе что-то выходящее из рамок дозволенного и, потирая свои густые угольно-черные брови, недовольно сказал:

– Вы у него лучше спросите: хочет он сейчас вернуться в Германию?

– Давай спрашивай! – согласно кивнул Шолохов.

Выслушав вопрос, ефрейтор поспешно прижал к груди руки:

– Нет, нет, сейчас не хочу. Я уже получил достаточно и больше войны не хочу.

Шолохов строго покачал головой:

– Как же так – не хотеть вернуться на родину?.. У него же, наверное, есть мать, жена или невеста?

Гольдкамп покосился на сидевшего на траве офицера в черном мундире, словно проверял, сведет ли еще раз с ним судьба, поправил пилотку с серебряным орлом и, подняв голову, уставился куда-то на вершины сосен. Да, у него на родине есть и мать, и молодая жена, и брат, и две сестры, но родина для него сейчас – это война...

– Толковый ответ, – согласился Шолохов.

– Артиллеристы образовали! – сердито подтвердил капитан. – Надо им всем такой всеобуч...

Третий пленный, ефрейтор Ганс Добат из 83-го пехотного полка 28-й дивизии, ничего особенного собой не представлял. У него был такой же, как у Гольдкампа, мятый и усталый вид, такая же светлая щетина на щеках и такая же словоохотливость. Он жаловался, что им плохо доставляли пищу, что их не поддерживали танки, что за три дня в их батальонах осталась пятая часть кадрового состава.

– Чем он до войны занимался? – спросил Михаил Александрович.

Выслушав вопрос, Добат долго что-то рассказывал. Капитан покачал головой и посмотрел на часы. Переводчик заметил этот жест и, остановив ефрейтора, сказал:

– Видимо, из бауэров... Говорит, на маслозаводе у отца работал...

– А ну-ка, повтори и ему вопрос: хочет вернуться к своим?

Добат поднял голову и, чуть усмехаясь, посмотрел на капитана.

Нет, не хочет! Он, конечно, понимает, что такой вопрос надо и интересно задавать пленным, чтобы узнать их солдатский дух, понимает, что его обратно русские не вернут, но если возникнет необходимость обмена пленными, просит учесть, что он, Ганс Добат, перешел к русским добровольно, и поэтому просит его до конца войны не тревожить. Переводчик покачал головой и, сложив «самописку», решительно, хотя и заметно робея от этой решительности, посмотрел на Шолохова:

– Скажите, товарищ Шолохов, у кого же загадочнее душа?... Наши, чтоб вернуться на родину из плена, на колючую проволоку бросаются, подкопы из тюрем роют... Все здесь ясно... А они... как в сейф, свою душу положили – и ключ в карман... До конца войны. Что у них, родины нет?

Михаил Александрович поднялся, по-солдатски расправил под поясом гимнастерку и на секунду задумался.

– Да нет, товарищ лейтенант, родина у них есть, но для него война – не мать родна...

В своей статье «Пленные», о которой я упоминал, Шолохов писал:

«Сложная и хитро продуманная фашистами система, направленная к тому, чтобы любыми средствами удержать немецкого солдата под ружьем, пока еще в действии. В групповом окопе немецкой роты ни один солдат не может пройти к ходу сообщения, миновав офицера, но если он и проскользнет – в тылу его задержит полевая жандармерия. Ложь, запугивание, жестокая дисциплина – все это пока держит уставшего от войны немецкого солдата в окопах, но уже отчетливо проступают первые признаки начинающегося разложения части немецкой армии: недовольство офицерским составом, отсиживающимся в тылу, сознание полной бесперспективности войны с Советским Союзом, недоверие к авантюристической политике гитлеровской клики. И чем сильнее будет отпор Красной Армии врагу, тем быстрее пойдет неизбежный процесс распада и гибели немецко-фашистской армии».

4

Когда мы вернулись, в нашем расположении шел пир горой. Это выражение можно считать буквальным, потому что на огромном зеленом брезенте, растянутом на траве, высились горы припасов, крупно нарезанные куски хлеба. Одно в этом пире было примечательно – все сидевшие на брезенте кружком, как вокруг костра, были с блокнотами и записными книжками,

а у секретаря редакции писателя Михаила Штителъмана лежала на коленях подшивка нашей газеты.

Ребята рассказывали о подвиге капитана Войцеховского, оказавшегося в непосредственной близости от врага и вызвавшего на себя огонь своей артиллерии, о бесстрашном связисте Александре Хлудееве, о потомке Лермонтова, служившем капитаном в приданной нам авиационной части, о тех смелых и самоотверженных людях, с которыми приходилось встречаться в эти первые дни войны писателям и журналистам, работающим в редакции.

Начинало темнеть. Из глубины леса потянуло сыростью. Недалеко, за железной дорогой, начала бить наша артиллерия. И все было бы ничего, если бы не появившийся где-то высоко в небе чужой, металлический звук. Он нарастал, надвигался волнами и, завывая, шел на восток. Это направлялись к Москве фашистские бомбардировщики. Значит, и сегодня где-то будут разрушены дома, будут убиты люди, будут плакать матери и дрожать в бомбоубежищах дети.

– Спой, Саша! – попросил Фадеев, пряча в полевую сумку свою записную книжку.

Я не знаю, откуда Александр Александрович знал о песне, которую однажды пел у нас Александр Бусыгин. Может, приходилось раньше слышать на товарищеских вечеринках в Москве или Ростове, или вместе ее певали в дни молодости. Но мы ее впервые услышали на Соловьевской переправе, когда наши части, оставив горящий Смоленск, по Старо-Московской дороге отходили к Дорогобужу. Совсем узкий в этом месте Днепр был завален трупами людей, лошадей и разбитой техникой. Фашистские самолеты днем и ночью висели над этой, наверное самой трагической в мире, переправой. Но мы проскочили ее довольно благополучно – самолеты только что отбомбились и ушли, и мы, перетащив свои машины, отдыхали на опушке дорогобужского лесного массива. В этот миг мы увидели: в стороне от проходивших войск, по луговой низине пробирался высокий старик, с непокрытой седой головой, в сером длинном пиджаке. На плече он нес косу, другой рукой вел маленького белоглового мальчишку, должно быть, внука. Куда шли они, спасаясь от фашистских бомбардировщиков, – к знакомым ли в соседнюю деревню или просто неизвестно куда, как и тысячи людей в те времена, но одно было ясно: шли они не на косовицу. Кто бы вздумал косить рядом с полем изувеченных, не погребенных еще людей.

Вот тогда Саша Бусыгин и запел. Запел, будто про себя, мягким, чуть рокочущим баритоном:

Полоса ль ты, моя полоса,
Нераспаханная сиротинка.
Отчего ж на тебе, полоса,
Не колосятся ржи и былинки?
Знать, хозяин-то твой...

Но что случилось с хозяином, мы так и не узнали. В этом месте Бусыгин оборвал песню. И сейчас он остановился на этих словах, потер, видимо, перехваченное горло и махнул рукой:

– Пусть лучше Гришка стихи читает...

Стихи читали и Гриша Кац, и Александр Павлович Оленич-Гнененко – стихи, написанные во время боев и отступлений, стихи веселые и суровые, а то и вовсе похожие на солдатыские припевки.

– Это хорошо, – смеялся Фадеев. – Очень хорошо! – И, посерьезнев, добавил: – Во всем этом есть главное – от народа, от жизни...

Он начал рассказывать о своих встречах с артиллеристами. Об этом он так писал в своем очерке «Люди, прославляющие часть»:

«Бойцы-артиллеристы работают споро, ловко и весело. Это все молодые ребята, с крепкими руками, ясноглазые, с ослепительными в улыбке зубами на загорелых, задымленных лицах».

Затем мы, конечно, пели. Пели вполголоса свои донские песни, пели о «снаряженном стружке», который «как стрела, летит», пели о родном городе, о ветре, полном «любви и надежды».

Все время поглядывавший на часы работник политотдела наконец улучил минутку и сказал:

– Товарищи, нас уже ждет командующий!

Они ушли не прощаясь, пообещав вернуться на ночевку.

Гости вернулись далеко за полночь, когда затихли долго не смолкавшие разговоры в шалашах, уgomонились, казалось, вместе с нами отлетавшие на восток птицы и весь лес погрузился в ту первозданную тишину, которая совсем не подразумевает присутствия в этих лесных массивах десятков тысяч людей, машин, орудий и снарядов, готовых в любую минуту взорваться словами команд, шумом моторов и вспышками орудийных выстрелов.

Они появились совсем неожиданно из-за деревьев, по пояс в белесом болотном тумане. Поблагодарили провожатого, перекурили и, расстегивая пояса, полезли в шалашик. Захрустел лапник, зашелестел брезент, наконец все затихло.

Но тишина была недолгой.

– Ну как тебе информация? – вполголоса спросил Фадеев.

– Снаряжение у них неплохое, ничего не скажешь, – так же тихо отозвался Шолохов.

Через несколько секунд послышался голос Петрова:

– Главное, у них танки, правда?

(После мы узнали, что в этот день было получено сообщение о начавшемся сосредоточении войск противника на Западном направлении, нацеленных на Москву.)

– Только не это главное... – отозвался Шолохов.

– Ты о чем?

– Пленных видел?

– Ну?

– Какие там для них, к черту, высокие материи, идейность... Надрессированные машины... А столкнутся с войной, получают по зубам, и просыпается из всего человеческого только одно – желание жить... Это не отберешь ни у кого... Только зачем же до этого доходить через войну...

В шалашике стало тихо. По верхушкам сосен прошел ветерок, осыпая нам плечи подсыхающими иголками, а затем снова, в который уж раз, с запада стала накатываться завывающая, стонущая волна фашистских бомбардировщиков.

5

После двадцати лет, прошедших со времени тех событий, я неспроста вспомнил о пожелтевшем номере старой армейской газеты, в котором были напечатаны мало кому известные фронтовые корреспонденции двух выдающихся писателей нашего времени, и обо всем, что связано было с этим. Мне подумалось о тех солдатах, которых готовят сейчас к новой войне на том же самом Западе, на той же самой германской земле бесноватые глашатаи разбоя и смерти. Хотелось мне помянуть и своих добрых товарищей, тех, кто писали, работая, как солдаты, и о тех солдатах, о которых они писали. А скорей всего это все пришло на память от того чувства гордости, которое переполняет сердце, когда читаешь величественную Программу Коммунистической партии Советского Союза, провозгласившей на весь мир жизнеутверждающие принципы мира, труда, свободы, равенства и счастья всех народов и столько добрых слов ска-

завшей о нашей литературе, всегда честно работающей на самых передовых позициях нашего великого наступления, умеющей всегда, даже в самые трудные моменты, не терять чувства бодрости, уверенности и веры в силы своего народа, и о тех литераторах, снаряженных народом, которые никогда не изменяли его великой народной, партийной правде.

Юрий Лукин¹ Из книги «Воспоминания»

Встречи с М.А. Шолоховым

...Накануне моего возвращения в ополченческую дивизию из Москвы в гостинице «Националь» остановился Шолохов, по дороге из своей станицы в очередную командировку на фронт. Разумеется, я нашел его в гостинице. В тот же день навестили Михаила Александровича двое ростовских писателей-ополченцев, также ехавших на фронт. Они ехали из Ростова и узнали, что могут встретить в Москве Шолохова. Это были прозаик Михаил Штительман и поэт Григорий Кац. Так нам достались несколько часов встречи, заполненных донскими песнями и неожиданной радостью свидания. Пели оба ростовчанина, а Михаил Александрович, сам любивший «дишканить» в местном станичном хоре, признался, что не знал про своих обоих земляков, какие у них «звонкие теноришки». Наутро мы все, простившись у входа в гостиницу, разъехались по своим направлениям. С фронта вернулись не все. Оба ростовчанина погибли.

Еще одна очень уж памятная жертва осталась на Западном фронте: лучший друг Шолохова Василий Кудашев. Много позже, значительно позже года Победы, я готовил телевизионную передачу о Шолохове, и вдова Кудашева показала мне хранившееся у нее письмо тех лет. В письме Михаил Александрович просил проставить в приложенном письме к Кудашеву номер полевой почты, которого Шолохов не знал. Но Матильда Емельяновна получила извещение, что ее муж погиб. В письме Шолохова есть упоминание о нашей встрече.

«Дорогой друг! Судьба нас с тобой разоздрила... Но все же когда-нибудь сведет нас вместе. Я сегодня уезжаю из Москвы. Как только вернусь, сообщу тебе. Думаю, что увидимся. У меня есть к тебе дела...

Дома не был давно. Но там все в порядке. Недавно на час видел Юрбора. Поехал в Армию. Крепко обнимаю. Целую, твой *Шолохов*.

Будь здоров. Я пишу коротко. Спешу. Надеюсь на скорую встречу».

Трудно найти слова, чтобы передать, как же дорого мне было прочитать эти строки на случайно уцелевшей открытке. И свое имя, которым окрестил меня Михаил Александрович, научил он этому и немцев, и японцев, и моих товарищей по работе...

Еще об одном его письме, связанном в моей памяти с давней нашей встречей военной поры, с воспоминаниями о человеке, который был мне другом и с которым мы были знакомы независимо от Михаила Александровича: я был редактором «Повести о детстве» Михаила Штительмана. Когда война и наша встреча в «Национале» были уже в далеком прошлом, Детское издательство выпустило новое издание повести в 1974 году. Ростовские писатели и семья покойного помогли мне познакомиться с письмом Шолохова к автору. Я привел это письмо в своем предисловии. Вот оно:

«Товарищ Штительман!

Примите 100 моих извинений. Только недавно прочитал. Книга теплая, и я не раскаиваюсь, что чтение отложил на осень. Когда холодно, теплое согревает. Привет!

Мих. Шолохов

23 ноября. 1933 г.»

Война в свое время вырвала каждого из нас из привычного жизненного круга. Но связи с привычками и пристрастиями мирного времени оказались прочнее и активнее, нежели мы могли предполагать и предвидеть. Во всяком случае, со всей очевидностью наступало время для большинства из нас возвращения на круги своя. Этот процесс, как многие другие, таил в себе порой немало не только внезапного, но и причудливого в своей неожиданности. О том, что я оказался в газете «Сталинский сокол», находившейся в Москве, узнало руководство «Комсомольской правды», желавшее создать у себя отдел литературы, искусства и решившее, что я могу справиться с ролью заведующего этим отделом. Тут начались забавные осложнения. В «Сталинском соколе» соглашались откомандировать меня в «Комсомольскую правду», но, естественно, думали, что для этого потребуется демобилизация, поскольку имелся в виду переход на службу гражданскую. Однако сразу выяснилось, что эта сложность отпадает: в сумятице первых недель войны то, что именуется личным приказом о мобилизации того или иного военнослужащего, отдано так и не было. Вроде как я и не служил в армии и на фронте не был. Тогда заартачился я; и в комиссариате вняли моим доводам насчет того, какие трудности я испытаю, объясняя сыновьям и будущим внукам, где же и как провел я первые месяцы войны.

Военные нашли решение, которое показалось мне справедливым при всей своей причудливости: оформили задним числом мою личную мобилизацию с первого дня реального моего пребывания на армейской службе, и с той же даты, когда этот приказ оформлялся, отдали приказ о моей демобилизации. Так вопрос был разрешен, и я начал работу в «Комсомольской правде», в должности заведующего отделом литературы и искусства. Поначалу я заведовал сам собой: отдел только из меня и состоял. Позже появились секретарь, а затем и заместитель заведующего. Через год службы был я переведен на должность заместителя заведующего таким же отделом в «Правду» (впоследствии должность была переименована: заместители стали консультантами). В этом качестве я пребывал тридцать два с половиной года, до выхода на пенсию. Совмещалось это беспрепятственно с постоянной работой по линии творческих организаций – писательской, журналистской, кинематографистов.

Так мирная профессия вернула себе то, что полагала своим достоянием.

Встреча с Шолоховым, с этим писателем и – я подчеркиваю – человеком – была моим счастьем.

Началом был 32-й год. Был я тогда еще молодым редактором и работал в том издательстве, которое позже стало называться «Художественная литература», а тогда это был Гослитиздат. Вот там мне и поручили редактировать третью книгу «Тихого Дона». Дело в том, что писатель сдал в издательство сразу и третью книгу «Тихого Дона» и первую книгу «Поднятой целины». «Поднятая целина» пошла другому редактору, а мне достался «Тихий Дон». Так появилась книга, на титульном листе которой значится 1933 год. И есть там автограф:

«Дорогому т. Лукину с благодарностью за работу над книжкой и с такими наиплеяшими дружескими чувствами.

М. Шолохов

31-X-33».

Так началось. Потом было редактирование вместе с ним первой и второй книг «Тихого Дона». Он все редактировал заново, потому что роман подвергался очень большим искажениям в свое время, когда печатался в журналах. Следующей нашей работой, после первых двух книг, было иллюстрированное издание «Тихого Дона». Подряд, год за годом, вышли три книги. Четвертая еще не была автором закончена. А незадолго перед войной, в начале того года, когда война началась, читатели получили и ее. Тогда часто выпускали однотомники, издания, в которых при использовании двухколонного набора умещалось все произведение в целом. Художник успел проиллюстрировать четвертую книгу после тех, которые уже вышли. Я расскажу

позже, что тогда произошло, почему эти превосходные рисунки не смогли быть опубликованы в однотомнике под его фамилией. Пришлось приглашать гравера, чтобы из рисунков сделать гравюры. Так появилась книга, в которой не указана фамилия автора рисунков.

В этом издании я принимал самое горячее участие – написал к нему предисловие. Вместе с Михаилом Александровичем мы сделали для однотомника словарь донских слов и оборотов речи. Если ко всему этому прибавить фанатическую мою любовь к книге и ее автору, может быть, читатель поймет дикий мой поступок: когда война началась и я ушел с ополчением на фронт, – в своем рюкзаке я взял с собой вот эту толстую книгу... Сначала мы были саперами, копали противотанковые рвы, и во время пеших переходов таскать книгу было тяжело. Потом, когда началась работа в политотделе и мы с напарником развозили по передовым частям размноженные нами сводки Информбюро, а еще позже работали в армейской газете, книга находилась уже в более благоприятных условиях, ездила с нами в автобусе-типографии. А то ведь сперва приходилось ее на себе таскать... Однако расстаться с этой книгой – мой читатель это поймет – я был просто не в состоянии.

Мне часто задавали вопрос: «Вот вы редактировали Шолохова. Что такое – редактировать Шолохова? Что это было?» Приходится говорить так: бывает работа с молодым писателем такая, что ее можно уподобить лепке из глины, податливой, мягкой, которой можно придать форму нужную, необходимую. А тут совершенно другое. Шолохов сдавал в редакцию – в журнал, в издательство – рукопись тогда, когда считал ее абсолютно законченной. У меня в голове всегда только одно сопоставление: работу с ним над его рукописью можно сравнить уж никак не с приданием формы глине, а со шлифовкой драгоценного камня. Нужна другая редакторская специальность, потому что можно только кое-где положить очень небольшой, тонкий штрих, чтобы грань засверкала другими цветами.

Да ведь и началось у нас в значительной мере со странной, может быть, с точки зрения редактора, работы: мне многое приходилось просто восстанавливать по сравнению с тем, что было уничтожено в журнальных текстах, выступать как бы в роли реставратора. И в то же время Михаил Александрович наметил и другой путь для редактирования: он старался избавиться от перенасыщения языка в своем произведении местными речениями. Тут тоже я старался помочь ему, как мог. Чтобы прояснить сущность этой работы и предостеречь о сложности в подходе к ней, в ходе дальнейших моих воспоминаний я расскажу о беседе писателя со шведскими студентами во время его пребывания в Швеции после вручения ему Нобелевской премии. Благодаря усилиям одного работника нашего посольства (его фамилия – Рымко) удалось сохранить и в «Литературной газете» напечатать запись этой беседы. Там драгоценнейшие свидетельства. А перед этим я хотел бы остановиться на вопросе, который иногда возникает в устных и печатных выступлениях некоторых литераторов: прибавила ли Нобелевская премия что-нибудь к популярности автора «Тихого Дона» во всем мире? И была ли эта премия желанием, как некоторые склонны утверждать, потрафить Советскому Союзу и чуть ли не коммунистической партии? Относительно популярности надо отметить так: конечно, прибавила. Немногие достигают такой степени признания. Мне довелось видеть воочию нобелевские празднества там, в Швеции. Видел я всю торжественную церемонию, смог почувствовать всю атмосферу праздника. Кстати, и о том, не было ли присуждение престижнейшей премии стремлением угодить Советскому Союзу. Думаю, что скорее – наоборот... Как он отнесся сам? Когда он ритуально благодарил за присуждение премии, он без чрезмерной мягкости заметил, что, по совести сказать, думает, что это могло произойти на тридцать лет раньше. Эффект от встречи с ним был в Швеции колоссальный. Пресс-конференция с ним по числу присутствующих преузошла все предыдущие. Любопытно отметить, что перед ним там была Софи Лорен...²

Почему я думаю, что вряд ли присуждение премии Шолохову было вызвано желанием угодить Советскому Союзу? Мне кажется, эту премию рассматривали скорее как укол Советскому Союзу. Эта книга рассматривалась ведь в советских кругах как «малопримлемая», не

сказать – диссидентская, но, во всяком случае, очень уж острая, такая, что вызвала явное неудовольствие: ее ведь разносили и после публикации в журнале и когда роман был окончен. Даже тот человек, о котором теперь говорят «Сам», и тот не выразил восторга по поводу финала: ему, очевидно, хотелось, чтобы Григорий пришел к определенному решению, но в то же время он понимал – это, конечно, догадки! – что шутить со всем этим не следует, понимал ту пользу, которую может принести признание Шолохова, и поэтому присуждение советской премии последовало за публикацией романа немедленно. А теперь посмотрим, в каком окружении предстал лауреат премии Нобелевской. Лауреаты русские: Бунин (эмигрант), Пастернак и вот Шолохов... Вряд ли все это делалось, чтобы советскому государству потрафить.

Меня порою спрашивали: а что из шведского праздника запомнилось больше всего? Отвечал: все! Но кое-что – особенно. Во-первых, вечер в Обществе шведско-советской дружбы. Там был ужин в большом зале, в торжественной обстановке, и по времени это совпало с трогательным шведским праздником, который отмечается в рождественские дни. Это праздник «Люсии». Он отмечается во всем мире, оказывается. В каждом шведском доме, в каждом учреждении есть своя, местная, Люсия. Если вы приезжий, живете в гостинице, для вас праздник начинается так: утром к вам в номер стучатся, и появляется девушка в белом платье, гостиничная Люсия, она предлагает вам чашечку кофе, которую вы обязаны выпить. Избирают Люсию общенациональную. Эта разъезжает по городу на автомобиле, ей фирма, торгующая мехами, дарит шубу, на ней делают бизнес. А идея праздника – гимн Свету. Основа имени Люсия и есть «свет». Праздник и зародился в северной стране, как радостное приветствие весне, свету.

На том вечере, о котором я начал рассказывать, вдруг зазвучала изумительная итальянская песня «Санта Лючия» и вошла процессия: дети, во главе которых прошеествовала в белом наряде девчушка, маленькая «Люсия». Она приветствовала Михаила Александровича. Нам всем, гостям, были розданы листки с напечатанными латинскими буквами текстом величальной песни «Приветствие почетному гостю». Слова примерно такие: к нам приехал наш дорогой гость!... Мы смогли без труда участвовать в общем хоре, так как в листках было указано для всех: мелодия – «Стенька Разин»...

Еще вопрос, который часто возникает. Откуда возникли сомнения в авторстве «Тихого Дона»? Откуда взялись эти нападки? И самому автору в давние еще времена такие вопросы задавали. Откуда все это взялось? Правда ли, что это зависть? У него был ответ, который мне запомнился: да, но зависть бывает хорошо организованная. Вот что он сам сказал. И думаю, что дело не только в зависти, а и в том, что у нас часто называют «конфронтацией».

Иной раз Шолохову стараются приписать несправедливое деление людей на «наших» и «не наших» по национальному признаку. Назову несколько имен его друзей. Когда писатель ездил в Швецию и Японию, с ним, как правило, был Лева Мазрухо, Леон Мазрухо, ростовский кинематографист и фотограф, у которого накапливалась едва ли не самая обильная и самая драгоценная фотоархивная коллекция по Шолохову. Она копилась годами. Повторяюсь: друзьями Шолохова были упоминаемые мною поэт Григорий Кац и прозаик Михаил Штителман...

Но «вернемся к нашим баранам»! Начну с того, что за время моей работы с Шолоховым мне пришлось слышать семь или восемь имен людей, которым приписывался «Тихий Дон», будто бы присвоенный Шолоховым. Первое в перечне – имя донского журналиста Голоушева. Подчеркиваю: журналиста, не писателя в полном смысле слова, автора не художественных произведений. Это автор очерков, названных им «По тихому Дону»... А-а-а!! «По тихому Дону», значит, это и опубликовал Шолохов, чуть переименовав, и назвал: «Тихий Дон»... Между тем Тихий Дон – такое же народное название реки, как Волга-матушка, Волга – русская река и так далее. Потом Михаил Александрович сам рассказывал об этом, сначала с усмешкой, со смехом... он вообще любил всякие забавные истории, в том числе и те, что происходили с ним.

Так вот, следующая версия такова. (Будем называть это версиями.) Шолохова приютила переночевать какая-то старушка, и он под кроватью у себя обнаружил сундук, а в сундуке рукопись «Тихого Дона». Про старушку он и рассказывал со смехом, а потом, постепенно, со все большей досадой и болью. Дело ведь доходило до того, что, когда в нашем издательстве была получена рукопись третьей книги, последовали телефонные звонки в редакцию, в ленинградский журнал, в «Роман-газету»: может прийти та старушка, у которой Шолохов украл «Тихий Дон», рукопись ее сына. Всюду отвечали: пусть приходит. Нигде не появился никто. Но звонки раздавались, повторяю, всюду. Вот что это было? Не буду позволять себе какие-то домыслы, однако у Михаила Александровича были в свое время достаточно крутые расхождения с РАП-Пом, и это вполне могло быть следствием. Хотя потом один из руководителей РАППа участвовал в подтверждении того, что Шолохов сам написал свой роман. Это было письмо писателей, опубликованное в «Правде». Там стоят подписи и Серафимовича, и Авербаха... Мы позже с самим текстом письма познакомимся. А пока – о том, что не использовалось для того, что мне хочется назвать «недоброжелательными недоумениями». Какие зацепки для этого изыскивались? Ассортимент их был широк, на всякий вкус, как говорится. Первое: как мог юноша, которому к концу Первой мировой войны было совсем немного лет, по слову поэта – мальчишеских лет, как мог он дать такое зрелое изображение самой войны да еще с такой степенью проникновения во внутренний мир своих героев, показать взаимоотношения мужчины и женщины? Как он, почти не передвигаясь в пределах театра военных действий во время гражданской войны, сумел дать столь широкую картину этой войны? Почему две первые книги романа появились так быстро одна за другой? Почему обе эти книги, как представляется «недоумевающим», намного сильнее обеих последующих? И почему после «Тихого Дона» он ничего равнозначного не написал? Почему – даже до такого доходит! – почему в этом романе молодым прозаиком не допущено ни одной заметной исторической ошибки? Короче говоря, почему, почему?.., бывает ли так? как могло произойти? можно ли допустить?! Не следует ли устремиться в поиски «подлинного автора», или, на худой конец, как писал один из уважаемых наших писателей, – мощного соавтора, который вел всю белую линию, а Шолохов потом портил произведение, вписывая красную линию? Вот я упомянул о Голоушеве, о некой старушке, но этим далеко не исчерпывались и не исчерпываются подозрения. Возникла фигура неизвестного учителя из соседней станицы, который будто бы показал рукопись юноше, а тот рукопись забрал и пригрозил: ну, вот, теперь молчи!.. Чуть позже предполагаемому автору нашли новое место: в самой Вешенской. Слухи шли и шли. Существовал в Москве литературный кружок «Никитинские субботники». Его посещал один ротмистр царской службы, который написал литературное произведение, нуждавшееся в доработке. Молодой Шолохов своими рассказами уже зарекомендовал себя как прозаик, ему дали рукопись ротмистра для помощи автору. А автор возьми да умри... И наконец, самая поздняя версия: еще один офицер, белый офицер и писатель Федор Крюков. Эта версия, к моему глубокому сожалению, была поддержана – не знаю, из каких побуждений, не хочу фантазировать, – но мне очень жаль, что она была поддержана Солженицыным. О Крюкове только два слова: он умер от сыпного тифа в двадцатом году, действие «Тихого Дона» заканчивается примерно в двадцать втором!

Теперь насчет череды «сомнений». Вопрос об исторической точности в изображении гражданской войны, думаю, достаточно проясняет хотя бы та самая беседа со шведскими студентами, которую ухитрился, сделав тем самым великое дело для истории нашей литературы, записать тогдашний сотрудник нашего посольства Рымко. Шолохов на этой беседе сказал:

«Если говорить о том, как я начал писать, то поначалу это были короткие рассказы или новеллы, как хотите, а до этого некоторое время я работал журналистом. За «Тихий Дон» я взялся, когда мне было двадцать лет, в 1925 году, во всяком случае, тогда, когда никого из вас еще на белом свете не было.

Поначалу, заинтересованный трагической историей русской революции, я обратил внимание на генерала Корнилова. Он возглавил известный мятеж 1917 года. И по его поручению генерал Крымов шел на Петроград, чтобы свергнуть Временное правительство Керенского. За два или полтора года я написал шесть-восемь печатных листов... Потом я почувствовал: что-то у меня не получается. Читатель, даже русский читатель, по сути дела, не знал, кто такие донские казаки. Была повесть Толстого «Казаки», но она имела сюжетным основанием жизнь терских казаков. О донских казаках, по сути, не было создано ни одного произведения.

Быт донских казаков резко отличался даже от быта кубанских казаков, не говоря уже про терских, и мне показалось, что надо было начинать с описания вот этого семейного уклада жизни донских казаков».

Вот один из пунктов. Вторая книга не сильнее, она слабее всех остальных книг «Тихого Дона», потому что с нее автор начинал и вернулся к ней, уже написав первую книгу.

Теперь – о некоторых биографических данных, которые тоже имеют большое значение.

«Я родился в хуторе Кружилином станицы Вешенской. Почти всю жизнь провел я там и живу до сих пор в той же местности. Естественно, что впечатления детских лет, постоянные невольные наблюдения за жизнью и бытом моих однохуторян давали мне живой материал для воссоздания мирной эпохи на Дону».

Там просто сам воздух дышит этим.

«...Таким образом, я, оставив начатую в 1925 году работу, начал сюжетно с предвоенных лет, с описания семьи Мелеховых, а затем так оно и потянулось.

Роман я окончил (я писал его пятнадцать – шестнадцать лет) уже накануне войны. Считаю, что «Тихий Дон» – наиболее крупное мое произведение, для меня оно имеет особое значение потому, что я много времени положил и сделал все, что мог, чтобы ознакомить и своих, русских читателей, и зарубежных с трагической историей донского казачества в годы революции».

Продолжает он разговор в свойственной ему манере: «Вот как будто бы и все. Это предварительно. Если у вас будут ко мне какие-либо вопросы, я с радостью отвечу. Если я что-нибудь совру, здесь присутствует первый редактор «Тихого Дона» товарищ Лукин, который меня поправит». (Это вызвало, естественно, смех.) «Я думаю, что форма вопросов-ответов – это наиболее живая форма, а читать вам лекцию я не имею возможности, да и считаю, что вы и без меня достаточно ученые». (Опять смех. Он умел очень просто и естественно разговаривать с такой капризной аудиторией, как молодежь.) Один из студентов задает вопрос: «Михаил Александрович, разрешите мне вас вот о чем спросить. В «Истории советской литературы», вышедшей на Западе, профессор Струве³ пишет, что вы полуказак. Там написано, что ваша мать казачка, а отец – нет».

Михаил Александрович ответил:

«В какой-то мере это верно. Дело в том, что моя мать (она сама украинка) вышла замуж за казака и рано овдовела. Потом она жила с моим отцом, как говорится, гражданским браком, невенчанные были. Сколь я родился, а она была, так сказать вдовой, я по формуляру числился казаком, имел пай земли, все привилегии казачьи. Затем отец меня усыновил, уже после моего рождения они перевенчались с матерью, и (по документам) стал я уже русским. Вот такова история».

Под дружный смех студент продолжает допытываться: «Так, значит, вы русский или казак?.. Я бывал на Дону, я родился на Тереке... И я знаю, кто такие казаки. По крайней мере, терские казаки спрашивали, ты русский или казак?»

«У нас таких людей, – ответил на это Михаил Александрович, – называли иногородними. Вот я – иногородний. По отцу я крестьянин Рязанской губернии, Зарайского уезда. Вот таково мое генеалогическое древо...»

Теперь об исторической точности и о ходе гражданской войны. В той же беседе писатель и об этом говорил:

«Мне приходилось изучать материалы по истории гражданской войны двусторонним образом: кроме личных наблюдений и личных впечатлений, естественно, я пользовался архивами – нашими, советскими архивами, но, чтобы не попасть впросак, использовал и материалы зарубежные, в частности «Очерки русской смуты» генерала Деникина, воспоминания генерала Краснова, бывшего донского атамана, и массу других, повременных изданий, которые выходили во Франции и в Англии, вообще всюду за рубежом...»

Огромную помощь ему, молодому тогда писателю, оказала Е.Г. Левицкая, которую он трогательно называл «бабушка Левицкая». Когда он приезжал в Москву, то едва ли не первым делом навещал ее. Она заведовала в свое время библиотекой Московского горкома партии и вот снабжала Михаила Александровича чрезвычайно важными для него источниками.

О художественной силе отдельных книг романа. Об утверждении, будто первые две книги сильные, а остальные получились слабее. Убежден, что это несправедливо. Как мы знаем, начал автор со второй книги, не имея еще опыта романиста; она в художественном отношении не только не возвышается ни над первой, ни над всеми остальными, напротив – значительно уступает им. Четвертая же, с ее трагической силой, это именно вершина произведения, точка, где писателем достигнута наивысшая степень мастерства. И в третьей уже ощутим некий подъем.

Вот на чем еще мне хочется акцентировать внимание. Был использован еще один козырь в своего рода шулерской колоде карт. Небывало ранний возраст дебютанта в литературе. Кто, мол, может поверить: первый рассказ, автору 18 лет, два первых тома романа, а автору 23 года... Прошу обратить внимание, запомнить: 23 года. А если по совести вспомнить, надо ли искать объяснение поразительному явлению помимо двух решающих обстоятельств? Требования времени, которое не давало длительных сроков для созревания, для формирования личности, и – что не менее важно – очевидного наличия раннего расцвета личности высокоодаренной. Такое ли это исключение, каким удивительным ни кажется сам факт на первый взгляд. Когда Пушкин написал «Руслана и Людмилу», ему было 20 лет. Еще поразительнее другие сроки. Стихотворение «Вольность» – автору 18 лет, «Послание к Чаадаеву» и стихотворение «Деревня» – 19, «Евгения Онегина» начал писать в 24 года, «Борис Годунов» создан в 26 лет. Николай Михайлович Карамзин осуществляет первый перевод на русский язык шекспировского «Юлия Цезаря», имея от роду 21 год. Жуковский начал печатать свои стихи, когда ему было 15 лет. Бунин перевел «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в возрасте 26 лет.

Пока, могут сказать, речь идет о поэзии. Известно, что со стихов и начинают чаще и начинают раньше. Поэтому обратимся и к другим фактам. Салтыков-Щедрин свои первые повести написал в 21 год. Русская литература обогатилась «Вечерами на хуторе близ Диканьки», когда Гоголю было всего 22 года. Появляется рассказ Максима Горького «Макар Чудра» – автору 24. Не достаточно ли было бы вспомнить в этой связи о феноменальном примере Лермонтова? За годы своей такой короткой жизни он создал все, что оставил драгоценным наследием русской литературе и культуре. Отпущено ему было судьбой всего-навсего 27 лет... Не так давно в одном из журналов можно было прочесть замечательные слова о Лермонтове, принадлежащие Анне Ахматовой: «Я уже не говорю о его прозе, здесь он обогнал самого себя на сто лет и в каждой вещи разрушает миф, что проза – достояние лишь зрелого возраста».

Вдобавок еще один, один факт. Даже не факт, а фактик. Почти полузабытый, свидетельствующий об очень ранней и разносторонней одаренности. В Вешенской в давние годы существовал молодежный самодеятельный театрик. Совсем юный Шолохов и лицедействовал в этом театре, и пополнял его репертуар, сочинял пользовавшиеся успехом у станичных зрителей пьески. Бродивший со своей бандой в окрестностях Фомин даже удостаивал эти представления своим присутствием, когда являлась возможность прибыть специально «на Мишку Шолохова». Все это было.

Теперь же попрошу у читателя прощения и уведу его совсем в иную сторону. Не все мне будет ловко рассказывать, кое-где придется прибегнуть к фигуре умолчания. Но попытаюсь сущность передать. А перед тем, как начать, похвастаюсь... На первом томе имеющегося у меня иллюстрированного (роскошно!) «Тихого Дона» есть драгоценная для меня надпись: «Дорогому Юр. Бор. Лукину. Вместе со мною любовно работавшему над этой книгой – с глубоким дружеским чувством. *М. Шолохов*. 2 VI 36 г.».

Надеюсь, читатель поймет, что это такое для меня.

Немного об истории этого издания... Получаю телеграмму от Михаила Александровича (я тогда работал в издательстве) о том, что один художник без договора с кем-либо, на свой страх и риск, исключительно из любви к произведению, проиллюстрировал все три вышедших к тому времени тома «Тихого Дона»... «Договорились с издательством, чтобы его приняли и посмотрели эти рисунки. Я с ним приеду». Приехали, иллюстрации привезли. Рисунки в буквальном смысле слова поразили издательство. Немедленно был заключен договор. Так появились три тома с этими иллюстрациями. Чуть-чуть было в них натурализма. И это послужило результатом последующего, о чем приходится рассказать. Вот почему четвертая книга, хотя художник к ней рисунки уже представил, не могла быть издана в свое время. По крайней мере, под его фамилией как иллюстратора...

Этот художник жил на Дону. Он сын или племянник одного из братьев Корольковых. В «Тихом Доне» есть упоминание знаменитого на Дону Королевского конного завода... Исключительно удался художнику образ Григория. Аксинья гораздо хуже. Женщины ему далеко не все удавались, я считаю. Но примечательная особенность этих иллюстраций: если вы взглянете на рисунки, где изображен Григорий – в начале и в конце первой книги, вы увидите, как менялся облик человека, однако несомненно согласитесь с тем, что перед вами один и тот же человек. В третьей книге новая встреча Григория с Аксиньей на прежнем месте, у спуска к Дону, вы опять-таки с несомненностью узнаете их обоих, но видите людей, уже переживших очень многое... Надо добавить, что это художник-самоучка. В Новочеркасске он проявил себя и как незаурядный скульптор, целиком отделав в городе парадный зал...

И случилось же так, что в полном удовлетворении от того, как он был принят и признан (Шолохов считал, что эти иллюстрации самые лучшие, а его иллюстрировали и такие мастера, как Фаворский, Верейский, Ребров), чувствуя себя на вершине успеха, художник проиллюстрировал совершенно другое произведение... Этих иллюстраций я не видел, но могу представить себе, что получилось при его реализме, граничащем, как мне все-таки кажется, порою с натурализмом: иллюстрировал он на этот раз небезызвестное произведение, названное по имени и фамилии его героя: «Лука...» (фамилию опускаю). Сделал Корольков не только рисунки, но и много фотокопий, которые не то дарил, не то продавал, короче говоря – за это оказался в тюрьме. Выпустить-то его выпустили. Мне даже рассказывали, будто следователь попросил: ну, дескать, ты мне один-то комплект оставь, подари... А тот отвечает: «Ну да, ты меня потом опять посадишь». Короче говоря, его выпустили... Потом началась война. А женат он был на немке, приволжской. Шолохов меня к ним привел, и я видел эту чету. Жена была художнику как Рембрандту Саския: и любимая женщина, и постоянная натурщица, все вместе. Кончалась война, и немецкую армию погнали из Ростовской области. То ли кровь зыграла, то ли неустойчивое сознание этого самого Сергея Григорьевича Королькова, но они с женой ушли с отступавшими немцами. Ушли и закрыли тем самым дорогу дальнейшим публикациям иллюстраций. Шолохов незадолго до своей кончины сделал попытку обратиться, как у нас говорят, в инстанции: нельзя ли реабилитировать рисунки Королькова к «Тихому Дону»? Ответ был в ту пору отрицательный. Следы Королькова затерялись далеко, за океаном. Это досадно крайне. Надо ли напоминать, к примеру, рисунок в первой книге к первой встрече Григория с Аксиньей и рисунок для третьей книги, когда Григорий, много переживший, говорит, встретив ее на том же месте: «Здравствуй, Аксинья дорогая...» И она отзывается: «Не на

этом ли месте любовь наша начиналась?»... Я в своих телевизионных опытах эту иллюстрацию всегда демонстрировал. Она поразительна.

Не хочу упустить ни одну из самых разных разностей, чтобы из них возникало целостное изображение. Поэтому прошу читателя простить мне повторы, перескоки от одного к другому ради какого-то малого штриха.

Программа «Пятое колесо» много усилий потратила на вещания в привычном для нее плане: все те же самые выпады насчет авторства «Тихого Дона», те же домыслы, та же неукротимая неприязнь. В Ленинграде (он еще не был переименован) вышла писательская газета с названием «Литератор». Опять и опять. Все то же самое, одно и то же... Как будто не было хлестких и точных реплик в публикациях Л.Е. Колодного, как будто не содержится ясных ответов по существу на нынешние инсинуации в письмах самого писателя, сохраненных Е.Г. Левицкой. Признаться, я был удивлен, когда увидел, что «Пятым колесом» анонсирована ретроспективная передача всех трех серий фильма «Тихий Дон». Передача состоялась. Последняя серия была показана в неудобные ночные часы...

Опять прошу у читателя прощения, но боюсь упустить один характерный штришок, который поможет показать, какими писатель сделал свои рукописи. Издательство командировало меня, чтобы получить очередные главы «Тихого Дона», одни из последних. Я провел у Михаила Александровича в Вешенской какое-то время, мы с ним все, что он приготовил, прочитали, чемодан мой постепенно наполнялся, но финальных, самых важных глав еще не было. И вот под конец я просто взмолился: «Михаил Александрович, вы же хорошо знаете, что, если вы не хотите, ни один человек не узнает от меня, что я читал эти главы, но я не могу от вас уехать, – вы понимаете, не могу уехать, – не узнав, чем же все это кончается». Что же он мне ответил! «Вот ты у меня пожил две недели, и я тебя ни разу не видел в нижнем белье. Почему же ты хочешь, чтобы я щеголял перед тобой в таком виде?» И так и не показал мне написанное, а я ему сказал, что видел у него на столе стопочку листов. Очевидно, это и были те главы. И действительно, вскоре он все закончил.

Он не позволял себе показывать свою работу в незаконченном виде. Но если потом вы могли ему доказать – что-то такое тут желательно как-то исправить, как-то усовершенствовать, он не сопротивлялся. Несмотря на то, что прежде думал об этом как о вполне законченном.

И совсем из другой оперы. Какой он был «заводной»! Любил и других заводить. Очень любил всякого рода розыгрыши. Иногда довольно жестокие. Как он со мной поступил... Но перед этим я должен объяснить: когда я с ним разговаривал, то обращался на «вы» и «Михаил Александрович», а он со мной – «Юрбор» и «ты». (Имя «Юрбор» он мне присвоил, да так, что оно ко мне прилипло, с тех пор многие стали так звать.) Всю жизнь так и было. И не было тут ни в какой степени ни малейшего оттенка чего-то вроде чинопочитания, самоуничижения перед вышестоящей персоной. Нет, просто я считал бы для себя неприличным обратиться к нему на «ты» и назвать его коротким именем. Мне было неприятно, когда другие говорили ему, похлопывая по плечу, «Миша», как было бы неприятно, если бы слышал, что о Пушкине кто-то говорит как о Саше, о Лермонтове – как о Мише, о Гоголе – как о Коле, о Шекспире – как о Вилли. Не те люди. Так о розыгрыше. Было это на охоте... Когда я бывал в Вешенской, всегда ездил с ним и Василием Михайловичем Кудашевым на охоту. Ездили на открытой, очень удобной для охоты в степи машине, похожей на «газик». Михаил Александрович был, кстати сказать, великолепным стрелком. Почти снайперская меткость у него была. Так вот он говорит: «Слушай, Юрбор, почему ты никогда не охотишься с нами, только едешь, как болельщик у нас? Ты – что, не умеешь стрелять?» А меня в ту пору по молодости завести ничего не стоило, я спортсмен заядлый был и, конечно, стрелял из «монте-кристо», мелкокалиберки, стрелял неплохо. «Почему? – говорю. – Я много стрелял». – «Ну, поедem сегодня с нами. На тебе вот, – снимает со стены французское ружье, – это ружье хорошее. Но имей в виду: мы едем на вальдшнепов, а с ними даже опытный охотник может промазать. Вальдшнеп

вот как – зигзагом! – взлетает, так что, если промажешь, не горюй!» Мне этого было достаточно, я уже трясся, пока не дождался... И вот, поднимает собака птицу, вальдшнеп взлетает, я стреляю, птица падает. Михаил Александрович с Кудашевым (они оба в охотничьих сапогах) идут туда, где собака птицу подобрала, и, возвращаясь, несут добычу за лапки. По их физиономиям вижу: готовится мне какой-то подвох. Приближаются, Михаил Александрович говорит: «Ну, как?» Отвечаю: «Убил». – «Убить-то убил. А кого ты убил?» Думаю: Боже мой, неужели ж я какую-нибудь домашнюю птицу пристрелил? Курицу какую-нибудь или что-нибудь еще?! Какой черт мог домашнюю живность сюда занести?.. Говорю робко уже: «Вальдшнепа». А мне в ответ: «Вальдшнепа-то вальдшнепа... – Василий молчит, а Михаил Александрович изображает даже некоторое сочувствие не то птице, не то мне, не то нам обоим. – А ты на глаза его посмотрел?» – «А что такое?» Протягивают они птицу мне поближе, и Михаил Александрович говорит: «Посмотри, у него же твои глаза». В тот день я стрелял еще очень много, но ни разу ни в одну птицу не попал. И с тех пор больше вообще не охотился... У меня отец был страстный охотник, я уже увлекся спортом, пошел по этой линии. Могло быть по-другому, не сломай меня сразу тогда Михаил Александрович..

И опять позволю себе внезапный поворот. О круге чтения. Михаила Александровича часто спрашивали: кого он считает своим учителем в литературе? Толстого? Ответ его был такой: не только. У всех понемногу учился – и у Гоголя, и у Чехова, и, конечно, у Толстого. Спрашивали и так: кого он считал своим учителем, а кого просто любил? Он очень высоко ценил Бунина⁴. Об этом можно судить уже по тому, что в «Тихом Доне» Бунин процитирован. Во второй книге романа один из персонажей вспоминает бунинские строки: «Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей ты смотришь золотистыми глазами...» Строки из стихотворения «Собака». Но это еще не все. Когда мы с ним у него дома подходили к книжным полкам, брали ту или иную книгу, он любил читать вслух. Он умел это делать, что-нибудь вспомнить из стихов и нравящееся прочитать вслух. Он умел это делать. Помню, как он смаковал опять-таки бунинское:

Я, простая девка на баштане,
Он, рыбак, веселый человек...

В стихотворении говорится об этом веселом рыбаке, который объездил много морей и рек, многое повидал его белый парус, и потом идут такие строки:

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь – с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

Надо было видеть его, когда он произносил эту последнюю строку! В его зеленых глазах искры какие-то пробегали в этот момент. И была у него приметная мимическая гримаска: нижняя губа поджималась к верхней, он как бы приглашал собеседника разделить с ним восхищение этой лихой отчаянностью девушки, грозящей задушиться собственной косой.

В то же время, с одной стороны, этот бешеный темперамент, а с другой – нечто иное: он даже говорил с людьми о том, какое впечатление на него производит мудрая, спокойная при-

швинская проза с ее поразительным проникновением в природу и с ее прозрачностью, доброй ясностью мысли и восприятия. И то и другое было ему близко. А то вдруг заводил он разговор о Хемингуэе, и всегда было интересно говорить с ним об этом. Умел он и блистательно его спародировать. Ему доставляло удовольствие вспоминать книгу американского писателя прошлого столетия Мелвилла «Моби Дик»⁵ – о белом ките. У Хемингуэя⁶ ему ближе всего был, как мне кажется, «Старик и море». Но это уже ощущения. А вот что несомненно привлекало его внимание. Был у него сборничек стихов эмигрантского поэта, который из своего имени (полностью – Аминад Петрович Шполянский) выстроил себе странный псевдоним: Дон-Аминадо⁷. Теперь у нас издана его интересная проза, получил читатель его стихи. Так вот, одно из стихотворений опять-таки связано со вкусами Шолохова. Он очень ценил умение чувствовать запахи, а стихотворение Дон-Аминадо – о запахах разных городов мира. Оно говорит о том, как пахнет Лондон, как пахнет Гамбург, какие запахи у Чикаго, какие – у Парижа. Есть там горькие строки. Михаил Александрович это стихотворение так любил, что его дети, с которыми я дружил, читали наизусть заключительные строки и меня заразили...

...Но один есть в мире запах,
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега.

Лишь его не может вспомнить
Сердце, помнящее много.
И уже толпятся тени
У последнего порога.

Вот такая степень тоски по родине, по России. Это всегда было ему очень близко, он очень это ценил.

Не напрашивается ли здесь ассоциация? Как не сказать о запахах родной Шолохову степи! Те запахи, которые обычно считают характерными для степного пейзажа, – запах полыни и выжженной солнцем травы – это далеко не все. Я, когда у него бывал, сам видел степь сплошь лиловую от фиалок. А в другом месяце степь опьяняла запахом тюльпанов. Я не ошибаюсь: наши тюльпаны не пахнут, а те, дикие, пахнут, и когда они цветут, степь пахнет одуряюще, она вся покрыта как бы цветным ковром. Существует местное название: «лазоре-вый цветок», вот это и есть дикий тюльпан. Почему «лазоре-вый», неизвестно, тюльпаны пестрые, разноцветные.

Если бы писатель не чувствовал так остро, не понимал запахи, он никогда не смог бы и о своей Аксинье написать, что она уловила: у ландыша запах грустный и томительный...

Однажды я, работая тогда в редакции «Правды», получаю от главного редактора поручение – поехать разыскать Шолохова там, где он сейчас находится, сообщить ему, что он стал лауреатом Нобелевской премии, и взять у него первое интервью для печати, для газеты. Сначала было не так легко: пришлось разыскивать Михаила Александровича в Казахстане. Помог мне в этом уральский писатель Николай Федорович Корсунов, с которым вместе мы обнаружили нобелевского лауреата на берегу озера Налтыркуль, где он со своей семьей предавался любимому увлечению – охоте... А значительно позже – вот уже огромный по времени перескок! – была поездка после Швеции в Японию. И та и другая поездки были связаны с этим присуждением Нобелевской премии. Волею судьбы я оказался с писателем в этих поездках как специальный корреспондент «Правды». А еще позже была поездка в Вешенскую с немецкими профессорами Эберхардом Брюнингом и Эрхардом Хексельшнайдером, где я даже выступал в качестве переводчика одного из поздравлений, с которым к писателю обратились немецкие

ученые. Встреча была удивительная. Цель ее была в том, чтобы вручить Шолохову диплом почетного доктора Лейпцигского университета.

А гораздо раньше была другая примечательная поездка в Вешенскую. Там в то время находился известный московский фотограф (он даже не любил, когда его называли просто фотографом, он говорил: фотокорреспондент, видя в этом нечто более уважительное) Виктор Темин. Он сделал там много снимков. Один для меня особенно ценен: на балконе шолоховского дома стоим мы троим – Шолохов в центре, а слева от него секретарь Вешенского райкома Петр Кузьмич Луговой. Тот самый Луговой, о котором впереди еще пойдет речь. Который был впоследствии арестован, сослан, и Шолохов его выручил, вытащил оттуда, как проделывал это с рядом других людей...

Что ж, чтобы жизнь присутствовала в моем рассказе с большей пестротой, расскажу еще несколько случаев, хотя бы два-три. Разговор Шолохова с графоманом, его земляком из Вешенской, который принес ему на просмотр свое произведение. Михаил Александрович прочитал и посоветовал не тратить время зря. Я присутствовал при этом разговоре. Посетитель вежливо попрощался с хозяином, дошел до ворот, у калитки обернулся, улыбнулся, сверкнув золотыми зубами, и сказал: «А все-таки вы не правы, Михаил Александрович. Моя жена – зубной врач, и она тоже кое-что понимает в литературе. Она мне говорила другое».

Это один посетитель. Другой был совершенно иного плана. Сидим мы на веранде за чаепитием. Мне поручили наливать в чашки кипяток из самовара, поэтому именовали «завкипом», заведующим кипятком. Подходит секретарь Михаила Александровича и говорит: его спрашивает какой-то старик. «Где старик?» – «А там, на кухне». – «Зови его сюда», – радушно приглашает Михаил Александрович. «Да не идет он». Ну, Михаил Александрович пошел на кухню, оставив нас на какое-то время, а когда вернулся, я в первый раз увидел Шолохова до такой степени смущенным. Он вернулся просто красный. Когда принялись расспрашивать, в чем дело, он никак не хотел говорить. Пристали к секретарю. Тот и рассказал: «Это, знаете, пришел старик с Украины, пешком пришел. И сюда никак не идет, говорит, что пришел «тильки побачыты», только увидеть. И вот, мол, теперь «побачыв» и собирается обратно. И никаких слов, кроме того, что он уже одно такое паломничество совершил: в Ясную Поляну».

Вот это и потрясло Михаила Александровича.

Об одном запомнившемся во всех своих деталях впечатлении. Спускались мы вниз по Дону на лодке с Михаилом Александровичем и с местным рыбаком, у которого было странное для нашего слуха имя: Чикиль. Чикиль – на донском наречии значит хромой. Он действительно был хромой, потому и получил такое прозвище. Там, на Дону, все ходят с прозвищами. Этот Чикиль вел нашу лодочку, он был на веслах. И вдруг я увидел... Мне показалось, что я или видел это раньше во сне, или когда-то был здесь... Такое ощущение меня не оставляло. Это был один из хуторов, которые вошли в представление о хуторе Татарском, где жили семьи Мелеховых и Астаховых. Все было настолько узнаваемо, что я спросил: «Михаил Александрович, а это Татарский?» Он не успел ответить, за него ответил Чикиль: «Что вы, Юрий Борисович! – там очень уважительно выговаривают отчество, не «Борисыч», а «Борисович», – вы же видите, тут у спуска к Дону, где мог Григорий с Аксиньей встретиться, тут же песок, а у Михаила Александровича не написано, что Григорий ехал по песку». Меня это поразило. Во-первых, простой рыбак спонтанно, немедленно может, по-видимому, сослаться на текст, взятый с любой страницы. А во-вторых, какая убежденность, неуступчивая вера в реализм изображения: уж если был песок на этом месте, так уж писатель об этом обязательно упомянет...

И еще случай хотел бы рассказать. Михаил Александрович любил меня поддразнивать. Вот он как-то и говорит: «Ты мне скажи – ты кто, редактор или ты лит?» Словом «лит» он обозначил: главлитчик, цензура. Я старался как-то не снижать веселых ноток в разговорах, но однажды задумал очень плачевно обернувшееся для меня предприятие. В Ростове издавался сборничек к 35-летию писателя. В этот сборник я, совершенно естественно, написал статью

обычного, нормального плана, а кроме того, решил схулиганить, сделать юбиляру сюрприз: описал приезд в Вешки, чаепитие на веранде, даже встречу с тем стариком, который пришел побачыты, и дорогу ночную на машине из Миллерова в Вешки... А надо сказать, что мы ехали с Василием Михайловичем Кудашевым, ночью надо было выходить, поэтому попросили проводницу нас разбудить, чтобы мы не проехали Миллерово. А от Миллерова ехали уже на машине до Вешенской. Эта проводница была какая-то очень суровая, видимо – надоели ей пассажиры страшно. Но когда она услышала, что мы едем до Миллерова, она вдруг спросила: «А вы не к Шолохову едете?» Мы сказали. И тут все внезапно изменилось. Нам немедленно принесли чай, проводница заговорила с нами так, будто мы едем к ее родным... И это я описал, и ночь на дороге. Когда машина едет по этой дороге ночью, впереди время от времени вспыхивают зеленые сияющие точки: это лисы перебегают дорогу, останавливаются и смотрят на машину в упор. А потом – удивительное зрелище: «Утренняя звезда» – это Венера там у них так называется – постепенно поднимается от горизонта и тянет за собой, как шлейф, полосу рассвета... Все это я, как сумел, описал, а поскольку дело дошло до старика украинца... Да! Я еще подписался псевдонимом: «Г. Лит.». Думал, Михаил Александрович сразу узнает и посмеется. Потом спросил его: «Вот вы в сборничке читали? Там какой-то Лит о вас написал». Он говорит: «Читал». Короткая пауза, а потом – я не решаюсь воспроизвести точное его выражение, заменяю в нем одно слово: «Как, – говорит, – в ухо тебе заглянули». Только он не «ухо» сказал, а другое. Я не видел своего псевдонима, но после этого решил, что никогда о нем вот так, о черточках его характера, о случаях его жизни, об этом писать не буду. Только о творчестве! И дневниковых никаких записей делать не буду. Подальше от соблазна! Он подобные вещи не воспринимает. Потом я, разумеется, страшно жалел: многое, что могло быть записано, приходилось и приходится восстанавливать по памяти... А она, как известно, чем дальше, тем больше подводит.

В то же время он был человеком очень веселым, любил близких ему людей разыгрывать. Я уже написал здесь, как он меня разыграл на охоте. И подобное повторялось не раз. Он все время втравливал нас в игру в подкидного дурака по донскому правилу: это называлось «на пролаз», проигравший должен был проползти на четвереньках под столом, а его могли подпихивать со стороны, чтобы ускорить его продвижение.

Познакомился я в те дни с его матерью, Анастасией Даниловной, или, как ее там называли, Данильевной; с его тестем, Громославским, отцом Марии Петровны, бывшим атаманом одной из станиц, общительным человеком, который отсидел при царе за то, что был атаманом либеральным, а при Советской власти – за то, что вообще был атаманом...

Но я рассказываю такие веселые вещи, а начали мы совсем с другой ноты. Действительно, его смелость, его неумение приспособливаться или нежелание приспособливаться, все опасности, которые его окружали, то, что нависало вокруг него, над ним, все это присутствовало со всей несомненностью... Я и сейчас удивляюсь тому, что он меня не посвящал в эти обстоятельства до поры до времени.

Однако пора перейти к тому, что волей-неволей нас не оставляет. К той клевете, которая плелась и плетется вокруг него. Надо сказать, что эта клевета была даже тогда опровергнута. Прочитую письмо писателей в «Правду». Там было пять подписей, под этим письмом. Его и Фадеев подписал. Писатели в своем письме прямо говорили о злобной клевете, гневно опровергали ее и осуждали тех, кто ее распространяет, распускает грязные сплетни. Все это связано с авторством «Тихого Дона». Писатели требовали привлечь клеветников к суду (как это и делается теперь в подобных случаях в наше время). Многим стоило бы особое внимание обратить на весьма справедливое утверждение в этом письме. Цитирую: «Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей». И они продолжают: «...писатели,

работающие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном»...»

Борис Ливанов¹ Трубка Шолохова

Из воспоминаний жены Б. Ливанова
<...> Из Москвы Борис Николаевич писал:
«23 сент. 1941 г.

...Я каждый день репетирую «Кремлевские куранты». На днях показывался В.Г. Сахновскому в новой роли. С сегодняшнего дня перешли на сцену. Репетируем еще «Три сестры». Вводим Андровскую² на роль Маши. Скоро пойду на фабрику грамзаписи, откуда будет передача концерта для фронта. Я играю опять «Яровую». Каждый день концерты. Иногда очень далеко за городом. Поздно возвращаюсь...

29 сентября 1941 г.

...На днях (9—10) должна быть премьера «Курантов». С завтрашнего дня пойдут репетиции на сцене. И меня ни за что не отпустят.

...Как хочется быть с вами, мои любимые, родные. Как все трудно! Хоть бы одним глазком посмотреть на вас, моих бедных, дорогих, родных!!! После премьеры предполагается выезд бригады на фронт. «Кремлевские куранты», «Яровая» и еще что-то. Должны ехать Хмелев, Грибов³, я и др. Но не знаю, пока еще это не точно...

29 октября

...Вчера у меня была генеральная репетиция «Курантов»... Спектакль, в общем, понравился. И особенно – исполнение Хмелева, Грибова и мое. Так что, кажется, все-таки... искусство... Сейчас будут снимать меня и других участников спектакля на пленку кинохроники. Надо сейчас уже скоро идти гримироваться и одевать свою особу. Не очень хорошо получается финал спектакля. Но, кажется, удалось своего добиться. Я тебе м. б. пришлю еще подробности дальнейшие...»

Потом театр отправили из Москвы в Саратов. Оттуда Борис Николаевич сообщал:

«Сегодня приехал Храпченко¹. Остановился в номере напротив нашего. Вечером будет беседовать с нами. Предположено было начать 6-го работу театра в Саратове. Все, что я пока знаю. Советовался с Храпченко о вашем приезде. Он не советует. Находит, что вы живете в лучших условиях, чем можете жить здесь со мной. Он так же, как я, не виделся с семьей с начала войны. Что узнаю после беседы с ним, сообщу отдельно».

Наконец, семья наша соединилась – в Саратове. Директором театра в эвакуации был назначен Иван Михайлович Москвин⁵, поскольку Немирович-Данченко оказался на Кавказе. Все жили в одной гостинице. Распорядок жизни артистов очень строгий. После 12 часов ночи не разрешалось говорить по единственному телефону. Все эти правила были вывешены на стене за подписью Москвина-директора. Как-то ночью постучали к нам в дверь. Мужской голос требует Ливанова к телефону.

– Слушаю. Кто говорит? – шепотом спросил Ливанов.

– Борис? Это ты? Шолохов говорит... Что ты шепчешь?.. У вас что, войны нет? Я с фронта и утром лечу в Москву. Сейчас мы приедем к тебе...

В этой маленькой, старой гостинице была чугунная лестница. Через некоторое время мы услышали грохот, разносившийся эхом по всему зданию подобно шагам командора. В дверь постучали и вошли три человека. Михаил Александрович Шолохов был в военной форме, он тогда с усами пшеничного цвета и большим нависшим лбом был похож на художника Федотова... Вторым был Князев, прокурор Саратовской области, земляк Шолохова. И еще с ними был молодой человек, тоже военный. В Саратове строго соблюдалось затемнение, и мы зажгли

фитиль, опущенный в масло на блюде. Сначала Шолохов рассказывал о фронте. О молодых женщинах-санитарках, иногда очень маленьких и хрупких, которые добросовестно находили раненых на поле боя и тащили их на себе, не будучи даже уверенными, что раненые еще живы...

После этих удивительных рассказов Шолохов вдруг запел высоким голосом казачью песню. Ее подхватил Князев... Они так пели, что никогда и нигде мы ничего подобного не слышали. Пение продолжалось до семи утра, потом все поехали домой к Князеву, где его жена дала нам яичницу с салом и налила по стакану спирта. Все выпили «посошок на дорожку».

Приехали на заснеженный ледяной аэродром, и Михаил Александрович улетел.

Вернувшись в гостиницу, убирая со стола, обнаружила трубку Шолохова. Забыл. Хватится, какая досада! Но он обещал на обратном пути из Москвы на фронт, пролетая через Саратов, обязательно зайти. Я положила ее в чемодан. Не зайдет – будет нашим талисманом. Трубка Шолохова с фронта! Часа через три появился Князев.

– Шолохов, вероятно, у вас оставил трубку. Звонил из Москвы!

– Нет! – Я поспешила опередить Бориса Николаевича.

– Посмотрите внимательнее...

– Я тщательно убирала. Нет, трубки нет.

Он ушел.

– Ну знаешь! – сказал потрясенный Ливанов. – Соврала, да еще прокурору!

– Он приедет, и я сама хочу ему отдать.

После ухода Князева постучали в дверь.

– Борис Николаевич. Москвин просит вас сейчас же к нему.

– Я с тобой.

– Пошли.

Глядя в окно и не оборачиваясь, сдерживая себя, накаленным голосом Москвин спросил:

– Что происходило сегодня ночью в вашей комнате? Никто не спал в гостинице...

Я робко сказала:

– Иван Михайлович, сейчас я все вам объясню.

Но Москвин прервал меня:

– Ливанов будет отвечать!

Все это говорилось с такой поистине москвинской силой, с таким безвыходным для нас подтекстом, что, казалось, объяснить ничего уже будет нельзя.

– Иван Михайлович, – начал Ливанов, – ко мне ночью пришел Шолохов с друзьями, проездом на фронт, и они так замечательно пели казачьи песни...

Москвин резко обернулся:

– Что же ты меня не позвал?

Через несколько дней Шолохов у нас. Князев с ним. Я лезу под кровать, достаю чемодан, вынимаю трубку. Ни то, как на меня посмотрел Князев, ни недоумение Бориса Николаевича, когда я не отдала трубку, ни мои угрызения совести не идут в сравнение с радостью Шолохова.

– Трубка! Моя!! Какое счастье! Боялся ехать без нее.

Даже сейчас, когда пишу, сердце забилося учащенной. Доставить радость человеку, да кому – Шолохову!

– Миша, почему ты не сделаешь пьесу из «Тихого Дона»? Ну, если ты не будешь – реши сделать это мне.

– Ты будешь играть Григория? А Аксинью кто?

– Тарасова.

– Я буду рад. Делай.

Уже в Москве Шолохов пришел к нам. Ливанов начал читать ему инсценировку.

– Стой, стой! Отдохни, пойдешь в другую комнату.

– Ты не доволен? Я волнуюсь.

Борис Николаевич волновался.

Когда он вышел из комнаты, Михаил Александрович сказал:

– Борис думает, так это просто – ведь он сделал пьесу, не я.

Он волновался не меньше Бориса Николаевича. Когда Борис Николаевич кончил читать:

– Хорошо, ставь. Никаких тебе замечаний у меня нет.

– А у меня к тебе просьба: у Григория остался сын, теперь он воевал, наверно, и по возрасту так. Когда кончится спектакль, пусть сын Григория выйдет за занавес, обратится к зрителям. Напиши ему этот монолог. У нас есть молодой, хороший артист, и на меня похож.

– Нет, нет, нет и нет!

– Пойми, это необходимо, Миша!

– Я написал роман, это законченное произведение. Не буду.

Пьеса Бориса Ливанова «Тихий Дон» по роману Шолохова была

принята в Художественный театр. В пьесе не было ни одного нешолоховского слова.

Когда Борис Николаевич читал ее труппе, были аплодисменты, слезы, смех – приняли на «ура», как в таких случаях говорят. Директор Месхетели положил ее на глазах у Ливанова в сейф в своем кабинете в театре. Борис Николаевич отдал рукопись, единственный экземпляр, который потом не могли найти. Ливанов должен был приступить к репетициям. Месхетели страшно сражался тогда с частью труппы, протестуя против «Зеленой улицы»: нельзя, чтобы в Художественном театре шла такого низкого литературного качества пьеса! Михаил Кедров хотел ее ставить и – настоял. Занял Ливанова в этой пьесе. Постановку «Тихого Дона» отложили <...>

Борис Сперанский Встречи с М.А. Шолоховым

Хмурым утром мартовского дня 1942 года в кабинете военного прокурора Саратовского гарнизона настойчиво зазвонил телефон.

– Князев слушает! Что-что? Неужели? Сейчас же выезжаю...

Прокурор быстро и ловко накинул на себя шинель, надел шапку, взял со стола под мышку портфель и выбежал на улицу.

Садясь в стоявшую у подъезда автомашину, он на ходу крикнул шоферу:

– На аэродром!

Через полчаса по лестнице одного из крупных зданий Саратова поднимались двое военных. Тот, кто шел впереди, был одет в форму летчика. На его шлеме, выше лба, поблескивали стекла больших очков, на плечи спускался широкий меховой воротник. Медленно, несколько усталой походкой он переступал со ступеньки на ступеньку. И когда сопровождавший его открыл дверь, человек в летной форме облегченно вздохнул, крупно шагнул через порог. Заметив приближающуюся навстречу женщину, он громко поприветствовал:

– Здравствуйте, Любовь Филипповна!.. Что, не узнаете?

Женщина, пристально поглядев на гостя, мигом протянула руки и горячо воскликнула:

– Вы ли, Михаил Александрович?! В такое-то время, и в Саратов! Какими судьбами?

Это был известный советский писатель Михаил Александрович Шолохов, прибывший с фронта, а сопровождал его муж Любови Филипповны – Федор Степанович Князев.

Князевы знакомы с семьей М.А. Шолохова больше тридцати лет. Еще молодым Федор встретился с Михаилом Шолоховым на его родине, и с той поры они не забывают друг друга. В семье бережно хранятся замечательные письма писателя, его дарственные книги, редкие фотоснимки.

Вечером хозяин квартиры по случаю приезда в Саратов писателя устроил скромный ужин. На него были приглашены всего два человека – следовательно, ныне адвокат Сергей Иванович Максимов, и работавший тогда управляющим саратовским трестом «Маслопром», ныне директор совхоза «Хоперский» Балашовского района, Андрей Миронович Тарасов. Тарасову сразу же пришли на память события: вот он, комиссар донских станиц Букановской, Федосеевской и Слащевской и одновременно председатель районного военного совещания по борьбе с бандитизмом, принимает в начале 1922 года молодого Михаила Шолохова на работу в качестве агента по продналогу...

Сергей Иванович Максимов при первом же разговоре с Шолоховым почувствовал себя его другом.

Когда, казалось, обо всем уже было переговорено, Михаил Александрович, обращаясь к Федору Степановичу, предложил:

– А теперь давайте споем казацкие песни, – и первым запел: – «Ой да разродимая, моя сторонущка...»

Все подхватили песню.

На следующий день писатель Шолохов познакомился с Саратовом, побывал на Волге, посетил картинную галерею художественного музея. Выйдя из музея, Шолохов откровенно признался:

– Нравится мне Саратов. У города большое, прекрасное будущее.

За четырехдневное пребывание в Саратове Шолохов дважды побывал в театрах.

– Я знаю, что ты, Михаил Александрович, очень любишь Дон, но и Волга ведь хороша! – сказал Федор Князев.

– Да. Волга-матушка – хорошая река!

В ясный, солнечный день саратовцы сердечно проводили любимого писателя.

Петр Луговой С кровью и потом

Из записок секретаря райкома партии

Неизвестные страницы из жизни М. А. Шолохова.

(Продолжение. Начало в книге первой)

<...> Изю дня в день станицы и хутора района посылали на фронт все новые и новые партии мобилизованных. Все меньше и меньше оставалось рабочих рук в колхозах и МТС. Ушедших заменяли подростки и женщины. Стали организовываться женские тракторные бригады, к штурвалу комбайна и к рулю автомашины, в мастерские МТС приходили женщины, чьи мужья ушли на фронт.

В Вешенском районе в то первое лето войны только начиналась уборка хлебов, учиться осваивать машины пришлось на ходу. Сколько слез, горя, труда было потрачено, пока из женщин, девушек и молодых парней были созданы кадры. Из существовавших до войны двух-трех женских тракторных бригад рядовые трактористки становились бригадирами, трактористов набирали из прицепщиков – парней и девушек, и на практике, без теории они осваивали машины. Бывало, сердце кровью обливается, когда подъедешь к трактору, он стоит, а девушка у заводной ручки плачет, не может завести. На тракторную бригаду с большим трудом удавалось поставить одного мужчину, знавшего трактор, и он от трактора к трактору ходил и заводил. Заведет одной, смотришь – у другой трактор стал.

Колхозники и колхозницы, казаки и казачки, ценой величайших усилий спасли хлеб, вовремя убрали его и сдали государству. Шолохов, находясь в станице Вешенской, написал статьи в газету «Правда» и «Красную звезду»: «В казачьих колхозах», «На Дону». Словом казаков Якова Землякова, Романа Выпрямкина писатель утверждал, что «донские казаки всех возрастов к службе готовы», что «великое горе будет тому, кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева». В другом очерке Шолохов писал: «Грохочут гусеничные тракторы, над сцелами комбайнов синий дымок смешивается с белесой ржавой пылью, стрекочут лобогрейки, поднимая крыльями высокую густую рожь». И всем этим управляют другие люди, заменившие бойцов, ушедших на фронт.

Как-то, возвратясь из Москвы, Шолохов рассказывал, что был у А.С. Щербакова¹, секретаря ЦК ВКП(б). В беседе с ним Щербаков говорил, что сейчас нужна короткая статья, зовущая на бой с немецкими захватчиками, небольшая, но горячая брошюра о борьбе с немецкими фашистами. Шолохов печалился о том, что плохо даются ему такие статьи и брошюры. В дальнейшем, как известно, он овладел и этим видом творчества и создал гневные произведения большой духоподъемной силы.

В другой раз Шолохов говорил, что Щербаков высказал мысль о том, что, когда похолодает и полетят белые мухи, тогда покрепче ударим немцев. Видимо, речь шла о готовившемся разгроме немцев под Москвой зимой 1941 года.

В июле 1941 года Шолохов был призван в армию, ему присвоили воинское звание полкового комиссара. Верховное командование использовало его как военного корреспондента газет «Красная звезда» и «Правда». Шолохов стал часто бывать на различных фронтах – на Западном, Южном и других.

Осенью 1941 года немцы заняли Ростов, угрожали Ворошиловграду. Семья Шолохова была эвакуирована в Камышин. Накануне он подарил мне, Красюкову, Логачеву и другим товарищам фотографию, где был снят со своей семьей: Марией Петровной и детьми Светланой, Сашей, Мишей и Машей. На фотографии Шолохов написал:

«П. К. и М. Ф. Луговым.

Дорогой друг! Мы с тобой прожили большую и богатую радостями и горестями жизнь. Ты был, остаешься и будешь – я в этом уверен – лучшим моим другом. Если эта фотография когда-либо напомнит тебе о тихом Доне, о Вешках, о том, кто был и остается твоим всегда верным другом, – будет легче тебе и мне. За товарищество, за дружбу, которая в огне не горит и в воде не тонет. За нашу встречу и за нашу победу над окаянным фашизмом!

Твой Шолохов

11 октября 1941 г.»

На другой день на грузовых машинах мы проводили дорогу всем нам семью. Шолохов, устроив семью в Камышине, вернулся домой в Вешенскую, где в доме осталась на хозяйстве его мать. В это время Южный фронт нанес серьезный удар по фашистам и выбил их из Ростова, но развить успех не сумел, немцы еще имели большой перевес в живой силе и особенно в технике.

Находясь в прифронтовой полосе, Шолохов поехал в штаб Южного фронта, находившийся в Каменске. В дорогу он взял с собой меня и Николая Николаевича Лудищева. Мне нужно было ехать в

Ростов на пленум обкома партии, а Лудищев ехал сопровождающим. К Каменску мы подъезжали поздно вечером, без света фар ехать было тяжело, машина попадала в канавы, могла перевернуться. Тогда шофер включил свет. При свете ехать также было невозможно, нас обстреливали с воздуха немецкие самолеты, бороздившие небо над Каменском. Две или три очереди трассирующих пуль чуть было не пбили нас с Шолоховым, и уцелели мы каким-то чудом. Одна очередь прошла прямо над головой, вторая слева, разбив боковое ветровое стекло. Третья очередь прошла справа в 20–30 сантиметрах от машины. Желтые, красные, зеленые, белые пули чередовались в каждом пучке выстрелов. Мы снова потушили свет, один из нас пошел пешком впереди машины, указывая ей след. Так мы добрались до Каменска.

Город был погружен в темноту. Днем его бомбили. Шолохов беседовал с военнопленными немцами, ездил на передовую. В этих поездках Шолохов простыл, заболел и был помещен в госпиталь, откуда скоро вернулся на квартиру, заявив, что не может лежать в госпитале, когда идет война и ему нужно работать.

Шолохов написал статью «На юге», в которой показывал единый борющийся лагерь советских людей, всех, кто добывает победу своей великой Родине. Затем Шолохов надолго выехал из Вешенской. Зимой 1941/42 года Шолохов побывал на различных фронтах. Он своими глазами видел, слышал и чувствовал войну, воспринимал ее запахи. В статьях того времени Шолохов писал о героической борьбе советских людей с оголтелыми фашистами.

В Вешенскую Шолохов вернулся в двадцатых числах мая 1942 года. Он рассказывал мне, что перед отъездом из Москвы был у Сталина. Сталин сказал, что положение на фронтах стабилизировано и что советское командование накапливает силы для мощных ударов по немцам. Но не прошло и недели, как под Харьковом немцы нанесли серьезное поражение Юго-Западному фронту. Они прорвали нашу линию обороны и начали крупнейшее наступление на Сталинград и Кавказ. 8 и 9 июня фашистские самолеты бомбили Вешенскую. Шолохову пришлось вновь заботиться о безопасности близких. Вначале он оставил семью в хуторе Андроповском, а сам вернулся за матерью и кое-какими вещами. Мы – я, Логачев, Красюков, Лимарев – собрались проводить его у него во дворе. Машина его стояла с заведенным мотором. Не успел Шолохов указать рукой на самолеты, как посыпались бомбы. В это время и погибла его мать. Мы все залегли, где кто мог, а она шла в сарай по своим хозяйственным делам, и вражеский осколок сразил ее.

Немного подождав, пока рассеется дым и пыль от взрывов, Шолохов выехал в Андроповскую. Он не знал, что мать убита. Для похорон матери он снова вернулся в Вешенскую. Похоронив мать, направился с семьей в Камышин или Николаев. По пути к Волге он прислал мне записку следующего содержания:

«Дорогой Петя!

Не знаю, какова сейчас обстановка в Вешенской, отсюда трудно судить, но если ваши семьи еще не выехали, то еще раз напоминаю: будут гнать скот, пусть прихватят наших коров. Если дом не разрушен – все остается на твое усмотрение, как ты там решишь, так и будет. Крепко всех вас обнимаю и твердо надеюсь на встречу.

М. Шолохов.

P.S. В доме остались кое-какие харчишки. Если это цело – забери себе, сгодится.

М. Ш.»

На письме не поставлена дата, судя по всему, оно написано 11–12 июня 1942 года, так как наши семьи еще отправлены не были, они находились в колхозе «Новый мир», в школе. Никаких харчей и вещей в доме не оказалось, в нем располагались красноармейцы отходящих частей, в беспорядке переправлявшиеся через Дон. Даже не оказалось библиотеки, которая еще вечером, в день бомбежки, была цела. Потом стало известно, что командир какой-то части погрузил все книги шолоховской библиотеки и отвез их в Сталинградскую городскую библиотеку (нашел куда везти), где они и пропали...

Здание райкома было сильно порушено, но еще стояло, не развалилось. В дом Шолохова попала большая бомба и взорвалась под полом, в зале, были повреждены столбы, на которых крепился мезонин. Несколько позже все надворные постройки во дворе Шолохова (сарай, конюшня, кухня с баней и забор) сгорели дотла.

Подойдя к Вешенской, гитлеровцы остановились, отделенные от станицы рекой, и стали строить укрепления. Бои развернулись восточнее Вешенской, в Серафимовиче, Клетской, Калаче и затем в Сталинграде. Районный центр был эвакуирован в Терновский сельсовет, на границу Вешенского района и Сталинградской области. Начались фронтовая и прифронтовая жизнь и работа района. МТС с тракторами и моторами комбайнов и запчастями были эвакуированы к Волге, скот тоже эвакуирован, – часть за Волгу, часть к волжскому правобережью. Парторганизация переключилась на помощь фронту, проводила заготовку овощей, фруктов, хлеба, оказывала помощь госпиталям. Строила оборонительные сооружения.

Райком и райисполком еще до подхода фашистов к Дону организовали партизанский отряд. Но действовать ему не пришлось. Хотя отдельные его бойцы выполняли важные поручения командования. Так, например, Афанасий Карпов и Илья Глазунов ходили в тыл врага в районе Ягодного. Королев ходил в тыл к немцам в районе Базков и собрал важные разведывательные данные. Были организованы конспиративные квартиры и базы с оружием и продовольствием, подпольная типография, медпункт и другое, нужное на случай перехода райкома партии и райисполкома на нелегальное положение.

Зимой 1943 года Шолохов прислал нам дружеское письмо после полугодовой разлуки:

«Дорогой Петя и все товариство!

Вот и «отыскался след Тарасов»! Павел Иванович – первая ласточка из уральских степей, но, видно, скоро и я побываю проездом в родных местах. За эти полгода много воды утекло, и обо всем не расскажешь, все это оставим до встречи. Не знаю, кто из вас в Вешенской, кого нет, но всем оставшимся шлю привет, большущий и сердечный. С ноября по конец декабря был я в Москве.

ЦК вызывал лечиться. Прошел средний ремонт в кремлевской лечебнице и сейчас уже – почти в рабочей форме, пишу, было такое время, когда не только ехать куда-либо, но и писать не мог по запрету профессоров. Чуть не попал в инвалиды, но кое-как выхромался, и сейчас уже рою ногой землю (точно так, как Тихон) и собираюсь ехать вслед за фронтом по донской земле.

В Москве говорил по телефону с Абакумовым, он должен был навести справки о Лудищеве, но т. к. это было перед отъездом, узнать о нем не мог. О вас слышал только от камышинского секретаря Ведяпина, а потом – ни слова.

Как вы там и что? Напиши с Павлом. Я не уверен, что он застанет по возвращении меня здесь, но на всякий случай напиши обо всем подробно. Мне думается, что Виделин, который был у меня, побывал уже в Вешенской и рассказал о нашем житье-бытье, а вот о Вешках мы тут ничего не знаем. Где сейчас обком? Двинский писал мне из Камышина, где он был проездом, на этом связь с Ростовской областью и оборвалась.

По-прежнему ли вы в Дударевке или уже в Вешенской? И что осталось от этой бедной станички? Очень хотелось бы побывать у вас и посмотреть. Думаю, что мне удастся завернуть к вам и увидаться со всеми после полугодичной разлуки. Где ваши семьи? Вернулись ли в Вешенскую? Тебе придется писать большое письмо!

Павел выехал в Вешки, чтобы захватить кое-что из имущества, в частности, перешли с ним мой архив, который хранился в райНКВД, и помоги ему добраться до Камышина, а оттуда уже мы его переправим как-нибудь в Уральск. Ребята, что осталось – и осталось ли? – от моей библиотеки? Нельзя ли собрать хоть что-либо? Ведь немцев в Вешках не было, неужели свои растащили?

Напиши и о соседях. Как из неразберихи выбрались базковцы, боковцы? Как выглядят правобережные хутора? Где сейчас Петро Чикиль? Много пришлось повидать мне порушенных мест, но когда это – родина, во сто крат больнее. Прошлогодняя история свалилась, как дурной сон, и как-то до сих пор мысль не мирится с тем, что война отгремела на Дону.

Ну, да ничего! Были бы живы, а все остальное наладится. Трава и на погорелом месте растет! Еще раз всех крепко обнимаю и надеюсь на скорую встречу!

Твой М. Шолохов

31-1.43. Уральск».

Много горя и бед принесли немцы и на Дон. Станица Вешенская узкой лентой километра на 4 растянулась по левобережью Дона, с запада на восток. Вся западная, центральная и значительное место восточной части станицы были сожжены и разбиты снарядами и бомбами. Полностью сгорел красавец театр колхозной казачьей молодежи, кинотеатр, пристань, тубдиспансер, рентгеновский кабинет, поликлиника, баня, разрушена школа-десятилетка. Райком, райисполком, раймаг, база райсоюза, типография, водонапорная башня и многое другое, много кварталов были полностью уничтожены, в отдельных кварталах остались одинокие дома, чудом сохранившиеся.

Архив Шолохова погиб. Куда он делся, это осталось на совести начальника районного отдела НКВД Федунца, секретарь Шолохова Зайцев сдал ему архив. Видимо, когда отдел последним покидал станицу и ее заняли воинские части, его растянули, и все это погибло на полях войны. Прежние товарищи частично разъехались по другим районам. Логачев работал в Морозовской, Красюков – в Белой Калитве, Зеленков Тихон – в Боковской, Лудищев – в

Миллерове. В Вешенской из прежних работников остались я и предрика П.Т. Лимарев. Семьи наши еще были за Волгой и вернулись только к началу весны 1943 года. В январе вернулся в Вешенскую райцентр, все районные организации расположились в восточной части станицы в здании педучилища, которое меньше всех пострадало, затем постепенно начали восстанавливать разрушенные здания райкома, райисполкома и другие.

К весне 1943 года фронт отодвинулся к Таганрогу и Ворошиловграду. МТС вернули тракторы, колхозам – скот. Правда, и то и другое сильно поредело, часть тракторов и все автомашины передали фронту, все лошади, часть скота и даже часть стада рабочих волов пошли на снабжение армии. Семян и горючего в районе не было, обкома и облисполкома в Ростове не было, область еще не была восстановлена, и помочь чем-либо она не могла. Я выехал в Воронеж с тем, чтобы связаться с Москвой. Воронежцы дали возможность позвонить в Москву, я говорил с А.А. Андреевым. Он отпустил нам и горючее, и семена через Калачевскую базу Воронежской области. Весенний сев был хотя и на меньшей площади, но проведен успешно. В феврале 1944 года я по делам района выехал в Камышин, чтобы с помощью Шолохова разрешить ряд вопросов. Шолохова в Камышине не было, он был в Москве. Пришлось ехать в Сталинград, чтобы из Сталинграда связаться с ним по телефону.

Я поговорил с Шолоховым, он обещал пойти к Андрееву и все передать. 17 февраля он из Камышина прислал следующую телеграмму:

Вешенская Ростовской области Луговому

7 был Андреев. Немедленная помощь обещана. Привет.

Шолохов.

В конце марта 1944 года Шолохов прислал более подробное письмо:

«Камышин. 24.111.44.

Здравствуй, дорогой Петя!

Знать, судьба такая незадачливая: ты приехал в Камышин – я был в Москве, в начале марта я поехал в направлении Вешенской, не пустила плохая речушка Кумылга. Встретиться так и не удалось... В конце февраля я выехал из Камышина на Сталинград, оттуда на Сиротинскую – Клетскую – Вешенскую. Доехал до Кумылженской и вынужден был вернуться, т. к. в Кумылге мосты затопило, а тут так стремительно наступала весна, что ждать сбыва воды в Кумылге было невозможно и пришлось оттуда вернуться.

Как ты вылезешь с севом? Помог ли Андрей Андреевич? 7 П. когда я был у него, он твердо обещал оказать немедленную помощь, принимая во внимание отдаленность р-на от ж/д путей, спрашивал, можно ли связаться с тобой по телефону. Я сказал, что по телефону – едва ли, думаю, что он нашел другие каналы, чтобы узнать непосредственно нужды района.

Теперь я буду у вас только в мае, когда установится дорога и, главное, переправы через Медведицу и Хопер. В случае, если через эти притоки переправы в мае не будет, проеду той, т. е. правобережной стороной Дона до Базков, но в мае буду в Вешенской обязательно. Не знаю, сколько времени это письмо будет идти до Вешек, но было бы неплохо, если бы ты черкнул т-мой вкратце, как обстоят дела. До мая я, вероятно, буду в Камышине, и твой ответ (телеграфный) меня застанет дома.

Летом, как только кончатся занятия в школах, думаю перебраться в Вешенскую. В связи с этим попрошу тебя изыскать средства и на нашу долю посадить картошки, чтобы осенью не заниматься заготовками.

Как обстоит дело с ремонтом дома? Напиши обо всем.

На сессии Верховного Совета видел Бор. Ал-ча Двинского и по его рассказам приблизительно знаю, что делается в Вешках, но очень хочется посмотреть самому.

Пересылаю тебе заявление Сенчуковой. Мне думается, что в отношении ее поступили несправедливо и на работе ее надо восстановить...

От Красикова получил письмо. По характеру оно весьма сдержанно, и о Вешках – ни слова. Логачев молчит. Кто же кроме Лимарева остался в Вешках? Лудищев прислал из Миллерово письмо. Он, как видно, процветает.

Как видишь, вопросов к тебе много и помимо т-мы придется тебе черкнуть письмишко. Буду очень рад.

Передай от нас привет Марии Федоровне и всем, кто знает и помнит.

Крепко обнимаю тебя и жду т-му и писем.

Твой М. Шолохов».

На этот раз он был больше осведомлен о положении в Вешенской, по-прежнему горел желанием побывать в станице. Он несколько удивлялся, что война расстроила наше «товарищество», что разъехалась в разные стороны, в разные места та группа товарищей, окружавшая его, которую он ценил, уважал и защищал от нападков...

Ф.С. Князев 7 июля 1942 г

Получил задание и выехал через В/ешенскую/ в К/умылженскую/. Заехал к Мих/аилу/ Ал/ександровичу/. Радужная встреча, он с семьей на Дон приехал отдохнуть. Осунулся, покашливает, но продолжает усиленно курить. Марья Петр/овна/ раздобыла и такая же заботливая и внимательная. Дети выросли: Светлана уже взрослая, играет на рояле, Александр, или Алик, самостоятельно ставит сети и сегодня принес рыбы на целое варево. Миша растет, особенно хороша Машенька.

Приезд на отдых в Вешки был необдуманным шагом, да и самый отпуск произошел при странных обстоятельствах, да еще в военное время.

Ш / олохов / скитался по фронтам, писал для Англии и США, для нашей прессы написал две большие статьи: «На юге» и «Школа ненависти». Последняя статья особенно нашумела, так уж она хорошо написана! Между «Правдой» и «Кр/асной/ Звездой» произошел спор. Кому ее печатать, но спор был решен, и обе газеты напечатали, хотя «Кр/асная/ Зв/езда/» на день позже.

В первых числах июля вызвали Ш / олохова / в Москву, и хозяин потребовал организовать отдых, предлагал осмотреть в Кремлевке и направить по заключению врачей. Советовал в Грузию, но

Ш / олохова / шутя сказал: «Что же там делать, вина много, а врачи пить не велят, но вряд ли вытерпишь». Поехал в Вешки. Провожать собрались: хозяин, Мол тип. Вор/ошилов/, Бер/ия/, Маленков, Щербаков. Маленький, военного времени банкет, разговор о войне, литературе. Хозяин спрашивал мнение Шол/охова/ о некоторых писателях, и когда он сказал, что Фадеев неважный писатель, то хоз/яин/ поправил: «Никчемный писатель и разложившийся, литература любит тружеников. Хороших писат/елей/ надо беречь. «Война и мир» Толстого появилась значительно позже событий, надо Вам подумать и начать работать не торопясь над событиями Оте/ чественной/ войны. У Вас это выйдет».

Сели обедать, настроение хорошее, собралась вся семья в столовой. Мое желание выпить как бы угадал Михаил, да и сам рад случаю, но Марья Петровна восстала, выражая это очень бурно: кашляешь, умрешь, оставишь нас. «Будешь пенсию получать, – шутит Мих/аил, – а если окажется, что деньги ничего не будут значить, попроси установить пенсию натурой».

Тем не менее я выпил вдоволь, а ему, бедному, дала М/ария/ II пропил две рюмки, а жалобная просьба третьей длилась минут 10 и не была удовлетворена, не дали.

Пообедали, отдохнули, искупался я по совету друга и лег спать, собираясь наутро выехать на фронт.

Прекрасно утро на Дону, вид исключит/ельный/ по своей красоте и обаятельности – не оторваться взглядом от крутого правого берега Дона. Но не спокоен он, раздаются тревожные, на низких тонах, гудки пароходов, а по шляху непрерывной цепью движутся грузовые автомашины из-под Россоси (занял противник).

Переправы через Дон тоже разбиты – осталась одна Вешенская. В это утро человек двадцать командиров, в костюмах, давно не видевших стирки, и с лицами, на которых только зубы белелись, проезжая через Вешенскую с фронта, даже не зная, тут ли Михаил, заходили с единственной целью: узнать и посмотреть, где живет и творит великий писатель. Радости нет предела, когда навстречу выходил по-утреннему возбужденный, радужный и всегда приветливо улыбающийся хозяин с папироской. (Куда он трубку девал – подарок раб/оче-/крест/ьянского/ графа – не знаю.) Хотя раз он ее терял у Б. Ливанова – тоже случай.

Торопливые приветствия, пожелания с обеих сторон писать больше, воевать лучше и расставанье. В 10 я решил написать письмо домой, сел в раб/очем/ кабинете Михаила. Мезо-

нин, два балкона, легкое воздушное сооружение с видом на Дон располагало написать теплое душевное письмо домой детишкам.

Только собрался писать адрес – раздался звук моторов. Прерывающийся, захлебывающийся и препротивный.

Выглянув в окно, я заметил 4 враж/еских/ самолета, шедшие на очень небольшой (или, как Шол / охов / выразился, – на презрительно небольшой) высоте. Не успел я что-нибудь подумать, как раздался свиной, воющий визг полета бомбы и разрыв в 50 м от дома Шолохова, загорелся чей-то дом, посыпались стекла мезонина, закачались стены, и я с быстротой пули слетел по узким и кривым сходцам вниз. Михаил лежал около дома за завалинкой, находясь в уверенности, что он в безопасности, об этом можно было судить по тому, что на всех, кто еще не спрятался, он кричал: «Черт вас носит тут. Ложись скорей!

Ну, Федор, – не до гостей и не до отдыха, надо разъезжаться».

Торопливые сборы, поцелуй на дорогу, и разъехались в разные стороны: я на фронт, а он в Камышин.

Новый роман Михаила Шолохова

В Москву, с фронтов Отечественной войны, приехал писатель Михаил Шолохов.

В настоящее время писатель работает над новым романом «Они сражались за Родину». В беседе с нашим сотрудником М. Шолохов сказал:

– Это будет книга о советских людях в дни Великой Отечественной войны, – о тех, кто с оружием в руках защищает нашу родину на фронте, и о тех, кто в героическом советском тылу отдает свои силы на борьбу с врагом.

Действие одной из частей романа происходит на Южном фронте, на Дону, в период, предшествующий наступлению Красной армии.

Новые главы романа «Они сражались за Родину»

Беседа с Михаилом Шолоховым

В Москве в течение нескольких дней находился писатель, академик Михаил Александрович Шолохов. Перед отъездом из столицы он принял корреспондента редакции газеты «Московский большевик» и ответил на несколько вопросов. Ниже помещаем запись беседы:

– Мною написаны, – сказал М.А. Шолохов, – многие новые главы романа «Они сражались за Родину». Несколько глав, вероятно, будут опубликованы в «Правде», постоянным корреспондентом которой я являюсь, и в «Красной Звезде».

– Каков будет объем романа?

– Пока на этот вопрос ответить трудно.

– Что можно было бы сообщить читателям о вашей почте?

– Я получаю огромное количество писем, адресованных мне как депутату Верховного Совета СССР. Поступает также большое количество писем и рукописей участников Великой Отечественной войны. Люди, сражавшиеся за Родину, идут теперь в литературу. Среди них есть бесспорно талантливые люди.

– Каковы ваши планы на ближайшее время?

– Я уезжаю в Вешенскую. Затем мне предстоит поездка в Сталинград и в Клецкую – на места исторических битв 1942 года. Это необходимо мне для работы над новыми главами романа. В конце ноября рассчитываю приехать в Москву.

Казачи-гвардейцы в гостях у Шолохова

Ростов-на-Дону /от наш. корр./. Недавно группа донских казаков-гвардейцев из Гвардейского донского казачьего кавалерийского соединения посетила писателя М. Шолохова, живущего в станице Вешенской. Гвардейцы рассказали автору «Тихого Дона» о своих походах в боях с врагом, о ратном пути, приведшем донских казаков в Румынию, Венгрию и Австрию.

М. Шолохов поделился с воинами своими творческими планами, сообщил, что заканчивает работу над романом «Они сражались за Родину».

На прощание казаки-гвардейцы взяли у М. Шолохова обещание навестить их в ближайшее время.

Л. Большаков

Они познакомились на войне...

Они познакомились на войне.

...В октябре 1942 года в газете «Красная Армия» появилась статья «По тылам врага». Речь в ней шла о смелых действиях фронтовых следопытов – лейтенанта Михаила Ливинцова и его бойцов. Зимней ночью они отправились на территорию, занятую врагом, и сумели не только разведать все, что им поручалось, но и причинить гитлеровцам солидный ущерб.

В другой раз тот же Ливинцов, отправившись в разведку вместе со своим земляком Любимовым, вернулся с захваченного немцами хутора Вертячего с ценной добычей – «языком», который на допросе дал нашему командованию важные показания.

Фронтовые журналисты вновь приехали за материалом. Они записали все сведения о дерзкой вылазке. Но тут же, из разговора с Ливинцовым, газетчики узнали, что сам он – человек «писучий», селькор с многолетним стажем, и попросили его написать обо всем собственноручно.

Так возник первый военный очерк М. Ливинцова «Встречи».

Именно он и послужил поводом к неожиданному-негаданному знакомству.

Однажды (это было вскоре после появления очерка в газете, вероятно – в ноябре сорок второго) лейтенанта вызвали в штаб дивизии.

– С вами желает поговорить писатель, – сказал ему комиссар.

Шолохова лейтенант узнал сразу, хоть и представлял себе его иным.

А он энергично протянул ему руку и как-то весело посмотрел в глаза.

– Ливинцов?

– Так точно, товарищ полковник!

– Полковник – это верно... Только... – И сразу: – Вас как зовут?

– Михаил Васильевич.

– Садитесь, Михаил Васильевич, поговорим... Я ваш очерк прочел... Хорошо воюете и хорошо пишете. Мысли хорошие, язык у вас свой, рассказываете живо... Пишете давно?

– Кроме как в газету не писал.

– А с этого обычно и начинают...

Незаметно разговор перешел на дела военные. Собеседник заинтересовал писателя, и он стал расспрашивать его о жизни. «Знаменитая станица!» – сказал Шолохов, когда услышал, что Ливинцов родился в Бёрдах.

Спросил о семье. «Четверо детей? Нелегко им без кормильца...»

И снова – о боях.

– Смело ходите, Михаил Васильевич!

– Я спокойно перехожу. Вера всегда такая есть – вернусь.

– Это хорошо, это помогает... А как чувствуете вы себя в тылу врага? Как в пасти зверя?

– Такого чувства, Михаил Александрович, нет. Был вот я на хуторе Вертячем. Так, понимаете, и не думал, что в нем немцы. Наш хутор, советский. И люди в нем советские. А непрошенные гости – ненадолго...

Когда прощались, Шолохов сказал:

– Писать вы можете и, наверное, будете. Но помните: труд писателя – тяжелый труд... Останемся живы и понадобится вам моя помощь – присылайте свое... Я буду, как всегда, в своих Вешках...

На том и расстались.

Ливинцов вернулся домой в сорок пятом, стал работать по учительской специальности, а затем возобновил и свои селькоровские занятия. Понемногу начал писать рассказы – о войне, о людях, которых узнал, с которыми сроднился.

Помня о фронтовой встрече, первый же свой рассказ он послал Михаилу Александровичу Шолохову.

И получил ответ.

«Уважаемый т. Ливинцов!

Прошу прощения за то, что так непозволительно долго задержал ответ и отсылку рукописи. Так сложились обстоятельства.

О «Высоте 87,4» могу сказать следующее: рассказ требует всесторонней и серьезной доработки. Прежде всего по линии сюжетной. У Вас все предельно упрощено и получается так, что если бы не капитан Гроб, то и высота не была бы взята. Не показано, хотя бы мельком, прямое начальство майора и роль его в проделанной операции, и выходит, что майор только получал приказы и на свой страх и риск топтался около высоты, терял людей, а все дело решил бравый капитан... На одной чашке весов у Вас ко всему безразличное командование дивизии, дурак и тупица командир полка, растяпа комиссар, который почему-то раньше не интересовался данными полковой разведки, а на другой – капитан Гроб. Что и говорить, величины несоразмерные. Но вся беда в том, что такой показ военной действительности очень далек от истины, и действительность эту дает в кривом зеркале. Это, по-моему, основной порок рассказа. Помимо этого в рассказе немало и стилизованных погрешностей. Писать Вы можете. Есть у Вас и умение видеть броскую деталь, скупно и метко нарисовать боевой пейзаж, выразительно подать динамическую картину боя. Но всего этого еще мало для того, чтобы стать настоящим писателем. Думаю, что Вы отлично понимаете, сколько надо уложить труда и сил, чтобы овладеть невеселым и тяжким мастерством писателя.

Боюсь, что в Чкалове Вам трудно будет совершенствоваться в литературном мастерстве. Есть ли там порядочная библиотека? И можете ли Вы с кем-либо из местных литераторов советоваться по вопросам Вашей работы?

Над «Высотой» следует Вам еще крепко поработать и по части языка и, главное, по линии сюжета. Только тогда можно будет идти с ним в печать. Иначе не выйдет.

Если остальные Ваши рассказы более сработаны и Вы их еще никуда не посылали, – советую обратиться в «Знамя». Впервые выступать надо так, чтобы в голосе звучали если не басовые нотки мастерства, то хоть теноровые, но уж никак и ни в коем случае нельзя начинать со срывающегося фальцета.

Желаю успеха! И, безусловно, здоровья.

С приветом М. Шолохов

12.11.48 г.»

Да, Михаил Александрович прав: начинать со «срывающегося фальцета» – нельзя.

Ливинцов стал еще требовательнее к каждой своей строчке. Он писал много, кое-что печатал в газетах, один из очерков появился в местном альманахе «Степные огни», но... чувствовал неудовлетворенность.

Только теперь Михаил Васильевич понял, как тяжел литературный труд.

Но он оказался и трудом спасительным, когда нагрянула беда: фронтовая контузия вызвала глухоту, и учительское дело пришлось оставить.

Вот в это время он написал Шолохову снова.

Рассказал, что на время, пока не подлечится, из школы ушел. Рассказал, что по-прежнему пишет, но результатами не удовлетворен. Очерк, который посылает, – не военный; сейчас он осваивает новые темы, пишет о людях, рядом с которыми живет. Хотелось бы узнать мнение – прямое, нелицеприятное.

Шолохов не стал унижать своего фронтового знакомого жалостью.

Его письмо полно уважительной, но бескомпромиссной требовательности.

«Уважаемый т. Ливинцов!

Полагаю, что Ваши школьные дела со временем, как говорил Толстой, «образуются», а потому и не касаюсь этого предмета. Благо, предмет этот отнюдь не нов и в каждой области (в географическом понятии слова) звучит хотя и по-разному, но на один лад.

В отношении очерка могу сказать только одно: написан он ниже Ваших возможностей. Вступление, на мой взгляд, совершенно неоправданно. Зачем Вам понадобилась милая девица Шарипат? Это ружье, которое не стреляет. Смело можно было бы обойтись без нее, тем более, что в дальнейшем она отсутствует. Если Вам понадобилась Шарипат для того, чтобы вести рассказ от первого лица, то эта «облегчительная уловка» выглядит, как некий примитив. Досадное впечатление производят повторы. Славя новое, Вы три или четыре раза упоминаете о рекорде мальчика Стебнева. Кому только неизвестно, что в наше время, и в старину на скачках непременно участниками всегда были и есть мальчишки? При чем же тут новое? И Стебнева ли надо восхвалять, а, быть может, «Отрока»? Повторяются и упоминания о судьбе отца. Автор не имеет права повторяться и жевать резинку! Умный читатель запоминает все с одного раза, а на дураков не стоит ориентироваться.

Если Вы предназначаете очерк для печати, – советую серьезно над ним поработать. В таком виде печатать нельзя.

Желаю успеха.

С приветом М. Шолохов

17. XI. 1956 г.»

Такой же бескомпромиссной требовательностью проникнуто и следующее письмо от М.А. Шолохова, полученное тремя годами позднее.

«Уважаемый т. Ливинцов!

Постоянные разъезды и чрезмерное обилие чужих рукописей (около 200), – виной тому, что задержал Ваши очерки столь долго. И по содержанию, и по выполнению они вовсе неравноценны. Общее впечатление у меня такое: надо и перо Вам острить, и «воду» выжимать из очерков безжалостно, тогда дело будет. Рукопись отлежалась, и теперь Вам самому будут более отчетливо видны недоделки в написанном.

Желаю успеха!

С приветом М. Шолохов

15.8.1959 г.»

– Я часто вспоминаю нашу фронтовую встречу, – говорит Ливинцов. И добавляет: – Мне дорога дружба большого советского писателя. И критикой своей, и советами, и личным примером он учит меня работать по-настоящему. Да и только ли меня?

Михаил Васильевич давно уже не посылал ничего в Вешенскую. Но он пишет. Пишет много, упорно. Уже несколько лет работает Ливинцов над очерками по истории своей знаменитой станицы Бёрды. Станицы, связанной с именами Пугачева и Пушкина.

– Через год-два закончу и пошлю Михаилу Александровичу, – говорит он. – На строгий и справедливый суд.

Часть вторая Вешенские были

Владимир Гаранжин Вешенские были

Чернозем

В начале тридцатых годов мне, тогда подростку, попалась небольшая, в розовом переплете, зачитанная буквально до дырок книжка с простым привлекательным названием. На ее обложке – крохотный портрет автора: совсем еще юное лицо, высокий выпуклый лоб, над которым лихо заломлена казачья кубанка...

Я открыл страницу и стал читать: «Мелеховский двор – на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к Дону...»

Книжка была прочитана, как говорится, залпом, не хотелось закрывать ее, стало немного грустно, как при расставании с близкими и милыми тебе людьми.

Так я впервые встретился с Шолоховым-писателем. Спустя несколько лет литкружковцы при газете «Даешь трактор!» Сталинградского тракторного завода на своих литературных занятиях горячо обсуждали новые главы не только «Тихого Дона», но уже и «Поднятой целины». В то время на тракторный – первенец индустриализации страны – приезжало много известных литераторов: Алексей Толстой, Борис Ромашов и другие.

В беседах с начинающими они высоко отзывались о творческом даровании молодого тогда Михаила Шолохова. В декабре 1936 года завод посетил Александр Серафимович. Мы, литкружковцы, – ныне лауреат Государственной премии поэт Михаил Луконин, поэт Николай Отрада (Турочкин), погибший в финскую войну, и автор этих строк, – встретились с Серафимовичем в гостинице. На небольшом круглом столе писателя были разбросаны листки бумаги с какими-то чертежами и рисунками. Убирая их, Александр Серафимович сказал:

– Это наброски моей будущей шхуны. Собираюсь предстоящим летом совершить путешествие по родному Дону, побываю, конечно, и в Вешенской, у Шолохова.

Зная, какое большое воздействие на творческую судьбу Шолохова оказал Серафимович, кто-то из нас спросил:

– Как вы, Александр Серафимович, оцениваете талант Шолохова?

– Шо-ло-хов! – многозначительно произнес писатель. – Это, образно выражаясь, такой чернозем, из которого так и прет, так и лезет...

Позже, присутствуя на занятиях нашего литкружка и знакомясь с рукописями молодых прозаиков, Серафимович прерывал чтение на каком-нибудь месте, говорил:

– А помните, как об этом у Шолохова сказано? – и, закрывая глаза, читал на память целые выдержки из «Тихого Дона» или «Поднятой целины».

Журавли над разливом

Какой бы ни была весна, ее приход на Дону всегда отчетливо приметен. Днем и ночью воркуют, переговариваются, а потом вдруг бешено взревет взыгравшие потоками прибрежные овраги и балки. Сухо шуршат на реке и раскалываются со стеклянным звоном наползающие

одна на другую ноздреватые льдины. До позднего вечера у своих гнездовий над чернеющими осинами и тополями гомонят горластые грачи. Весна торопится и в степи. Жмутся, прячутся от солнца по оврагам и лесополосам остатки сугробов, а южный ветерок уже доносит дурманящие запахи первой травы и подснежников, прошлогоднего полынка – то трогательно-нежные, то горьковато-соленые. А потом, когда по-настоящему пригреет солнце и в полную силу войдет весна, Дон переливается полной водой через берег и идет гулять по лугам и займищам, по лесам и рощам, и кажется тогда: нет ни конца ни края разливу.

В один из таких весенних дней 1939 года в базковском Доме культуры состоялось необычно многолюдное собрание. Со всех хуторов и станиц Базковского района съехались и сошлись тогда казаки, чтобы послушать вернувшегося из Москвы с XVIII съезда партии своего посланца, писателя-земляка.

Шолохов поднялся на сцену и, не взойдя на приготовленную для него трибуну, прямо от стола президиума повел понятную для всех, деловую, горячую, то сурово-гневную, то пересыпанную юмором речь. Он говорил о значении третьего пятилетнего плана, принятого съездом, о задачах сельских тружеников, об опасности Второй мировой войны, с негодованием осуждал предательский сговор английского премьер-министра с Гитлером, политику поощрения фашистских агрессоров.

Слушая оратора, мы как бы забывали, что перед нами – писатель. Говорил коммунист-трибун, умный хозяйственник, политический деятель. Был он весь собран, подчинен главной мысли и умел подчинить ей весь зал. А было тогда Шолохову тридцать четыре года. От него так и веяло здоровьем. В просторном неотопливаемом помещении было очень прохладно, и присутствующие не снимали зимней одежды. А он, в защитной гимнастерке, туго подтянутый солдатским ремнем, будто не чувствовал холода. Невысокий, плечистый, коренастый. О таких в народе говорят: ладно скроен, крепко сшит. Крутой лоб, вьющиеся короткие рыжеватые волосы, большие веселые глаза, с горбинкой нос, сочные губы придавали широкому открытому лицу добрый и мужественный характер.

Говорил Шолохов долго, но внимание слушателей не ослабевало. После более чем часовой речи он посмотрел на часы, спросил:

– Может, сделаем перекур?

Писателя окружили станичники; кто угощал его папиросой, кто – мохряком-самосадам. Он пробовал, смеялся и предлагал отведать своего табачку. Запалил гнутую цыганскую трубку, протянул ее рослому чернявому парню:

– На, потяни разок!

Тот глубоко затянулся, одобрительно крякнул и передал трубку другому. И пошла шолоховская трубка из рук в руки. Казаки затягивались полным вздохом, причмокивали – добрый табачок!

За перекуром говорили о приближающемся севе, о раннем весеннем громе – к урожаю, о падеже скота, о предательской политике Чемберлена. Вот к Шолохову протиснулся ладный казачок лет тридцати пяти, в новенькой стеганке и полувоенном картузе, и просто, как давнишнему приятелю, протянул широкую, со следами металла и машинных масел, ладонь. Потом так же просто, серьезно и пытливо, как бы продолжая начатый разговор, спросил:

– Ты, Александрыч, в Москве бываешь, к правительству близко. Скажи, как Сталин считает, война будет?

Шолохов сразу посуровел, сдвинул брови над переносицей. Глуховатым голосом ответил:

– Сталин считает, войну можно не допустить.

– А как ты сам думаешь?

Шолохов долго не выпускал изо рта трубку, придерживая ее рукой. Потом выдохнул густо-голубое облачко, сказал:

– Надо к обороне крепко готовиться...

Кто-то из стоящих на балконе крикнул:

– Смотрите, смотрите!

И все обратились в ту сторону, куда он указывал. Там, высоко над спокойно разлившимся Доном, медленно двигался треугольник журавлей. На какие-то секунды стало тихо, и слух уловил далекое курлыканье птиц.

– Хорошо, когда в синем небе журавли... – почти шепотом произнес Шолохов.

Письмо

В то время я работал в местной базковской газете «Донской коммунар» и по заданию редакции должен был писать подробный отчет о встрече. Я унес с собрания объемистый, испи-санный от корки до корки блокнот и яркие неизгладимые впечатления о человеке огромного природного дара и душевной простоты.

К утру следующего дня отчет о собрании с изложением речи Шолохова был готов к печати. Я связался по телефону с Вешенской, и меня соединили с квартирой писателя.

– Слушаю. Шолохов, – отозвался в трубке знакомый голос.

Я представился и спросил:

– Не можете ли вы, Михаил Александрович, познакомиться с текстом вашей речи перед сдачей ее в набор?

– Пожалуйста, – ответил писатель. – Только как вы доберетесь до Вешек? Разлив-то какой!

– На лодке в обход по луке, – сказал я.

– А не боитесь утонуть?

– Что вы, Михаил Александрович, ведь я на Волге вырос.

С трепетным волнением открыл я калитку и вошел в уютный двор, обнесенный голубым забором и залитый весенним солнцем, где, словно игрушечный, стоял деревянный домик с мезонином. У порога меня встретила невысокая, с добрыми глазами, старушка – мать писателя. Она провела в гостиную, сказала:

– Подождите, я сейчас его найду: он или у себя, на «голубятнике», или на базу, – и тут же стала звать: – Миша!

Пока старушка искала во дворе сына, я успел рассмотреть гостиную. Это длинная, хорошо освещенная с двух сторон комната, в центре – стол, накрытый скатертью, графин с водой на подносе, у стен – стулья, на стене – маленькая полочка со стопкой книжек. Из гостиной лестница ведет наверх, на «голубятник», где находился рабочий кабинет писателя.

Я услышал шаги хозяина в коридоре и поднялся навстречу. Михаил Александрович вошел в гостиную, протянул руку, и я ощутил крепкую и широкую его ладонь, которая хорошо знала не только перо, но и топор.

Записанная в изложении речь была большой, на газетную полосу, и Шолохов читал ее долго и внимательно, оставляя на полях листков свои пометки. Пока он читал, много раз звонили по телефону, потом пришла почтальонша и высыпала на стол из большой кожаной сумки гору писем, пакетов, бандеролей, газет, журналов.

Получив подписанный Шолоховым текст речи, я попросил писателя познакомиться с материалами подготовленной к печати литературной страницы. Он охотно согласился, но, увидев в папке одни стихи, замахал руками.

– Я в стихах некомпетентный, будет проза – пожалуйста.

Пользуясь случаем, я напомнил о своем рассказе, который переслал ему недели две назад почтой на консультацию.

– Помню, помню такой рассказ, только вот прочесть не успел. – Шолохов указал на гору писем и бандеролей на столе. – Видите? И так каждый день. Но на днях я обязательно прочту ваш рассказ. Давайте денька через три созвонимся и встретимся.

На Верхнем Дону в ту пору начался весенний сев. Я уехал в колхозы, и мне не удалось в условленный срок встретиться с писателем. Но через неделю из Вешенской пришло письмо – рецензия на мой небольшой рассказ. Назывался он «Молодая старость». Содержание его вкратце таково. В районе проходит традиционный спортивный праздник казаков-конников. Старый казак с белой пушистой бородой втайне надеется «утереть нос молодым». Но во время скачек старость его подводит.

Передавая этот рассказ на суд большого писателя, я жаждал услышать его слово, получить совет. И мое желание сбылось. Вот что написал Шолохов:

«...«Молодая старость» – по сути – не рассказ. Скорее это очерк, по характеру своему близкий к обычному типу газетных очерков... Согласитесь, что для старика недостаточно повторяющегося упоминания о «белой пушистой бороде», точно так же недостаточно для описания его переживаний вычурной и надуманной фразы: «Неужели я уже в плену дряхлой и т. д.?». Все это говорит о бедности Ваших изобразительных средств, о неумении нарисовать внешний и внутренний облик человека, о примитивизме, у которого Вы (выражаясь Вашим стилем) находитесь в плену.

В рассказе-очерке почти целиком отсутствует диалог. Это омертвляет рассказ, лишает его живого звучания слова. Неблагополучно у Вас и с языком; не очень-то Вы скупитесь, и там, где можно двумя фразами показать движение или позу человека, – Вы тратите на изображение десять фраз.

Все это – обычные недостатки всех начинающих, и самым верным способом избавиться от них является внимательная и вдумчивая учеба на лучших образцах – произведениях прежних и нынешних рассказчиков. В «Новом мире» за этот год найдете рассказы Диковского. Присмотритесь, как он строит сюжет и дает описание. Обратите внимание на разговорную речь его героев. Надо бы Вам почитать кое-кого из западных писателей, например Хемингуэя, О.Генри. Все они – превосходные мастера рассказа, и очень неврдно поучиться у них.

26.5.39

М. Шолохов».

Самый щукаристый

В мае 1940 года общественность Вешенского района отмечала 35-летие со дня рождения М.А. Шолохова. В просторном зале казачьего драматического театра имени Комсомола, что красовался на крутом берегу у самого Дона (в войну сожжен фашистами), собрались сотни казаков и казачек.

Я тоже пришел поздравить юбиляра от общественности соседнего, Базковского, района, где в хуторе Кружилинском родился писатель. Мы с приятелем стояли в сторонке и ожидали звонка, когда рядом услышали шумные голоса каких-то парней.

– А ты знаешь, кто я, кто я такой? – серьезно доказывал заметно подвыпивший черноусый и смуглолицый молодой казачок. – Не знаешь? Спроси у Михаила Александрыча. Мелехов я, Мишатка Мелехов! У меня и сестренка Полюшка была...

Приятель шепнул мне:

– Это тракторист наш, базковский. Он серьезно считает себя сыном шолоховского Мелехова – здорово жизнь схожа.

Прозвенел второй звонок, и толпа у театра поредела, куда-то внезапно, как и появился, исчез черноусый казачок.

– Пойдем, – сказал мне приятель, – ты тут еще и самого Щукаря увидишь.

И через несколько минут я увидел его. Он сидел за столом президиума – невысокий, щупленький, с редкой седой бородкой, с быстрыми игривыми глазками, в синей рубашке-косоворотке, спускающейся почти до колен из-под черного пиджака. Когда председательствующий объявил: «Слово для приветствия предоставляется старейшему колхознику хутора Волоховского Тимофею Ивановичу Воробьеву», по залу прокатился веселый шепоток: «Щукарь, дед Щукарь...»

Старик вышел из-за стола, стал рядом с трибуной и, подбоченясь одной рукой, такую держал речь:

– Нашему Михаилу Александрычу нынче стукнуло тридцать пять годков, с чем мы его и поздравляем. Я его поздравляю особо, потому что он хотя почти вдвое и моложе меня, а вроде как крестным отцом доводится. Меня теперь в районе все кличут Щукарем, а я ить сроду им не был. Все это Михаил Александрыч... Прочли наши волоховские казаки его книгу «Поднятую целину» и в один голос: «Ты, Тимофей Иваныч, чисто вылитый Щукарь, кубыть с тебя Шолохов списывал». С тех пор «Щукарь» так и прилип ко мне. Даже моя старушка при удобстве кличет меня Щукарем. Признаться, донимаю я ее своей веселостью да шутейным словом...

В перерыве после торжественной части один из столичных гостей спросил у Шолохова:

– Что, этот старик Воробьев – настоящий Щукарь?

Шолохов засмеялся:

– Может, и не совсем настоящий, но самый шукаристый у нас в районе.

«...Публицистом быть обязан»

В послевоенные годы мне довелось пять лет работать в редакции вешенской газеты «Большевицкий Дон», переименованной затем в «Донскую правду». Помещение редакции находилось через дорогу против дома Шолохова, а домик, в котором я жил, примыкал к его усадьбе. Проснешься, бывало, поздней ночью – и видишь, как в темном окне второго этажа долго краснеет жарок папиросы. Не спит писатель. О чем он думает, глядя из окна на давно уснувшую станицу, на темнеющий на том берегу лес, где, круто изгибаясь и отражая звездное небо, сонно течет тихий Дон?

Зимой и летом, осенью и весной, в солнечный день и непогоду идут и едут, плывут и летят к этому дому люди: литераторы, рабочие, колхозники, ученые, пионеры, зарубежные гости, просто туристы. Особенно частыми гостями бывают журналисты и начинающие литераторы. В летние месяцы они наводняют станицу. Среди начинающих немало одержимых и просто графоманов. От них, наверно, и пошел слухок, что Шолохов недолюбливает всякого рода писак, журналистов, избегает встречи с ними. Зашел как-то к нам в редакцию только что приехавший на Верхний Дон из Ростова собкор областной газеты и спрашивает:

– Правда, что Шолохов не балует нашего брата приемами?

– И правда и нет.

– Это как же понимать?

– А вот поживете в Вешках – поймете.

Корреспондент тут же снял телефонную трубку и попросил квартиру писателя. Отозвался сам Шолохов. Корреспондент представился и спросил:

– Можно, Михаил Александрович, зайти к вам на беседу?

– А вы когда к нам прибыли? – спросил писатель.

– Вчера.

– Тогда условимся так: побывайте в наших северных районах, познакомьтесь с жизнью колхозов и совхозов, а потом и встретимся – беседа получится интересной и полезной.

Только месяца через три после этого журналист снова попросил встречи у Шолохова, и писатель принял его, долго беседовал, шутил, угощал папиросами какой-то новой марки, взялся прочесть очерк журналиста и обещал дать ему для газеты новую главу из «Поднятой целины».

Другой журналист, из киевской «Радянської Украш», прямо с аэродрома пошел в райком партии и попросил первого секретаря посодействовать встретиться с Шолоховым. Тот созвонился с писателем, объяснил, в чем дело, и потом они долго чему-то смеялись. На другой день, беседуя за завтраком с украинским журналистом, Михаил Александрович сказал:

– То, что вы зашли с дороги прямо в районный комитет партии – хорошо, но зачем вам понадобилось организовывать встречу через секретаря райкома?

– Меня еще по дороге напугали, что с вами почти невозможно встретиться.

Теперь посмеялись и журналист и писатель. Беседа затянулась. Журналист спросил, сколько потребуется автору времени для завершения «Поднятой целины» и работы над новым романом «Они сражались за Родину».

– В творчестве, как в виноделии, требуется процесс брожения, – сказал Михаил Александрович. – Прежде чем образ или мысль вызревают, они должны перебродить.

Гость попросил дать для газеты какой-нибудь черновик рукописи.

– Черновики не храню ни для себя, ни для истории, – ответил Шолохов.

На вопрос об отношении Шолохова к публицистике писатель ответил перефразированным некрасовским изречением:

– Поэтом можешь ты не быть, но публицистом быть обязан.

Об этой своей обязанности Шолохов никогда не забывает. Над

публицистическими материалами он работает с такой же требовательностью, как и над художественными произведениями. Помню, в мае 1949 года Михаил Александрович много дней подряд не выходил из своего рабочего кабинета и никого из посетителей не принимал. В станице знали, что писатель работает для «Правды». Так готовилась его известная статья «Свет и мрак».

Шолохов – хороший советчик журналистов, он с уважением относится к их нелегкому труду. Весной 1950 года в вешенском Доме культуры проходило предпосевное совещание передовиков сельского хозяйства района, на котором он выступил с речью. Я записал, как мог, его речь и подготовил текст к печати. Перед сдачей в набор попросил Михаила Александровича познакомиться с выступлением. Через некоторое время в редакции зазвонил телефон.

– Вам когда сдавать материал в набор? – спросил Шолохов.

– Сейчас, немедленно.

– Видите ли, – сказал писатель, – ко мне прибыла тут одна делегация, но если надо срочно, я попрошу ее подождать.

Через полчаса Шолохов прислал исправленный, дополненный и заново переписанный от руки текст речи, который до сих пор хранится у меня. Эта речь вошла в восьмой том Собрания сочинений писателя.

В начале пятидесятых годов наша редакция переписывалась с молодым вешенским казаком, фотокорреспондентом газеты советских войск в Германии. Земляк прислал нам как-то из Берлина несколько номеров своей газеты, в одном из которых была напечатана корреспонденция о творческих замыслах Шолохова. Сообщалось, что писатель одновременно с «Поднятой целиной» работает над трехтомной эпопеей «Они сражались за Родину», которая по объему своему превзойдет «Тихий Дон». Говорилось в корреспонденции и о содержании будущей эпопеи. В первом томе будет якобы отражено начало Великой Отечественной войны и вынуж-

денное отступление наших войск, во втором – сражение на Волге, в третьем – наступление Советской Армии и разгром фашистов в логове гитлеровской Германии – Берлине.

Мы решили перепечатать корреспонденцию в своей газете, но прежде чем сдать ее в набор, информировали об этом по телефону Шолохова.

– Любопытно, любопытно, – сказал писатель и попросил принести ему газету.

Прочитал он корреспонденцию и, улыбаясь, покачал головой.

– Вот уж эти вездесущие корреспонденты, – сказал он. – Доля правды тут, конечно, есть. Дело было так. Встретился я недавно в Москве со своим старым фронтовым знакомым, генералом, который служит в Германии, разговорились по душам, ну, я кое-что и поведал ему о своих творческих замыслах, а у него уже это и выудил журналист...

Серая овчарка

Шолохов умеет не только много и плодотворно работать, но и хорошо организовать свой отдых. Охота и рыбалка – вот его страсть. Писатель может сутками бродить с ружьем по заснеженным полям или камышам, часами просиживать с удочками в укромном местечке на берегу Дона или Хопра. Во время охоты он строго собран, сосредоточен, но стоит разрядить ружье, как он сразу весь преобразается: в глазах загорается озорная улыбка, а шутки, юмор льются, как из рога изобилия.

Как-то рыбачили на Хопре. Михаил Александрович с вечера облюбовал себе место на берегу и, отправляясь с удочками на утреннюю зорю, предупредил, чтобы к нему никто не подходил и не мешал. Солнце было высоко, все уже сошлись у палатки с рыбацкими трофеями, когда из кустов на поляну вышел Шолохов. На тонкой красной лозине он нес несколько больших сомят. Притопывая то одной, то другой ногой и потрясая связкой рыб, озорно пел:

И лес трещит,
И комар пищит,
И Михайло Александрыч
Трех сомов тащит.

И до чего хороша сваренная на костре уха!

Старший сын Шолохова, Александр, учился вместе со своей женой в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Приехал впервые с женой к родителям в Вешенскую. Писатель решил угостить их свежей донской рыбой. С рыбаками затянул невод. Улов оказался богатым.

– Ой, сколько рыбы! – восхитилась уловом невестка. – И куда мы ее денем?

– А вот наденешь беленький фартучек, – сказал Михаил Александрович, – и – на базар...

У казаков такой обычай: снохи на базаре торгуют.

– Я торговать не умею, – всерьез испугалась та.

Михаил Александрович засмеялся.

– Ну, если не умеешь – раздавай бесплатно.

И тут же почти весь улов был роздан соседям.

Шолохов по-сыновьи любит свой край, природу, дорожит ее богатствами, непримирим ко всякого рода браконьерам. Как-то его младший сынишка с товарищами при свете автомобильных фар подстрелили на озимке зайца и привезли домой. Разгневанный писатель отобрал у юных охотников ружья и долго стыдил их за недостойные приемы охоты.

Был и такой случай. Михаил Александрович выстрелил в стаю бегущих по проселочной дороге куропаток. Одна из рванувшихся в воздух птиц ударилась о телефонные провода и упала. Писатель поднял ее. Она была жива, широко раскрытым клювиком жадно хватала воз-

дух. Шолохов зачерпнул ладонью из придорожной лужицы воду и поднес к клювику птицы. После двух-трех глотков у куропатки блеснули черные глазки-бусинки, пружиня шейку, она, пытаясь освободиться, завертела маленькой, словно выточенной головкой. Михаил Александрович подбросил птицу в воздух, и куропатка, фыркнув крыльями, скрылась в рослых, невыкошенных у подлесков травах.

Писатель любит собак. Они – верные его спутники на охоте, прогулке. В короткие часы отдыха он не забывает приласкать своих четвероногих друзей – гончарок и утятниц. Они свободно разгуливают по двору, приветливо бросаясь навстречу каждому, заходят в дом, приманиваются у ног писателя в его рабочем кабинете. Но как-то один из приезжих гостей подарил Шолохову большую серую овчарку. Писатель принял ее без особого восторга, и потом никто не видел его рядом с этой собакой.

Однажды сынишка Миша с ребятами готовил в охотничьей комнате рыболовецкие снасти. Присутствовал и сам писатель. Вдруг дверь открылась – и в комнату вошла овчарка. Михаил Александрович метнул на нее сердитый взгляд.

– А ну, ребята, – сказал он, хмурясь, – прогоните ее во двор, и чтоб она не заходила в дом.

Ребята выпроводили овчарку и стали допытываться у Михаила Александровича, почему он недолюбливает эту собаку. Шолохов показал на своей руке неровный, с гладкой белесой кожей шрам. И вот что узнали ребята. Было это в Великую Отечественную войну. Советские войска вели жаркие бои в Германии, с боем ворвались они в один из немецких городов, где был лагерь для военнопленных. Вместе с солдатами Шолохов проник на территорию лагеря, обнесенного колючей проволокой.

Когда распахнули двери одного из помещений, оттуда выскочила свора свирепых немецких овчарок и набросилась на наших солдат. Тогда-то и остался след зубов на руке Шолохова.

На полевом стане

Прошел обильный весенний дождь, и все работы на полях остановились. В тепло натопленном вагончике трактористов Дударевской МТС остались только старик сторож и паренек-прицепщик. Примостившись на нарах у печурки, прицепщик увлеченно читал вслух томик «Поднятой целины», когда в вагончик зашел уже немолодой мужчина с пышными рыжеватыми усами, в стеганке, рабочих сапогах и шапке-ушанке. Он спросил бригадира. Паренек, приняв незнакомого за нового тракториста, которого ожидали из МТС, сказал:

– Бригадир должен скоро приехать. Ты раздевайся, дядя, у нас тепло, и послушай, что я читаю. Вот здорово написано.

Незнакомец посмотрел на книгу, потом на паренька, спросил:

– А что тебе больше в книжке нравится?

– Все! Особенно про деда Щукаря и колхозного председателя Давыдова. Ты послушай... – И прицепщик с прежним увлечением продолжал читать вслух «Поднятую целину».

Но незнакомец куда-то торопился, он распрощался и вышел из вагончика. А часа через два на полевой стан приехал бригадир.

– Шолохов был тут? – спросил он.

– Какой Шолохов? – недоумевали прицепщик и сторож.

– Какой! – передразнил бригадир паренька. – Один он у нас, Михаил Александрович. Невысокий такой, в стеганке.

– Да ты что! – скорее испугался, чем удивился прицепщик. – А я, дурак, ему его же книжку читал...

О чем шепчет старый дуб...

Неподалеку от Вешенской за сосновым урочищем Зыбучий Бугор на поляне стоит дуб-великан. Основание его кряжистое, в несколько обхватов, а густолиственная, широкая, как купол цирка, крона нависла тяжелой тучей и затенила всю поляну, оберегая от горячего солнца крохотный быстрый ручеек, окаймленный нежной зеленью.

Кажется, под своей тяжестью дуб наполовину ушел в землю, но все равно, ширококрылый, он птицей парит над вершинами других деревьев.

Никто точно не знает, сколько дубу лет. Правда, в конторе Вешенского лесхоза есть фотография этого великана, сделанная в 1951 году, с короткой подписью: «Дуб. 370 лет». Но в народе о возрасте дуба говорят разное. Одни утверждают, что ему полтысячи лет, другие – еще больше: восемьсот.

Днем и ночью, в любую погоду, даже когда соседняя береза не шелохнет листком, дуб шумит в вышине своей кроной, что-то задумчиво шепчет...

Как-то в летнюю пору остался я ночевать в хуторе Черновском, у своего знакомого мельника. Хутор весь в зелени садов и левад, на несколько километров растянулся вдоль мелководной речушки Черновки. На самом конце его в бурных зарослях садов и дикого хмеля спрятался маленький став с такой же маленькой бревенчатой мельницей и белостенным домиком у самой воды. Мы сидели с мельником на старой, поваленной буреломом вербе, беседовали о жите-бытье, когда к нам подошел тонкий, сухой старичок в потертой фуражке с вылинявшим алым околышем, из-под которой торчали белые пушинки волос. Чисто выбритое лицо – в крупных складках, как печеный в костре картофель. На плече он держал суковатую палку с подвешенными на конце запыленными ботинками. Поприветствовав нас низким поклоном, старик присел рядом на конец бревна.

– Откуда это ты, Романыч? – спросил мельник.

– Из Вешек, – ответил старик, вытаскивая из кармана черный, до блеска затертый кисет.

– Али от Шолохова? – то ли всерьез, то ли в шутку опять спросил мельник.

– От него самого.

– Какая нужда носила?

Из дверей мельницы высунулась чья-то припорошенная мукой голова, и мельник, оставив нас, заковылял к мельнице. Романыч осмотрел меня с ног до головы, сказал:

– Нужда не нужда, а у каждого человека свое горе случается, свои думки наплывают. В сорок первом в один день похоронные получил на своих сынков, Николку и Федяшку. Однополчане сказывают, в танке сгорели. В том же году взяли мы с бабкой парнишку-сироту, вырастили, в армии отслужил, женили, а тут опять горе на наш дом навалилось. Умерла старуха, а вслед за ней – Серега, приемный сынок, преставился. Остался я один со снохой.

– Что, обижает? – спросил я.

– Нет. И зятя принял, тоже ласковый. И пенсией меня не обидели, а горю этим не поможешь. Сижу на бахче (сторожем я в колхозе), по грачам из ружья пуляю, веники сибирьковые вяжу, а думки все о своей жизни...

Старик покосился на меня и тихо, почти шепотом сказал:

– Он, Лександрыч, против каждого людского горя слово имеет.

– Что же это за слово?

Романыч опять испытующе посмотрел на меня, и я заметил, как в его глазах искоркой блеснула первая вечерняя звезда.

– Оно волшебное, – таинственно и многозначительно произнес старик и придвинулся ко мне вплотную. – Дуб-то, он, паря, абы кому не подарит это слово. Ты видел его, дуб-то, что у Зыбучего Бугра? Эге, паря, это не простой дуб. Он бессмертный. Ему столько веков, сколько

воды унес в море тихий Дон. Он все слышит, все чувствует, где что делается, – корни его по всей земле расплелись. Он и видит все – голова его под самыми облаками. Много добра и зла видал за свою жизнь, много мудрости набрался, потому и стал бессмертным.

Расскажу тебе о дубе том сказку-быль, а ты – хочешь верь, хочешь не верь, дело твое.

Давно это, паря, было. Гуляли в ту пору по Дону банды беляков, житья от них трудовому люду не было. Не нравилась им молодая Советская власть, задушить ее хотели. Собрался тогда из трудового люда отряд и – навстречу банде. Сошлись на Зыбучем Бугре, шашки скрестили... Да так, что остался от отряда того один-единешенек молодой боец, парнишка лет пятнадцати. Чудом, стало быть, уцелел. Пошел он к дубу, сел под ним и обхватил голову руками. Слышит, дуб что-то шепчет, спрашивает: «Что ты приуныл, паря, какие у тебя думки в голове?» Парнишка отвечает: «Командира моего зарубили бандиты, весь наш отряд уничтожили. Как теперь я помогу Советской власти, своему бедному люду?» И тогда еще ниже склонился дуб своими ветками к парнишке, зашептал: «Вижу, паря, мать дала тебе хорошее, доброе сердце, а я тебе дам волшебное слово. Бери его и неси людям. Для врага оно будет страшной острой шашки и длинной пики, для друзей – студеным ручьем, игристым донским вином, что бодрит сердце и утоляет жажду...»

С тех пор парнишка и стал приходить к дубу тому. Я сам видал его там однажды. Иду по тропинке, слышу: шепчет, шепчет дуб, а под ним – он... Не стал я мешать, прошел стороной. Он и теперь приходит. Только уже совсем белый стал, как я. А дуб все шепчет и шепчет...

* * *

Далеко не у каждого литератора бывает такая завидная писательская судьба, как у Шолохова. При его жизни народ слагает о нем легенды, поэты посвящают ему стихи.

...Коль пойдешь ты ночью к Дону синему —
Звезды в нем, купался, дрожат,
Меловые горы, точно в инее,
Важное течение сторожат.
Слушая наполненную шорохом
Эту ночь и говор казаков,
Ты невольно скажешь: «Это Шолохов!
Вот его дыханье жарких слов!»

Да, жаркое дыхание шолоховских слов обогревает сердца миллионов людей, делает их нежнее и мужественнее, обогащает нашу русскую, советскую культуру.

Леонид Кудреватых Драгоценный узелок

Мне не раз говорили японские друзья-литераторы:

– Познакомься с Абэ-сан. Она лично знает Шолохова, переписывается с ним. Она много делала и делает для пропаганды его замечательного творчества в Японии.

Среди японской интеллигенции много друзей – поклонников и пламенных пропагандистов русской, советской литературы. Руководитель отделения русской литературы Токийского университета «Васэда» профессор Тацуо Курода недавно закончил многолетний труд – перевод «Клима Самгина» М. Горького. Он говорил со мной о том, как окрыляет человека вдохновенное творчество этого великого писателя. Каици Охара, еще совсем молодой человек, подарил мне книгу на японском языке – его перевод поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

– Недавно я прочитал «Василия Теркина» А. Твардовского, – говорил мне Охара. – Влюбился в поэму, в творчество этого замечательного поэта.

Накануне нашего отъезда из Японии семья Хидзиката, известных прогрессивных деятелей Японии, подарила нам полное собрание сочинений А. Макаренко, изданное на японском языке.

Беседовал я с десятками людей, подлинных друзей нашей литературы. Но с Абэ-сан долго не удавалось увидеться. Я написал ей открытку с просьбой повидаться и рассказать мне о встречах с М.А. Шолоховым. Она немедленно ответила телефонным звонком, а на следующий день приехала в «Гранд-отель», где мы жили в Токио. Небольшого роста, в черном платье, с располагающей улыбкой на лице, она поздоровалась и села на диван, положив рядом с собой узелок из цветастого японского платка.

– Как себя чувствует Михаил Александрович? – спросила она.

– По-моему, хорошо. Недавно он вернулся из поездки по Скандинавским странам. А вы давно знакомы с Шолоховым?

– Если двадцать два года считать большим сроком, то, значит, давно. Уже более двадцати лет мы не виделись. Ни с ним, ни с его семьей.

– И с семьей его знакомы?

– Мы не только знакомы, а, можно сказать, дружили.

Абэ-сан развязала узелок и достала номер японского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Кайдзо» за 1935 год с уже пожелтевшими от времени листами. Она открыла страницы, на которых был напечатан ее очерк с фотографиями о посещении М.А. Шолохова в станице Вешенской. Появление этого очерка она объяснила так:

– Уже в то время в Японии высоко ценили творчество Шолохова. Читатели восторженно встречали переводы его книг. Самые различные люди интересовались всеми деталями творчества и жизни писателя. Я тогда работала в Москве, в японском посольстве, стенографисткой. Мой знакомый, редактор токийского журнала «Кайдзо» Ямамото-сан, письмом попросил меня побывать у Шолохова и взять у него интервью. Михаил Александрович в то время находился у себя дома, в станице Вешенской. Я послала ему открытку, изложив просьбу журнала. Вы поймете, какова была моя радость, когда я получила ответ, а в нем приглашение приехать в Вешенскую. Это была осень тысяча девятьсот тридцать пятого года. Я немедленно поехала на родину Шолохова. Встретили меня с радушием и подкупающей простотой. С первого же часа я стала как бы своим человеком в семье. Михаил Александрович спросил меня:

– Абэ-сан, как вас звать по имени?

– Иосие.

– А по отчеству?

– У нас не зовут по отчеству.

– А по русскому обычаю величают и по имени и по отчеству. Значит, Иосидзовна?

Так и стали звать меня в доме Шолохова Иосие Иосидзовна.

Я пробыла в Вешенской, не помню, двое или трое суток. А когда настал час расставания, попросила Михаила Александровича, по нашей японской традиции, написать что-нибудь на память для меня. Для этого у меня уже был заготовлен специальный картон с золотым ободком и с золотой россыпью на лицевой стороне. На этой картонке Шолохов и написал памятные для меня слова.

Иосие Абэ-сан снова склоняется над узелком и подает мне эту бережно хранимую картонку. Я читаю:

«Как степной житель, я буду рад, если И. Абэ изредка будет вспоминать нашу поездку на охоту, целинную степь и чудесных белых стрепетов на фоне голубого сентябрьского неба.

М. Шолохов

23-IX. 35 г. Вешенская».

Моя собеседница прячет в узелок эту дорогую для нее картонку и подает мне другую:

«Абэ-сан.

Так начинается «Поднятая целина»: «В конце января, овеванные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады...»

Вероятно, так же, как и в Вашей, милой Вашему сердцу Японии.

М. Шолохов

2. VI.36 г.»

Потом Абэ-сан показывает мне третью картонку, с автографом Шолохова из «Тихого Дона».

– Выходит, вы часто ездили в Вешенскую? – спрашиваю я.

– Нет, к сожалению, всего один раз. Но почти каждый приезд Шолохова в Москву для меня был праздником. Он обязательно звонил мне, и я, забыв все, бежала к ним. Мы гуляли по улицам Москвы вместе со всей семьей Шолохова. Каждая новая встреча с Шолоховым вдохновляла меня на новый очерк для японского журнала. Автографы Шолохова, что я вам показывала, сейчас широко известны японскому читателю: они публиковались много раз.

Абэ-сан достает из своего бездонного узелка книгу – недавнее переиздание «Поднятой целины». Книга открывается портретом М.А. Шолохова, а под ним его автограф: памятный дар Абэ-сан.

– В тысяча девятьсот тридцать седьмом году я вернулась в Японию, – продолжает Абэ-сан. – И с той поры не встречалась ни с Михаилом Александровичем, ни с его семьей. Но скоро, очевидно, увидимся.

– Вы собираетесь в Москву?

– Нет. Михаил Александрович собирается к нам, в Японию. – И Абэ-сан опять склоняется над узелком, извлекает оттуда конверт, а из конверта письмо:

«Дорогая Иосие Иосидзовна!

Как видите, я не забыл по-русски звучащего Вашего отчества.

Благодарю Вас за память обо мне и прошу извинить меня за долгое промедление с ответом. Жизнь под старость так быстро идет, что не все успеваешь осуществить, сделать.

Я очень рад, что Вы живы и здоровы и преуспеваете в области любимого Вами искусства. Все мы в Вешенской по-прежнему помним Вас и очень тепло вспоминаем. Даже не верится, что мы виделись двадцать лет назад, и оттого, что жизнь так стремительно летит, становится грустно.

Наш Саша давно уже закончил Тимирязевскую академию, женился, работает агрономом в Крыму. У него уже есть дочь 8 лет. Светлана, когда-то маленькая, тоже давно замужем, мать 12-летнего мальчика, преподавала в Таллине, в университете, а сейчас недалеко от Вас, на Камчатке. Ее муж – молодой капитан корабля.

Я уже дважды дедушка, и мне пора не только носить усы, но и отращивать бороду. Миша и Маша учатся в Москве в университете, и дома мы вдвоем с Марией Петровной.

К сожалению, я не видел кинокартины «Арфа в Бирме», но не теряю надежды ее увидеть; в будущем году думаю побывать в Японии и тогда надеюсь познакомиться с Вашей любезной помощью и с Вашей страной и с японским искусством.

Я и Мария Петровна шлем Вам сердечный привет и от всей души желаем здоровья и счастья.

С уважением *М. Шолохов*

Ст. Вешенская, 12 мая 1957 г.

Пластинки и письма, переданные г-ном Сонобе в ВОКС, я не получил.
М. Ш.»

– Кинокартина «Арфа в Бирме», – поясняет Абэ-сан, – имела у нас большой успех. Я арфистка, игре на арфе училась в годы пребывания в Москве. У меня там много добрых учителей. Значительная часть картины «Арфа в Бирме» идет под сопровождение арфы. Играю я. Вот почему в письме и упоминается эта кинокартина. Мы все рады возможному приезду Михаила Александровича в Японию. Его у нас знают и любят. Его произведения переиздаются многими издательствами, и достать их в магазинах невозможно: быстро раскупаются.

Иосие Абэ-сан уложила последнее письмо Шолохова в конверт, спрятала конверт в узелок. Но оттуда она извлекла еще одну фотографию – Абэ-сан в семье Шолохова двадцать один год назад. Я попросил разрешения переснять эту фотографию и опубликовать ее. Абэ-сан категорически возражает:

– Это моя личная реликвия. И пока я жива, она останется только при мне.

– А можно получить вашу фотографию? – настаиваю я.

– С собой у меня нет такой фотографии. Но дома есть. Недавно я фотографировалась в большом донском платке, подаренном мне в свое время Михаилом Александровичем.

– Если встретите Михаила Александровича, – говорит на прощание Абэ-сан, – передайте ему мой привет и привет от всех его читателей в Японии.

Абэ-сан медленно идет к двери. Моя переводчица, провожая ее взглядом, говорит:

– Какой хороший человек Абэ-сан и какой у нее в руках драгоценный узелок!

И. Араличев¹

В гостях у Михаила Шолохова

Семь лет не был я в Вешенской, семь лет не видел Дона... Уже в Миллерове, где всякий направляющийся к Михаилу Шолохову должен пересест с поезда на самолет, видишь меты войны: взорванную мельницу, сожженные дома, глядящие на мир слепыми глазницами окон. Но жизнь торжествует здесь. Деловитый гудок восстановленного маслозавода, скопище машин у элеватора, людный базар, переполненный всякой снедью – итоги урожайного года, – ощущаешь на каждом шагу.

На аэродроме я узнаю, что повезет меня в Вешки (так называют на Дону станицу Вешенскую) Владимир Добриков, тот самый летчик, с которым мы летали к Шолохову до войны.

Добрикова в дни войны изрядно помяло. Где-то под Череповцом был он сбит нападшими на него «хейнкелями», потерял машину. После войны ему с большим трудом удалось добиться возвращения на «шолоховскую» воздушную линию. Самолет у него теперь лучше, чем до войны: пассажир сидит в лимузине, тогда как раньше был обдуваем ветром. Добриков жестом руки указывает вниз, на что-нибудь примечательное: окопы, траншеи, лишенные крыш строения. А когда показывается знакомая излучина Дона, летчик обращает внимание пассажира на песчаный берег реки, что напротив Вешенской: до сих пор тут чернеют полузасыпанные песком скелеты сгоревших автомашин. В тяжелые дни лета 1942 года здесь, на единственной переправе, скопились тысячи машин отходившей армии... Здесь, у станицы Вешенской, фронт остановился. Родная станица Михаила Шолохова на целых полгода стала передним краем нашей обороны. Старинный собор, описанный в «Тихом Доне», высится с огромной пробоиной в южной стене; черная плешь видна там, где стоял театр казачьей молодежи, построенный и открытый когда-то при содействии Шолохова.

Добриков снижает машину и, согласно обычаю, делает круговой вираж над зеленым шолоховским домиком. Этот круг над усадьбой писателя заменяет звонок у парадной двери. Однако во дворе Шолохова пустынно и, главное, не видно ни одной собаки – верный признак того, что Шолохов уехал на охоту и не явился на аэродром на своем «виллисе». Придется идти пешком, а аэродром находится далеко от станицы. Когда-то Добриков садился почти у станицы – у тына какого-нибудь казачьего база, но сейчас, когда окрестности станицы хранят еще следы окопов и блиндажей, аэродром пришлось перенести подальше.

Вот, наконец, станица. Большое, красивое здание педагогического училища высится на краю Вешенской среди казачьих базов. Сотни будущих учителей и учительниц учатся здесь в близком общении со своим знаменитым земляком. Почти на каждом перекрестке станицы видны колонки, чугунные крышки водопроводных колодцев.

В райкоме партии, где я провожу время в ожидании возвращения с охоты Шолохова и его жены, мне рассказывают, что Вешенская, как и вся страна, занята горячей восстановительной работой.

– Михаил Александрович, – говорит секретарь райкома партии товарищ Агеев, – помог составить новую пятилетку района. К концу 1950 года в каждом колхозе будет не менее пяти животноводческих ферм (конеvodческая, крупного рогатого скота, птицеводческая, овцеферма, свиноферма). Девять племенных ферм организуем в районе. Недавно мы заслушали на заседании бюро райкома партии доклад звеньевой колхоза имени Шолохова Ксении Лемеховой. На протяжении многих лет Михаил Александрович наблюдает за работой колхоза и принимает в ней участие. И его, как и всех нас, очень порадовали успехи звеньевой: Ксения Лемехова собрала на наших песках по сто шестнадцать пудов ржи с гектара...

Вешенцы делают все, чтобы их станица была достойна своего знаменитого земляка. Улицу имени М.А. Шолохова решено в этой пятилетке замостить и асфальтировать. Берег Дона будет озеленен; расширяется станичный парк, разбитый на описанном в «Тихом Доне» майдане. Строится образцовая сельская больница на семьдесят пять коек, с лечебными кабинетами, в том числе и рентгеновским. К концу 1950 года будут восстановлены все школы.

Шолохов принимает гостей внизу, в комнате, которая служит ему теперь кабинетом. Он уже больше не работает на своей «голубятне» – в крохотном мезонине, где писались «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Шолохов рассказывает о том, что произошло в его маленькой усадьбе в дни войны. Немецкая авиабомба упала во двор и убила мать Шолохова. В годы войны погиб весь архив Шолохова, вся библиотека. Каждый, кто знает, с какой тщательностью берег писатель рукописи «Тихого Дона», над которыми работал в течение четырнадцати лет, в том числе ту часть их, которая не была опубликована (главным образом, исторические материалы), может понять, какая это потеря не только для Шолохова, но и для нашего литературоведения. Погибли материалы «Поднятой целины». Потерялись любимые книги. Пропала знаменитая шолоховская коллекция изданий его книг во всем мире. Она занимала целую стену в одной из комнат на «голубятне». Здесь были не только все триста изданий книг писателя, вышедших в одном только Советском Союзе тиражом более чем в пятнадцать миллионов экземпляров, но и десятки изданий его сочинений на многих иностранных языках.

До войны Шолохов принимал гостей в мезонине. Две стены комнаты были заставлены обычными шкафами, наполненными книгами. На нижних полках книжных шкафов хранились письма и рукописи. Часто, беседуя с гостем, писатель подходил к шкафам, рылся в архиве, доставал письма, цитировал их.

Теперь этих рукописей нет.

Шолохов, хотя и привык к своей «голубятне», сейчас не может пробыть в ней и часа. Он перебрался вниз. В большой, не очень уютной комнате, приспособленной для кабинета, одна маленькая этажерка с книгами. На верхней полке – послевоенное издание «Поднятой целины» – «Разораната целина», выпущенная недавно в Болгарии издательством Маджарова и Бакарджиева.

К Шолохову всегда приходили земляки не только как к депутату, но и как к земляку. К нему обращались по всякому поводу: за помощью, за советом, а иногда... для того, чтобы дать ему совет, как писать, что делать со своими героями.

Так было во время работы над «Тихим Доном», так обстоит дело и теперь, когда писатель работает над романом «Они сражались за Родину».

Любопытное письмо такого рода получил на днях писатель. «Что это у вас, товарищ Шолохов? – пишет автор письма по поводу опубликованных глав романа «Они сражались за Родину». – Все бои идут больше, и все у вас живыми остаются. В жизни так не бывает! Ведь война была жестокая, и мы многих людей в ней потеряли».

– Я думаю, – говорит Шолохов, – что этот товарищ прав. Мы, русские, а не господа Гарриманы и Черчилли², знаем, что такое война, – каких тяжелых жертв она от нас потребовала. Может быть, кому-нибудь выгодно это забыть, но мы не забудем этого никогда!..

* * *

– Как идет работа над романом «Они сражались за Родину»?

– Меня интересует участь простых людей в минувшей войне. Солдат наш показал себя в дни Отечественной войны героем. О русском солдате, о его доблести, о его суворовских качествах известно миру. Но эта война показала нашего солдата в совершенно ином свете. Я

и хочу раскрыть в романе новые качества советского воина, которые так возвысили его в эту войну...

Трудно мне говорить о своей работе, – продолжает Шолохов. – В былые годы, когда я занимался «Тихим Доном», было легче отвечать. Сейчас речь идет не о прошлом, как в «Тихом Доне», а о совсем еще свежих ранах и свежих событиях... В «Тихом Доне» я был свободен и перед живыми и перед мертвыми, там все было историей, а сейчас передо мной живая жизнь...

– Как расположится роман во времени?

– Даже и этого не могу вам точно сказать. Начало – предвоенные дни, сорок первый год. Послевоенные дни вряд ли задену...

– Как вам пишется?

– Так же, как и во времена «Тихого Дона», – приходится все неоднократно переделывать. Тщательно взвешивать каждую деталь. Материала обилие. Одно вытесняет другое – хочется сделать роман лучше, компактнее. Напишешь несколько глав, потом прикинешь, и видишь – не то... Переделываешь. Что-то выбрасываешь, что-то дополняешь...

– Люди у вас в романе донские?

– У Бориса Горбатова, – отвечает, – есть превосходный рассказ о солдатской душе – «Алексей Куликов, боец»... Его герой ищет всюду своих, пензенских. Но война большая, страна тоже большая – и выходит, что пензенских он находит мало. Так и я со своими донцами – мало их нахожу. Мне, как и горбатовскому Куликову, редко приходится встречать земляков...

– Какие люди действуют в романе?

– Где-то здесь, близко от Дона, родная земля этих людей, но они не донские. Опубликованные главы романа – из середины. Постепенно буду вводить новых людей. Трудно говорить, пока не готова вся книга.

* * *

Шолохова то и дело отвлекают посетители. Они входят в комнату запросто, как сосед к соседу, и нужно признать, что эти посещения отнимают у писателя немало времени. Вот пришла казачка, она долго о чем-то советовалась с хозяином; потом явился слепой старик с поводьем за советом по поводу раздела своего имущества между детьми. У Шолохова нет и никогда не было секретаря, если не считать жены, Марии Петровны, которая помогает ему переписывать рукописи на машинке. Шолохов все делает сам, в ущерб своим литературным занятиям. Он охотно беседует с посетителями-земляками. Когда он общается с людьми из народа, он чувствует себя свободно и просто. Он испытующе смотрит при этом на своего собеседника, словно проникая ему в душу, внимательно слушает. Постороннему наблюдателю кажется, что Шолохов хочет убить сразу «двух зайцев» – помочь человеку и в то же время изучить какой-то житейский факт, который может пригодиться ему для литературной работы...

Продолжая беседу со мной, Шолохов говорит о плеяде молодых писателей – о Пановой, Некрасове, Вершигоре. Он с похвалой отзывается об авторе «В окопах Сталинграда», Некрасове, с интересом ждет его новых произведений.

В комнату вбегает жена писателя.

– Скорее! Скорее! – кричит Мария Петровна. – Бери ружье!..

Шолохов мгновенно забывает о собеседнике и, схватив ружье,

выбегает вслед за женой... Когда недоумевающий гость выходит на крыльцо, его оглушает выстрел. Шолохов стреляет в пролетающую над его домом стаю гусей. Подраненный гусь отделяется от стаи и планирует прямо во двор, на плотников, строящих новый дом Шолохова. Но оказывается, гусь падает в Дон. Шолохов сбегает вниз, к реке. Без шапки, без верхней одежды, Шолохов ладонями вычерпывает воду из лодки и, захватив собаку, уплывает за добычей.

За обедом гость пытается сказать что-то одобрительное по поводу гуся, так необычно убитого писателем с собственного крыльца, но попадает впросак. Оказывается, что мы едим гуся, убитого не Михаилом Александровичем, а... Марией Петровной во время вчерашней охоты. В 1936 году Мария Петровна рассказывала мне, что до замужества она проводила целые дни в степи с ружьем, а позже, уже обремененная материнскими заботами и хозяйством, стала редко ходить на охоту... Сейчас, став уже бабушкой, Мария Петровна с прежним азартом занимается охотой.

Мария Петровна так довольна сегодняшней удачей, что даже предлагает соорудить на крыше нового, строящегося дома площадку, с которой можно было бы стрелять пролетающих гусей.

Шолохов смеется.

– Этакое «ЗГТ» устроить – зенитно-гусиную точку? Нет, когда будет лет восемьдесят, тогда, сидя в кресле на такой площадке, можно охотиться, но сейчас, пока есть силы, надо ходить самому в поле за добычей!..

* * *

Пора улетать из Вешенской. Шолохов отвозит меня и Добрикова на аэродром. Одетый в просторный, подбитый ватой армейский френч, в защитном картузе, он похож на демобилизованного шофера. С кажущейся небрежностью держит он баранку руля и лихо мчит нас по песчаным вешенским кучугурам.

Увидев у почты привязанного к дереву оседланного трофейного мула, он говорит:

– Видите, куда превратности судьбы занесли итальянского мула? На Дон, беднягу, – колхозную почту возить.

Ст. Вешенская. Ноябрь

Полковник А. Выпрямкин На родине Михаила Шолохова

1

Машина пересекла гребень придонского хребта и извилистой дорогой устремилась вниз. Было раннее утро. Прохладный ветерок шуршал по верхушкам тополей, а вдаль, между зарослями краснотала, просвечивала синеватая гладь реки.

Мы подъезжали к станице Вешенской.

С детства мне знакомы эти места, я люблю их сыновней казачьей любовью, горжусь тем, что лазоревую степь, прозрачную дымку хуторов, необозримую ширь колхозных полей знает и любит вся моя Родина – сотни, тысячи, миллионы советских людей. Про плодородную донскую землю, про тяжелый и сложный путь, которым казачество шло к революции, про торжество нового, социалистического уклада красочно рассказал в своих талантливых произведениях М.А. Шолохов. Кто из нас с удовольствием не читал «Тихий Дон» и «Поднятую целину», не волновался за судьбу Григория Мелехова и Аксиньи, Давыдова и Майданникова? Эти литературные образы нарисованы рукой большого мастера, они вошли в нашу жизнь.

Мне много раз приходилось беседовать с казаками о творчестве Шолохова. Казаки с большой любовью говорят о произведениях Михаила Александровича, видят в его героях самих себя, в их жизни – свои радости и горести.

Недавно в типографии одной из столичных газет я разговорился с корректором А.А. Архиповой, которая в период гражданской войны жила в станице Каменской. Пожилая женщина убежденно говорила мне, что в 1918–1919 годах в Каменском госпитале она видела раненого Григория Мелехова, о котором впоследствии писал Шолохов. А когда я заметил, что на Дону действительно встречаются фамилии Мелеховых, но что Григория Мелехова, которого в романе показал Шолохов, она видеть не могла, потому что его не было, его талантливо нарисовал выдающийся художник слова, моя собеседница очень огорчилась и все-таки, как мне показалось, осталась непреклонной в том, что она видела живого Мелехова...

М.А. Шолохов ежедневно общается с людьми, которых он изображает в своих произведениях. Двери дома писателя открыты для всех. К нему заходят колхозники и колхозницы, трактористы и комбайнеры, учителя и агрономы. Писатель – инженер человеческих душ, и в нем они видят своего духовного наставника. С самыми заветными думами идут казаки и казачки к Шолохову, идут за советом по самым разнообразным вопросам. Мой знакомый Стерлядников Тимофей Иванович рассказывал, что он ходил к Михаилу Александровичу поговорить о постройке нового жилого дома, о воспитании сына, который чересчур отбился от рук...

2

Предстоящая встреча с писателем нас очень интересовала. Над чем работает автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины», как он сочетает свою разностороннюю – партийную, государственную, литературную – деятельность? – такие вопросы невольно вставали перед нами.

Восемь часов утра.

– Не рано ли? – обращаюсь я к знакомому казаку.

– Что вы, что вы! – отвечает тот. – Михаил Александрович рано встает. Он теперь уже работает. Да вы позвоните ему по телефону.

И я позвонил. Шолохов действительно был на ногах и пригласил нас к себе. По пути к дому писателя я вспомнил, как десять лет назад проходил по этой улице. На площади высилось тогда красивое трехэтажное здание райисполкома, а рядом с ним радовал глаз театр казачьей колхозной молодежи, созданный по инициативе и при поддержке М.А. Шолохова. Сегодня этих зданий нет: их разбомбили немцы.

Правда, врагу не удалось переправиться через Дон и захватить Вешенскую, но следы кровавых преступлений немецко-фашистских разбойников остались и здесь. Артиллерийским огнем с правобережных высот, бомбардировками с воздуха немцы разрушили многие здания. Одна бомба разорвалась во дворе писателя, повредила дом.

Тогда мы приехали в Вешенскую глубокой осенью и вечером пошли к писателю.

Беседа с ним была короткой, но душевной и надолго осталась в памяти. Сейчас, через десять лет, мы снова шли по той же улице к дому писателя.

3

Дом Шолохова – в центре станицы. Это – обычная в этой местности легкая деревянная постройка с просторным двором, дощатым забором и деревьями перед окнами. Огибая дом, идем к веранде. Навстречу нам вышла женщина и, пригласив в комнату, сказала:

– Садитесь, Михаил Александрович на минутку вышел. Он сейчас придет.

Оглядываемся вокруг. Просторная светлая комната. В углу – рояль, а в простенках – небольшой деревянный диван и несколько стульев. На рабочем столе писателя – телефон, газеты, рукописи и большая пачка писем.

С веранды в комнату быстро вошел М.А. Шолохов.

Да, война изменила многое. Изменила она и людей. Шолохов родился в 1905 году, – он, как говорят, мужчина в расцвете сил. Но морщины на лице говорят о пережитом, передуманном за суровые военные годы.

В период Великой Отечественной войны полковник Шолохов побывал на многих фронтах и, как все советские люди, отдавал свои силы делу разгрома врага. После войны Михаил Александрович демобилизовался, сменил боевую форму полковника на костюм мирного советского гражданина. Фронтная обстановка закалила и обогатила писателя, сделала его большим знатоком армейской жизни.

Как всегда, Шолохов жизнерадостен и бодр.

– Вот и опять встретились, – пожимая руки и попыхивая трубкой, говорит он. – А какое время пережили! Война и в мой двор врвалась. А вы как? Где воевали?

Мы рассказали о своих путешествиях по дорогам войны, о фронтовых встречах с вешенскими казаками.

Наша беседа, как и тогда, до войны, была простой и короткой. Я передал Михаилу Александровичу письмо из Москвы и попросил рассказать о своей литературной работе.

– Воины Советской Армии, – говорил я, – помнят ваши фронтовые очерки. Мы с интересом читали «Науку ненависти», «Они сражались за Родину». Но нам этого мало, мы – ненасытны и ждем ваших новых слов о минувшей войне.

Писатель сел за рабочий стол, задумался.

– Скоро, пожалуй, не смогу. Много времени отнимает депутатская работа. Вот видите. – Он показал на пачку писем. – Это сегодняшняя почта.

Каждое письмо писатель-депутат внимательно прочитывает, принимает по нему меры, связываясь с районными и областными советскими и партийными организациями.

В 1946 году в Вешенском районе была засуха, что, конечно, сказалось на колхозной жизни. Недоставало зерна, и Шолохову пришлось много сделать, чтобы колхозы быстрее преодолели возникшие трудности. Он ездил в Ростов, в Москву, доставал семенную ссуду, посе-

щал колхозы, помогал землякам лучше подготовиться к осеннему, а затем и к весеннему севу. И слово М.А. Шолохова – слово большевика, депутата, писателя, академика – ободряло, радовало казаков, звало к напряженному творческому труду.

– Поднялись быстро, – говорит Михаил Александрович. – Народ у нас упорный, трудолюбивый. Большую войну пережили, сильного врага разбили, а уж с послевоенными трудностями справимся.

Вешенцы, поборов засуху, собрали хороший урожай, досрочно выполнили план хлебопоставок государству, вдоволь обеспечили себя продуктами. В этом году они упорно борются за получение еще более высокого урожая.

Крепкая связь с колхозниками, всестороннее знание экономики района, постоянная забота о нуждах окружающих колхозов определяют Шолохова как государственного деятеля сталинской эпохи.

Нас, военных, интересовало, как районные организации помогают семьям военнослужащих и, в особенности, семьям погибших воинов. И надо отметить, что в этом деле, – конечно, не без участия М.А. Шолохова, – сделано немало. За полгода семьям военнослужащих выдано 160 тысяч рублей пенсии, 347 тысяч рублей пособия, 1900 метров мануфактуры, много обуви и разных предметов домашнего обихода. В районе проводился месячник помощи семьям военнослужащих, который дал дополнительные средства для нуждающихся семей защитников Родины.

Свою признательность М.А. Шолохову – славному сыну большевистской партии, виднейшему деятелю советской культуры – казачество выражает присвоением имени знатного земляка различным предприятиям и учреждениям.

В станице Вешенской имя М.А. Шолохова носит районная библиотека, в соседней, Еланской станице – школа-десятилетка. Есть в районе и колхоз имени Шолохова.

В 1945 году, после победоносного завершения Великой Отечественной войны, общественность Вешенского района отмечала сорокалетие писателя. Из самых отдаленных хуторов приезжали в станицу колхозные представители, чтобы от всей души поприветствовать дорогого юбиляра. Дети преподнесли писателю букеты пахучих полевых цветов. На собрании выступали люди разных возрастов, крепко жали руку Михаилу Александровичу и заверяли, что не посрамят они казачьей чести, сделают свои колхозы передовыми в области.

Простоту, сердечность М.А. Шолохова высоко ценят вешенцы.

– Золотой человек, – отзываются они о писателе. – Когда бы ни зашел к нему, – выслушает, посоветует, поможет. Уходишь домой – будто с родным братом поговорил. А если у тебя несчастье какое приключится, – глядишь, сам заедет, подбодрит, поможет.

Жизнь любого района богата и многогранна. А у Вешенского района есть одна особенность – он оторван от железной дороги более чем на 150 километров. Это обстоятельство усложняет деятельность районных организаций, требует от них высокой культуры, организованности и самостоятельности. Присматриваясь к районным работникам, мы все более и более убеждались, какое большое влияние оказывает на них трудолюбие М.А. Шолохова, его энергия. Районный работник, глядя на Шолохова, невольно подтягивается, внимательнее относится к посетителям, оперативнее решает вопросы.

Зимой я получил письмо от родителей. Отец сообщил мне, что к нему заезжал вешенский районный военный комиссар, расспрашивал, в чем старики нуждаются, есть ли у них хлеб, дрова. Такое внимание, конечно, растрогало моих родителей. Как я потом узнал, райвоенком время от времени лично объезжает семьи военнослужащих, знакомится с их жизнью, ставит перед райсоветами и колхозами конкретные задания по оказанию помощи семьям военнослужащих.

Не сказывается ли в этом стиль работы М.А. Шолохова – стиль писателя-большевика, депутата советского народа?

4

Мы уходим от Михаила Александровича в жаркий солнечный день. Серебристой лентой опоясывал Дон станицу, и прибрежный лес тянулся своими ветвями к воде. Знойное марево окутывало задонскую степь, а над аэродромом кружился почтовый самолет, прибывший из г. Миллерова.

М.А. Шолохов вышел с нами во двор и, щурясь, посмотрел в степь.

– Чертовская жара! – с досадой сказал он.

Михаил Александрович пожимал нам руки и желал всяческих успехов в работе.

– Да! – как бы спохватившись, добавил он. – А как вы доберетесь до Елани? Может, вам машину надо?

Мы поблагодарили Михаила Александровича и вышли на улицу. Около редакции районной газеты «Большевистский Дон» к нам подошел директор Вешенского педагогического училища, родственник писателя, майор запаса Владимир Шолохов.

– У Михаила были? – стирая пот со лба, спросил он и, не дождавшись ответа, продолжал: – А теперь пойдемте ко мне. Мы тут как на фронте. Строим, создаем, залечиваем раны войны.

Владимир Шолохов часто бывает у Михаила Александровича, вместе с ним ездит по колхозам, на охоту.

– Литераторы – удивительный народ, – весело говорит он. – Едем, предположим, по степи, я смотрю кругом и... ничего не вижу. Степь и степь... А у Михаила особый глаз. Ему и былинки рассказывает про жизнь. Послушаешь его, и в самом деле степь будто оживает, – перед глазами встает она, как скатерть-самобранка, – такая яркая и чудесная...

Вечером мы уезжали из Вешенской. На улицах слышались песни, смех, звонкий говор казачьей молодежи. Кто-то затянул «От края и до края», песню подхватили и другие. Она неслась над тихой стремниной Дона, летела в просторы колхозных полей и замирала у курганов – молчаливых памятников седой старины.

Машина набирала скорость, а вслед за нами летели, не умолкая, звуки песни...

Писатель М.А. Шолохов выехал из Сталинграда

После шестидневного пребывания Михаил Александрович Шолохов выехал из Сталинграда.

За время, проведенное в Сталинграде, М.А. Шолохов осмотрел исторические места боев за город – берег Волги, поселки заводов Metallогорода, где находились части 62-й армии, защищавшей Сталинград, побывал в районе Мокрой Мечетки – на местах сражений отрядов народного ополчения, посетил музей обороны Царицына – Сталинграда имени И.В. Сталина.

В беседе с корреспондентом «Сталинградской правды» М.А. Шолохов рассказал, что его посещение Сталинграда связано с работой над второй книгой романа «Они сражались за Родину».

По замыслу автора роман «Они сражались за Родину» предполагался как трилогия, повествующая о героической борьбе советского народа в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков.

Первая книга романа охватывает начальный период Отечественной войны и заканчивается описанием событий, предшествовавших Сталинградской битве. Вторую книгу автор посвящает Сталинградской битве.

Касаясь своих впечатлений о городе, Михаил Александрович сказал, что он уже несколько раз бывал в Сталинграде, видел наш город вскоре после окончания битвы, видел первые ростки возрождения и каждый раз с необычайной силой ощущал величие торжествующей жизни. Эта сила жизни торжествовала и в дни Сталинградского сражения и торжествует сейчас, когда на страшных развалинах рождается новый город.

В книге отзывов в музее имени И.В. Сталина Михаил Александрович оставил запись: «Склоняю голову. *М. Шолохов*».

Встреча писателя М. Шолохова с читателями

Переполнен был вчера клуб офицера Военно-политической ордена Ленина Краснознаменной академии имени В.И. Ленина. Сюда, на встречу со своими читателями, приехал любимый писатель советского народа депутат Верховного Совета СССР М. Шолохов.

На десятки вопросов, связанных с работой второй сессии Верховного Совета СССР, ответил своим друзьям Михаил Александрович Шолохов.

Он рассказал о том, что сейчас заканчивает первую книгу большого романа о Великой Отечественной войне «Они сражались за Родину». После этого он думает вернуться к неоконченной «Поднятой целине», работу над которой прервала война.

До позднего вечера затянулась эта интересная встреча, прошедшая в теплой, сердечной обстановке.

В. Соколов, спецкор «Литературной газеты» На тихом Дону

Могуч и красив Дон в половодье. Нынче весна затянулась, и он трижды выходил из берегов, заливая пойменные луга и затопляя чуть ли не до макушек белые стройные, как невесты, березки. Когда вода спала, в изгибе реки, против станицы Вешенской, неожиданно-негаданно образовался мыс – огромная глыба суглинка и песчаника, переплетенная тысячами корней и корешков, выдвинулась вперед, не отступив перед паводком, не сдвинувшись с тех мест, где родилась и простояла долгие годы. Так ведь и в жизни: характер самобытный и цельный лишь крепнет под напором времени.

По-над Доном, у самого крутояра, где река лениво, будто нехотя, поворачивает и покидает Вешенскую, стоит дом, в котором живет Михаил Александрович Шолохов.

«Депутат Верховного Совета СССР, писатель М. Шолохов, заботясь о нуждах своих избирателей, – сообщила на днях районная газета, – обратился к рабочим Ростовского завода «Красный флот» с просьбой ускорить строительство катера для вешенцев. В ответ на это судостроители выполнили заказ раньше срока. Новый переправочный катер получил название «Быстрый». В знак благодарности строителям катера писатель прислал в подарок для заводской библиотеки четыре тома последнего издания романа «Тихий Дон» с личной надписью: «Коллективу завода «Красный флот» от земляка М. Шолохова».

Умолчала газета лишь об одной курьезной подробности. Когда катер был готов, судостроители на свой страх и риск назвали его «Дед Шукарь». Вешенские руководители запротестовали против такого легкомыслия и телеграфом потребовали более делового и романтического, на их взгляд, наименования: «Быстрый». Ростовчане подчинились, но на кругах, что развешаны вдоль бортов «Быстрого», то ли случайно, то ли намеренно, осталось имя шолоховского героя.

Если человек всей душой, всеми помыслами своими тянется к чему-то или к кому-то, на Дону говорят про такого «прислонился». Шолохов прислонился к сотням разных дел, к тысячам людей, заслужив в ответ неистощимую любовь своих читателей и избирателей. О его простоте и душевности вам охотно расскажут здесь множество историй.

Как-то Шолохов возвращался на машине из Миллерова. Догнали старушку.

– Подожди, Федя, подвезем мамашу.

Посадили, тронулись дальше.

– Куда едешь, мать?

– Да неблизко, к Михаилу Александровичу...

– По делам?

– Сына разыскать надо. С войны не вернулся и документов никаких нет, пенсию не платят. Я уж и в собес ходила и в область писала, отписывают: «Без документов не можем»...

Подъехали к Кашарам.

– Так вот, мать, Шолохов – это я. С документами мы тебе поможем, сейчас в здешнем райисполкоме оформим заявление и все как полагается. Так что тащиться в такую даль не к чему, езжай домой...

Зашли в райисполком, оформили заявление, подождали встречной машины, чтобы не плестись старухе в Миллерово пешком. А вскоре в Вешенскую пришло письмо: «Спасибо, сынок, документы разыскали, и пенсию я уже получаю. Сдержал ты свое депутатское слово...»

Все ли в этой истории было так, как рассказывают, не знаю. Важно другое: на множестве примеров, ставших обычными, повседневными, земляки убедились, что Шолохов поступает именно так, а потому и рассказывают подобные истории с мельчайшими подробностями, будто каждый сам присутствовал и все видел своими глазами. Рассказывают с душевной (с «доброй», как сказал бы Шолохов) улыбкой и часто с искренним удивлением: дескать, а вы разве сами не

знаете, не видели? И как Михаил Александрович ездит на рыбалку и на охоту, и как работает он у себя в саду, как поет тенорком «Выхожу один я на дорогу» или старую казачью:

Под серебряной волной,
На златом песочке...

И кто бы ни рассказывал – учитель-пенсионер Мрыхин, обучивший когда-то Мишу первым буквам, или старый кузнец Крамсков, мечтавший приспособить смышленного парня себе помощником в кузню, или сторож Ващаев, шолоховский товарищ по охоте, – каждый обязательно прибавит: «Душевный он человек – для него весь народ одинаковый...»

Калитка шолоховского двора открыта всегда и для всех. В большом собственном доме, за высоким зеленым забором, отдавая массу сил и времени творчеству, писатель-депутат живет с земляками единой трудовой жизнью. О видах на урожай, о нуждах районной больницы, о тракторах, которые должны прийти из Сталинграда, да что-то опаздывают к севу, – обо всем этом Шолохову не надо рассказывать, он сам отлично в курсе всех местных дел и забот. И если что-то в округе носит имя Шолохова, – это не просто дань уважения знаменитому человеку.

Улица Шолохова... На каждом ее перекрестке, из конца в конец станицы, стоят теперь колонки с прозрачной вкусной ключевой водой. А не так давно ее жители спускались за водой к Дону и, готовя с такой водой кулеш, рисковали, конечно, обнаружить в нем ту самую «вустрицу», за которую когда-то поделом досталось деду Щукарю. Водопровод – давняя мечта вешенцев, и Шолохов положил немало труда ради исполнения наказа избирателей.

Колхоз имени Шолохова... На последней районной партконференции член пленума райкома посвятил своим «крестникам» немало горьких слов. Речь шла о бездумном подборе кадров, о нежелании воспользоваться советом и опытом стариков, о безынициативности руководителей. Напомнил тогда Шолохов и о незаслуженно забытой статье доходов – разведении индеек. «Говорят, что она капризная птица. Так ведь и жены иногда бывают капризные, но мы же их за это не бросаем...»

На разговорах дело не кончилось. Вскоре после конференции Шолохов с Михаилом Ивановичем Косоножкиным, председателем колхоза, посидел над перспективным планом артели – поспорили, добираясь до истины. Было бы наивным думать, что все эти депутатские, общественные заботы и дела решаются легко и просто, без волнений, без серьезных усилий, без конфликтов. Кое-кто из местных руководителей был бы не прочь широко пользоваться шолоховским авторитетом – начиная, скажем, от «накачек» отстающим бригадирам и кончая неофициальным звонком к министру. Другие, наоборот, склонны оградить себя от «лишнего» глаза: пусть, мол, пишет книги и в наши дела не вмешивается. Но тем и дорог Шолохов землякам, что всякую крупную народную заботу он принимает к сердцу, как свою кровную обязанность, и уж тут без напоминаний доводит дело до конца. За то и величают его здесь уважительно, не по фамилии, а по-домашнему – Михал Александрович.

Как-то в беседе Шолохов сказал: «Свою похоронив, я к любой матери тянусь...» В одном из опубликованных недавно отрывков есть строки, где слились воедино два образа, бесконечно дорогих писателю, – донской степи и матери: «...Дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождями степь! Была она теперь, как молодая, кормящая грудью мать, – необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства». А в депутатской почте писателя много волнующих материнских писем и просьб – советуются, просят помочь, жалуются на невнимание к женщинам-труженицам. Не каждая просьба законна и выполнима, но каждая мать получила от писателя откровенный, обстоятельный и, главное, сердечный ответ. «Нет таких, которых бы не принял или не ответил», – рассказывают земляки.

Однажды ростовский писатель Анатолий Калинин нашел, пожалуй, наиболее точные слова для определения главного качества в гражданском и писательском облике Шолохова – «солнечная любовь к людям». Этой любовью проникнуты шолоховские выступления и личные письма, эта любовь, как драгоценный кристалл, играет тысячами красок в его произведениях. Потому так трудно бывает для многих, особенно для земляков, отделить литературных героев от хорошо знакомых односельчан, согретых его вниманием в жизни. Не так давно умер старик, прославившийся с легкой руки газетчиков, как прямой прототип деда Щукаря, и на этом основании занимавший почетное место в президиуме всех колхозных собраний.

И надо побыть в Вешенской, увидеть ее привольно раскинувшиеся по Дону свежетыбеленные к юбилею хатки, узнать напряженную жизнь здешних «глубинных» колхозов, рыбхоза, лесхоза и МТС, послушать удалые песни казачек, посмотреть на жаркие волейбольные битвы станичных девчат и на притихшие по вечерам возле плетней парочки, надо, быть может, заглянуть в сочинение ученицы 10-го класса «А» Вешенской средней школы Маши Шолоховой («Какое счастье сидеть утром с книгой в руках где-нибудь на траве в тени, слушая, как кричит далеко за рекой кукушка да перекликаются в станице петухи!.. Выйдешь к Дону – в его зеркальной поверхности отражается лес, стоящий на противоположном крутом берегу. А как красив восход солнца!..»), – надо хотя бы раз увидеть и узнать все это, чтобы представить себе, откуда так неожиданно и так легко, красиво, трепетной рукой нарисовал Шолохов в новых главах образ комсомолки Варюхи-горюхи, безответно влюбленной в Давыдова. Весь он, Шолохов-художник, как та береговая глыба, пронизан тысячами корней и корешков, накрепко связавших его с родными местами, с глубинами жизни простого народа.

«Среди литераторов есть люди, которые слишком влюблены и углублены в свое мастерство и смотрят на жизнь равнодушно, только как на материал для книг. Действительность для них безразлична, если она не царапает им кожи, не бьет их, не вышибает из привычной удобной позиции... Но – люди этого типа и сродных с ним постепенно уходят и скоро уйдут из жизни.

На смену им являются молодые писатели. Они должны хорошо понять значение и цель своей эпохи. Эта эпоха по глубине и широте исторического процесса, который созрел и развивается в ней, – значительнее, трагичнее будет – не может не быть! – плодотворной более всех эпох пережитых».

Правота этих горьковских слов несомненна, и Шолохов, чью молодость приветствовал и поддерживал Горький, – лучший пример тому.

Станица Вешенская

50-летие Михаила Шолохова

Концертный зал имени П.И. Чайковского. Сюда 24 мая на юбилейный вечер М. Шолохова пришли рабочие, студенты, писатели, артисты, офицеры Советской Армии. В зале – жена Шолохова Мария Петровна, дети и даже маленькая внучка.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся любимого писателя. Вечер открыл А. Сурков.

– Мы собрались сегодня здесь в день пятидесятилетия выдающегося мастера литературы Михаила Шолохова, – сказал А. Сурков, – чтобы выразить ему чувство горячей любви и признательности за чудесные книги, которые читают сотни миллионов людей во всех концах земного шара.

А. Сурков характеризует М. Шолохова как талантливейшего восприемника и продолжателя бессмертных традиций русской классической литературы, видного общественного деятеля.

С взволнованными приветствиями обратились к писателю представители литературных и общественных организаций, студенты, артисты, рабочие.

– Ваши книги никогда не залеживаются на полках нашей заводской библиотеки. Мы их читаем и перечитываем, – сказал, обращаясь к М. Шолохову, фрезеровщик машиностроительного завода В. Аверкин.

Слово приветия дорогому земляку и писателю сказал председатель Вешенского колхоза имени А.А. Андреева И. Пятиков.

На вечере выступили: от правления Союза писателей СССР Л. Леонов, министр культуры СССР Н. Михайлов, академик В. Виноградов, народная артистка СССР Е. Турчанинова, заместитель главного редактора газеты «Правда» П. Сатюков, главный редактор журнала «Октябрь» М. Храпченко, украинский писатель О. Гончар, главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, главный редактор Гослитиздата А. Пузиков и другие.

Поздравляя писателя с высокой правительственной наградой – орденом Ленина, выступавшие от всего сердца желали ему быстрее завершения второй книги «Поднятой целины» и романа «Они сражались за Родину», создания новых прекрасных произведений.

В адрес юбиляра поступили многочисленные поздравительные письма и телеграммы из Корейской Народно-Демократической Республики, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Монгольской Народной Республики, Германской Демократической Республики и других стран.

В заключение выступил Михаил Шолохов.

– Дорогие друзья, – заявил он, – разрешите сказать одно: вы понимаете, что я растроган, взволнован, а отсюда и косноязычен, но постараюсь не очень долго затруднять ваше внимание.

Разрешите мне вас заверить, что весь свой ум, весь жар души, всю страсть далеко не равнодушно к жизни сердца я отдал и отдаю для того, чтобы мои книги волновали бы вас.

Большое спасибо тем, кто приветствовал меня. Разрешите сказать тем, кто не получил слова, всю теплоту которого я чувствую сердцем, – разрешите сказать им мое глубокое спасибо.

В большом концерте были исполнены отрывки из произведений М. Шолохова.

Петер Вереш (Венгрия) ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Если говорить о том, что для нас, венгерских революционеров, рабочих, крестьян и левых писателей, означал Шолохов как писатель, а «Тихий Дон» как книга, то прежде всего надо сказать, что для нас означала революция.

Мы, люди старого поколения, еще можем припомнить и рассказать об этом более молодым. А им узнать полезно, каково жилось до Первой мировой войны.

Подробный исторический обзор занял бы слишком много места. Поэтому я, вместо долгих объяснений, приведу лучше в пример свою родную деревню. Впрочем, эта деревня, как в капле воды, отражала жизнь всей Венгрии. Ведь почти вся земля нашей деревни – 40 000 хольдов – принадлежала одной-единственной графской семье. Лишь 14-я часть пшеницы была нашей. Иными словами, мы должны были убрать вручную урожай с 15–16 хольдов пшеницы, чтобы из 140 центнеров заработать 10 центнеров хлеба. Этих десяти центнеров хватало только маленькой семье.

В это время, в начале XX века, в Венгрии уже существовали социалистические рабочие и крестьянские организации. Из года в год вспыхивали бунты среди сельскохозяйственных рабочих; весть о революции 1905 года в России докатилась и до нас, и я, поденщик-под-росток, мечтал о революции.

Лишь позже я усвоил из книг, а еще больше из собственного революционного опыта (впервые в этом убедило меня легкомысленно брошенное осенью 1918 года оружие), какая огромная сила нужна, чтобы переделать историю, чтобы изменить привычный порядок вещей. Ведь столетиями, иногда тысячелетиями, создавались, упрочнялись институты эксплуатации, затвердевали, как скала, дети рождались при существующих системах и считали рабство естественной, привычной формой бытия. И если бунтовали, то обычно лишь против отдельного, далеко зашедшего хищника.

Подобных хищников иногда удавалось устранить, но вместо них приходили другие, и порядок оставался таким же, каким был в течение столетий. И этот привычный порядок проникал во все поры жизни настолько, что народы считали само собой разумеющимся существование королей, царей, князей, распорядившихся жизнью и имуществом, детьми и внуками; существование духовных сановников, распорядившихся душой и мыслями; существование крупных помещиков, в амбары которых народ обязан был высыпать урожай, и, конечно, существование чиновников и жандармов, оберегавших и направлявших весь этот порядок.

И поколениям, сменяющим друг друга, казалось, что вся эта махина если и скрипит иногда, то все же работает, что она создана на веки веков.

А тот, который не в состоянии был покориться духом (ибо тело легче свыкается с рабством), научался прятать сжатые в гневе в кулак руки в карман и скрежетать зубами, когда никто не слышит. А если кто не в силах побороть гнев, – то иди скитаться по лесам и болотам...

Но в чреве времени вынашивалась, созревала великая перемена, необходимость обновления, и зарождалась истина сперва в умах отдельных лучших представителей человеческого рода, а потом в сознании угнетенных классов: старый порядок должен быть разрушен! Иного нет пути! Иначе жить нельзя!

И тогда начиналась борьба. Борьба, чреватая победами и поражениями, как всякая борьба, но прежний порядок был нарушен. Возврата к старому больше не было: приверженцы старого порядка из консерваторов становились реакционерами, приверженцы же обновления начинали понимать, что нужны не реформы, а революция.

И потом наступали великие перемены. Порядок, казавшийся прочным и незыблемым, рушился, и новый мир после хаоса пыли, дыма и настоящего пламени был создан.

Реалистически, убедительно изобразить все это, показать подробно, и вместе с тем не запутываясь в подробностях, всегда во всем видя целое, – самая великая задача, какую когда-либо история ставила перед писателями.

И это удалось Шолохову! Шолохов написал немного, но ему удалось запечатлеть великие события мировой истории: в «Тихом Доне» саму революцию, а в «Поднятой целине» организацию новой жизни, создать образы революционеров и партийных работников.

Для нас «Тихий Дон» явился не только историей Григория Мелехова, не только историей семьи Мелеховых и не только – через призму истории жизни казацкого села – историей жизни русской деревни, но наряду со всем этим историей победившего в революции народа.

Как побеждает и какими людьми побеждает социалистическая революция? – вот какие жизненно важные вопросы задавали мы. И «Тихий Дон» отвечал нам.

В конце концов якобинцы французской революции тоже победили с помощью народа, но после Директории пришел к власти Наполеон, а затем Бурбоны и все то, что нам знакомо по результатам французских буржуазных революций.

Читая «Тихий Дон», мы поняли, что нет места для реставраций: там действительно рождается новый мир, где не могло быть ни соглашения, ни примирения, ни дороги назад, ни третьего пути. Ленин и его солдаты – Бунчуки, Миши Кошевые, Нагульновы и Давыдовы – были совершенно иными людьми, чем революционеры 1789-го и 1848 годов. Они были революционерами-большевиками.

В то время мы часто читали об этом в газетах. Но воплощенными в человеческие образы мы этих революционеров-большевиков узнали из «Тихого Дона», – ведь во время короткой венгерской революции 1919 года перед нами еще не мог развернуться новый тип человека.

Индивидуалист-буржуа, живущий на Западе, да и где угодно, всегда с легкостью понимал Цезаря или Наполеона, больше того, как мы на опыте недавнего прошлого убедились, Муссолини или Гитлера, да и Катилину и Дантона – ведь и эти последние в конечном счете, по мнению такого буржуа, всего лишь хотели стать цезарями, а вот большевиков, их невозможно понять!.. Ибо легко понять индивидуалисту и карьеристу борьбу личности за власть, за историческую карьеру, за «величие»: даже готовность рисковать жизнью ради этой цели понятна; в конце концов, «или пан, или пропал», и к тому же для такой личности без подобного порыва жизнь не имела бы цены; а вот у большевиков все как-то иначе!

Легко было стать героем тому, кто взамен получал историческое величие, славу; легко было это сделать даже тем средневековым рыцарям, которые, по существу, были лишь рабами своих страстей и порывов, но устоять сознательному, думавшему человеку там и тогда, когда рассчитывать на славу, на награду не приходится, ибо тысяча и тысяча подобных ему участвуют в революции, – вот это настоящий героизм, на подобные подвиги способен лишь человек нового типа. С этой точки зрения мы должны отрицать казавшееся вечной истиной изречение шекспировского Гамлета: «...решимости природный цвет хиреет под налетом мысли бледным». А у Бунчуков, наоборот, мысль, как и вера, укрепляет решимость. Нужно победить, и только так можно побеждать! Вера и знание диктуют это. Единственной наградой служит собственное сознание, что сделал все, что мог!

Шолохов совершил огромное дело тем, что показал революционера в движении, поступках, в борьбе и тем самым помог читателям всех народов мира понять, что только такими людьми, такими моральными принципами, такими страстями можно победить в социалистической революции.

Для меня лично – и, думаю, для многих других писателей, описывающих крестьянский быт, – большой поддержкой служила в начале писательского поприща шолоховская манера изображения крестьян. Она противостояла манере изображения крестьян некими «оригиналами», манере идеализации крестьянского быта, манере натуралистов, развлекавших буржуа.

Я внутренне восстал против таких произведений, написанных о крестьянской жизни, считая, что описывать их надо так, как это делал Толстой и делает Шолохов. Писать о крестьянине нужно не для того, чтобы показать скучающему «эмоционально тонкому», всегда жадному до «сенсаций» так называемому образованному читателю: смотрите, какие чудные эти крестьяне, – а для того, чтобы показать, что и крестьянин – человек, к тому же крестьянство – один из основных трудовых классов всех народов и наций.

Герои Шолохова – не деревенские чудачки, а люди, люди из плоти и крови. Все то, что создавало в людях человеческое общество, изуродованный эксплуатацией в течение столетий, тысячелетий крестьянский мир, – все в этих книгах настоящее, все естественное. Все делают то, что логически вытекает из характера каждого. Дед Щукарь – такой же настоящий крестьянин, как и Санчо Панса Сервантеса: он также поступает на свой лад, каждый раз сообразуясь с обстоятельствами.

В то же время огромную радость доставляла мне, являясь образцом, шолоховская образность. С первых страниц «Тихого Дона» моему духовному взору представлялись такие картины, которые никогда не позабудутся, хотя с тех пор я пережил много тяжелого и прочитал великое множество хороших книг (только хороших, плохие книги я уже давно не в состоянии читать). И все же и по сей день я вижу покрытый травой мелеховский двор в то раннее утро, когда старшая невестка Мелеховых, Дарья, ослепляя белизной босых ног, пробегает через двор к хлеву, чтобы подоить коров. Я вижу даже след ее ног на поблескивающей росой траве, и вместе с Пантелеем Прокофьевичем я слежу, как измятая босыми ногами Дарьи трава через несколько минут выпрямляется...

Вот она – реалистическая литература: единство действительности и поэзии в одной маленькой сцене!

Подобных поэтических и драматических сцен (например, сцена спора прапорщика Бунчука с казаками-офицерами в окопе, когда в руках у Бунчука одна из исторических статей Ленина) сотни и тысячи в этой книге и в другой, написанной позже, – в «Поднятой целине».

Очень хорошо, когда писатель является мыслителем, когда он может дать больше, чем пустое описание, когда в каждом событии, в каждой сцене присутствует высокая идея, и присутствует не в виде публицистических или философских приложений, а вытекает из самой сути изображенных событий. Писатель тогда является хорошим философом, когда ему удастся заставить читателя задуматься.

Шолоховское мировоззрение выражается в драматических сценах и в поэтических картинах: это и есть самое высокое эпическое искусство.

Для нас, венгерских писателей, испытавших влияние социологизма в литературе, это также очень поучительно. Ситуации, сцены, картины – вот что должно быть выразителем идеи.

* * *

Михаилу Шолохову сейчас 50 лет. Для писателя, особенно для романиста, это не много. Как я мог убедиться на съезде писателей в декабре прошлого года, он полон сил, больше того, он полон дискуссионного азарта. Мне представляется, что я выражу общее мнение писателей и читателей, если скажу, что все мы ждем от него новых книг, изображающих важнейшие исторические события нашего времени на таком же высоком художественном уровне, как изображены революция в «Тихом Доне» и начало социалистического преобразования деревни в «Поднятой целине».

Эрвин Штриттматтер, немецкий писатель

Мое знакомство с Шолоховым

Мое первое знакомство с Шолоховым состоялось при чтении «Поднятой целины». Я читал ее всю ночь напролет. А через несколько недель уже перечитывал снова. То, что мы называем «сознанием», было тогда во мне молодо, еще только формировалось. Я понял, что такое революция: трудность раздробить окаменелости старого, удовлетворение и творческая радость, когда становятся зримыми контуры нового. Шолохов показал мне противоречия, через которые совершается развитие. Но он не отпугнул меня. Он привлек меня, поставил ближе к нашему делу.

Поэтому-то я жаждал прочесть «Тихий Дон». Тома выходили у нас с промежутками. От книги к книге возрастал мой страстный интерес к роману. В то время я еще не думал, что когда-нибудь буду писать сам. Здесь было уловлено и развернуто то, что захватывает от первой до последней строки, то, за что и я дрался, – сама жизнь. Действие, действие, действие!

До поры до времени человек движется по жизни, с условиями которой он сроднился, не задумываясь о ней. Мир, в который он вжился, кажется ему самым правильным, даже когда он страдает и терпит, потому что он застал в мире страдание и привычку терпеть. Однако приходит день, когда он начинает сомневаться в правильности этого мирового порядка. Приходит день, когда мысль претворяется в слово. Это слово сомнения произносится вслух, а человека, который произнес его, наказывают, наказывают за его собственные мысли. Но вслед за первой мыслью прорываются новые, группируясь, как кристаллы.

Сперва это робкие, несвязные догадки. Потом наступает день – и приходит счастье встречи с учителем, подтверждающим твои мысли, счастье научиться видеть. Так Шолохов развивает образы своих революционеров. Они не просто присутствуют в его книгах. Он ощущает самый процесс их зарождения и произрастания. Он описывает не только ту часть дерева, что возвышается над землей.

Но это лишь маленькая частица того, что в моих глазах составляет его художественную мощь.

Он не торопится, он оставляет себе время, чтобы обрисованный им ход развития предстал нам во всем правдоподобии. Он ставит своих героев во все новые ситуации, в которых накапливается их опыт; он показывает, как растет в них новое, как они отходят от старого.

Он не приукрашивает. Он дает понять, что мы тем раньше придем к человеческой жизни, чем скорее уничтожим зверское, тупое, не поддающееся перевоспитанию. И он дает нам понять, что уничтожение противника, в какой-то мере всегда тяжелое для отдельного человека, почти убивающее его самого, может быть благодеянием для народа в целом.

Он не подчеркивает незначительных фактов, а сосредоточивает внимание на действительно поворотных пунктах истории. Из описания событий у него вырастают захватывающие картины борьбы.

При чтении «Тихого Дона» у читателя возникают сотни «почему». Он не вздыхает с облегчением, закрывая четвертый том. Он начинает спрашивать, пытливо думать: «Почему Григорий был вынужден?..» Он возвращается к прочитанным местам романа и, листая страницы, находит ответ на возникшие у него вопросы. Так книги Шолохова становятся учебниками без того, чтобы он поучал.

Шолохов ничего не упускает из виду, ни о чем не забывает упомянуть и показывает нам живых людей. Он описывает блеск красивых глаз, нетерпение влюбленных, их страсть. Он показывает зависимость этой страсти, как и бывает в жизни, от окружающей среды, изображает конфликты любви как отражение конфликтов общественного строя. От глаза художника не скроется ни бородавка на лице, ни косой взгляд прохожего.

Он не забывает о далях и просторах, о следе ноги на траве. Он не проходит мимо запахов в каморках и комнатах, мимо свежих запахов воды и трупного запаха на поле битвы. Он дает пятьдесят и более описаний восхода луны; облака и перемены погоды определяют настроение его героев, отражаются на их действиях.

Он знает, как видит Ленина простой земледелец, вступающий на революционный путь, и какие этапы проходит он на этом пути.

...Его книги волнуют, будят представление о том, кто их пишет. Одним из моих первых вопросов, когда я приехал на съезд писателей в Москву, был: «Увидим ли мы Шолохова?» – «Конечно», – ответили мне.

...Вокруг него много легенд – добрых, а иной раз и злых. Что толку в этих рассказах? Он работает, и, думается мне, упорно работает. Такие книги, как его, не пишутся между двумя заседаниями. Это – художественные творения, великие творения.

Писатель, такой, как Шолохов, который создает такие образы, должен быть вулканическим. В своем московском дневнике я записал: «Шолохов был нам знаком по единственной фотографии. Он был на ней юным, нежным, уж во всяком случае не крестьянского обличья. Таким рисовался он и в нашем представлении. Но на трибуне стоял коренастый человек с ясным лбом, сверкающим боевым взглядом и непокорными волосами...»

Несколькими днями позже я видел его лицом к лицу в прекрасном Московском университете имени Ломоносова на Ленинских горах. Меня представили ему. Он внимательно посмотрел на меня, очень внимательно, и протянул руку. Для меня это мгновение было большим и тревожным.

Он сказал лишь несколько слов ликующим студентам различных стран мира. Мне кажется, я чувствовал, как он был растроган. Есть люди, которые не умеют выставлять свою растроганность напоказ, как красивый галстук. Они предпочитают спрятать ее... Мне кажется, он принадлежит именно к таким.

В Советском Союзе есть много стариков, которые дышат вольным воздухом широких просторов и живут до ста лет. Я желаю ему быть в их числе. К счастью, он лишь на полпути к этому возрасту. Проснувшиеся и просыпающиеся народы всего мира уверенно ждут от него еще много хорошо написанных книг.

Евгений Люфанов¹ **У Михаила Шолохова**

Над степью синяя декабрьская ночь. Протянувшись узкой полосой, стоит по-над Доном опушенный инеем нарядный лес. Укрывшись поверх льда снегом, спит прославленная река. Спит станица. Только в редких окнах домов светятся огоньки, зажженные рано проснувшимися хозяевами. Среди этих немногих огней издалека видно освещенное окно шолоховского дома, стоящего на высоком донском берегу.

По давней привычке Шолохов просыпается часов в пять утра. Запоздалый зимний рассвет застаёт писателя сидящим за письменным столом.

Перед ним страницы новых глав второй книги «Поднятой целины». В них сложный мир человеческих чувств, меткие характеристики героев, их живая, образная речь, острый юмор. Описания природы словно воочию открывают картины цветения весенней степи, и, как в распахнутое майским утром окно, веет с этих страниц медвяными запахами разнотравья, и кажется, слышишь все голоса пробужденной земли.

Но то в одном, то в другом месте рукописи подчеркнуты слова, на которых остановился глаз писателя. Они кажутся ему недостаточно выразительными: где-то он почувствовал лишнее, где-то – недосказанное; и вот перечеркнута одна, другая страница, скомканы и брошены в корзину листы целой главы. И Шолохов начинает работу над новым вариантом...

Порой, когда работа подвигается особенно туго, он уходит с ружьем в степь, в прибрежные донские леса, а если это летом, – посидит на берегу Дона или Хопра с удочками. Домой он возвращается всегда не только с охотничьей или рыболовецкой добычей, но и с новыми впечатлениями. Общение с природой и наблюдения за ней, встречи с казаками ближних и дальних хуторов, полузабытое, но удивительно меткое слово, сказанное каким-нибудь старожилом, – все это пригодится в работе над книгой.

Но бывает и так, что, собравшись на охоту или рыбалку, он возвращается с полпути, чтобы скорее снова сесть за письменный стол. Найдены более точные слова, которыми следует заменить написанное: двумя-тремя новыми штрихами дорисовывается образ, до этого беспокоивший его своей неопределенностью. И опять изо дня в день, еще задолго до рассвета, светится окно его кабинета.

Если бы собрать все написанное Шолоховым, то был бы виден тот огромный труд, который, «сотней папирос клубя», затрачивает он на создание своих произведений. Но Шолохов, как правило, уничтожает свои черновики.

Вон он идет по станице, с кем-то беседуя, шутит, рассказывает что-то веселое, – казалось бы, рукопись на время забыта. Но глаза нет-нет и прищурятся, вглядываясь во что-то, видимое только ему одному, и он неожиданно говорит:

– Извините, пойду поработаю.

Он не успокаивается даже после того, когда книга давно дошла до многих миллионов читателей. Мы видим тысячи новых исправлений в томах «Тихого Дона» и в «Поднятой целине». Все возрастающее чувство требовательности к себе заставляет писателя не торопиться с изданием рукописи. Только когда десятки раз проверено каждое слово, когда уже не вызывают сомнений образы созданных героев, до мелочей продуманы все события, он решается, наконец, на опубликование глав, но лишь для того, чтобы еще раз проверить их у читателей, прежде чем включить в книгу.

Мы все читали эти главы, напечатанные несколько месяцев назад и на исходе декабрьских дней 1955 года. Читаем их в «Правде» сегодня, в первый день Нового года, и верим в хорошее

предзнаменование, что в 1956 году Шолохов чаще будет радовать нас своим ярким и сочным словом.

Станица Вешенская, где Шолохов постоянно живет, находится в полутора километрах от железной дороги. Но он не чувствует оторванности ни от большой жизни шумной Москвы, ни от самых отдаленных уголков мира. Ежедневно вешенский почтальон приносит ему пачки писем, которые не остаются без ответа. Отрывая время от работы над рукописью, Шолохов со свойственными ему искренностью и участием отвечает на вопросы, волнующие людей.

Ширится на Востоке и Западе круг друзей Советской страны, и Михаил Шолохов – самый большой писатель нашего времени – говорит из своей Вешенской о том, что наступила пора для прогрессивных писателей всего мира сесть за общий стол, чтобы обсудить назревшие проблемы литературы и сообща наметить пути и возможности ее дальнейшего роста и служения человечеству.

И многие зарубежные писатели с радостью откликаются на его призыв.

Шолохов – не большой любитель новогодних «допросов», но, зная их неизбежность, делится своими мыслями.

– Что вы считаете, Михаил Александрович, наиболее интересным из литературных новинок?

– По-настоящему, – говорит он, – радуют книги Н. Чуковского² «Балтийское небо», Л. Обуховой³ «Глубынь-Городок». Год по литурожаю не очень богатый, но кто же из нас не ждет лучшего?

– Каковы ваши планы в новом, 1956 году?

– Вплотную подошел к концу последней книги «Поднятой целины», – говорит Шолохов. – Кое-что из ранее написанного требует переделок. В первой половине этого года книгу сдам в печать. С осени буду работать над окончанием первой книги «Они сражались за Родину».

Мы знаем, что страницы, вышедшие из-под шолоховского пера, будут страницами самой жизни, которые не потускнеют и не сотрутся от времени. И терпеливо будем их ждать, пожелав автору самых больших творческих успехов в наступившем новом году.

Станица Вешенская

В. Коротеев, В. Ефимов

На Дону

Нынешней весной половодье на Дону было необычайно могучим. Широкий разлив реки нарушил даже паромную переправу, так что иным станицам и хуторам почту сбрасывали с самолета. Сонная летом речушка Иловля и та словно взбесилась и наделала много бед – затопила станицу, ворвалась в улицы, во дворы.

Уже середина июня, а Дон еще не везде вошел в свои берега. И нигде не сыщешь моста, всюду только паромная переправа. Часто приходится в эти дни слышать на переправах, как обозленные шоферы ругают последними словами дорожные отделы. Да и как не ругать! Целые табуны груженных машин стоят в ожидании парома. Сколько тратится драгоценного времени!

Свирепеть есть от чего не только на переправах. Что ни мост, то обязательно объезд. Мосты чаще всего лишь плохая декорация – один рухнул, другой покривился.

– Мосты у нас – гроб с музыкой, – невесело шутил председатель Михайловского райисполкома Дмитрий Трошенков, когда мы рассказали ему, что творится на переправе через Медведицу возле Михайловки.

Дорога идет вначале по-над Доном, а за Усть-Хоперской она уходит в степь. Мы едем уходящим далеко к горизонту старинным шляхом, который называют здесь Гетманским.

Знойный день, спят рассыпанные по степи сторожевые курганы. Ветерок несет крепкий запах полыни и чабреца. Белеют вдаль придонские горы. По обе стороны дороги стелется безбрежное море хлебов. Там и сям вздымаются небольшие облака пыли, – это трактористы пахут пары. Нынче за пары взялись дружно, хотя и поздновато; уроки прошлого года, когда паров было вспахано очень мало, не пропали даром...

Прекрасна нетронутая природа, но еще краше земля, возделанная трудом человека. И наверное, ничто так не оживляет однообразие степи, как вдруг возникающие в мареве знойного июньского дня ослепительно белые хаты под новенькими зелеными кровлями, густые сады и левады, пирамидальные тополи, стоящие над хутором, как часовые.

Но кажется, нет здесь мест краше тех, где Дон принимает в свои объятия тихую Медведицу. На высоком правом берегу белеют кварталы домов города Серафимовича. Внизу, под горой катит воды река. Она кажется неподвижной, застывшей. Светлая гладь воды не шелочнется, игрушечными выглядят на ней лодки рыбаков. Тишина до звона в ушах. А там, в левобережье, – уходящие к горизонту необозримые лесные чащи, изумрудные ковры лугов. Река, ее заливы – раздолье для рыбаков.

Много новизны сегодня на Дону.

Новое – это возвращение в колхоз людей, в свое время ушедших в город. В станице Голубинской, выше Калача, вернулись в колхоз три десятка семей. Немало прибавилось людей в логовских, иловлинских, калачевских, кумылженских колхозах.

Мы встречались с председателями многих артелей и узнавали в них посланцев города – тридцатитысячников.

Новое – это выдача авансов на трудодни раз в месяц или в квартал. Новое – зеленые квадраты кукурузных посевов, молодые сады и свежие изгороди вокруг старых, запущенных, одичалых садов.

Новое – это срубы домов, изготовленных лесхозами по заказу колхозников и уже привезенных на усадьбу. Все больше и больше донские хутора и станицы захватывает стройка. В одном лишь Логовском районе сооружает дома более ста семей колхозников. Проезжаешь хутором или станицей и видишь то целую улицу новеньких домов, то свежие каркасы будущих жилищ.

Новое – это виноградарство, которым все более увлекаются и колхозники, и рабочие, и учителя всюду – от Сталинграда до Калача и от Калача до Серафимовича.

В прошлом году здесь был славный урожай. Пожилой колхозник с хутора Березки, что стоит в зелени садов на левом берегу Дона, против города Серафимовича, говорит о растущем достатке. Только деньгами многие колхозники получили по 15–20 тысяч рублей.

– Все теперь захотели строиться, – сказал он.

Хутора и станицы Дона живут в эти дни ожиданием нового урожая.

По дороге из Серафимовича в Вешенскую нас захватил проливной дождь с грозой. Заиграли бегущие к Дону бесчисленные овраги и ерики. Гетманский шлях заблестел лужами, размяк, ехать стало труднее, не раз приходилось вытаскивать машину из грязи. Путешествие замедлилось. Но зато какое это на диво красочное зрелище – июньская степь после дождя! Лучи солнца осветили неоглядные поля посевов, темные купы разбросанной по равнине дикой яблони и терна. Светлая зелень на макушке степного кургана выглядит такой ласковой и теплой, что курган хочется погладить ладонью.

А потом встала над степью радуга. Один конец ее упал где-то в синей задонской дали, там, где бежит Хопер, другой – в спокойную гладь Дона.

Но можно ли написать о красоте степи ярче, нежели творец «Тихого Дона» и «Поднятой целины»? Как не вспомнить такие строки: «Дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождями степь. Была она теперь, как молодая кормящая грудью мать – необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства».

И вот уже видна Вешенская. Чтобы попасть в нее, надо у хутора Базки, там, где Дон образует дугу, переправиться на левый берег. Катер «Быстрый» тянет паром вверх по Дону; через пятнадцать минут он подводит его к вешенскому причалу.

– Вон там дом Шолохова, – показывает нам паромщик. – От пристани рукой подать.

Поднимаемся по взвозу к центру станицы. Жаркий день. Женщины несут на коромыслах воду из колонки. Пожилой казак останавливает одну из них и припадает пересохшими губами к ведру. Мы следуем его примеру и с наслаждением пьем холодную вкусную воду из Отрога, – так называется родник за станицей, откуда проложен водопровод.

Города и села, так же как и люди, имеют свой характер. У Вешенской, просторно расположившейся на песках левого берега Дона, заметна большая склонность к чистоте и аккуратности. В ней много зелени. На каждой улице – свежeweбеленные дома, новенькие крыши. Далекая от железных дорог, старая казачья станица, израненная войной, сегодня строится. Новые здания райкома, почты, универмага, новые жилые дома. Белый под зеленой крышей дом у крутояра, – здесь живет Михаил Шолохов. В доме во все стороны такие широкие окна, словно хозяин хочет видеть отсюда весь мир. Здесь он дописывает вторую книгу «Поднятой целины». Здесь рождается новый роман Шолохова – «Они сражались за Родину».

Знакомая для многих зеленая калитка шолоховского дома. Открываем ее и входим во двор. По склону к реке – молодой фруктовый сад, огород. Навстречу идет хозяин. До чего же знакомое лицо! Широкий крутой лоб, нос горбинкой, светло-серые внимательные глаза. Одет по-домашнему – безрукавка, чуваки на босу ногу.

Михаил Шолохов протягивает руку:

– Каким ветром?

Он приглашает нас к широкой зеленой скамейке, что стоит в нескольких шагах от двери в дом. Усаживаемся, и сразу же завязывается непринужденный разговор. Передаем приветы от знакомых ему сталинградцев.

Писатель хорошо помнит знакомых ему людей, живо интересуется их судьбой. Вспомнил одного областного работника, отличавшегося этакой холодной «правоверностью». Позже выяснилось, что этот человек скрыл кое-что в своей биографии.

– Может, отсюда-то, – замечает Шолохов, – и идет его «правоверность». «Ортодоксы» чаще всего из таких...

– На днях вернулся из Москвы, – рассказывает он. – Пока ездил, накопилась почта. Наконец, разобрался, ответил на письма. Теперь собираюсь отдохнуть денька два на рыбалке, посадить, покормить мошку.

– На Дон?

– Нет, на Хопер. Там потише. На Дону развелась тьма рыбаков, а я, грешный, люблю тишину: можно и рыбу ловить, и хорошо думать. Поэтому лучше на рыбалке быть в компании с человеком неболтливым. У меня есть такой знакомец, умеет молчать.

Любовь к тишине, когда можно «хорошо думать», заставляет писателя подниматься рано утром.

– В четыре утра я уже на ногах, – говорит Шолохов, – за письменным столом. В доме тихо, на Дону не слышно ни паровозного гудка, ни стука мотора на паромной переправе.

– А сладкий зоревой сон? – спрашиваем мы. – Помнится, в «Тихом Доне» читали мы о нем.

– То была молодость, – отвечает он, – а теперь зоревой сон сменился старческим беспокойством...

Да, писатель уже не молод, ему пошел шестой десяток. Неумолимое время делает свое дело: заметно поседели волосы и кончики ровно подстриженных усов. Но все это лишь внешние приметы возраста, а сил, чувствуется, у писателя хватит, что называется, на десятилетия. Молодо блестят глаза Шолохова, неистощим его юмор.

Спрашиваем, есть ли у него средство от мошки и комаров. На Дону они не дают житья.

– Терпение, – говорит он. – Другого средства я пока не знаю...

Рассказывает, что в этом году хорошо ловится сазан, но вот беда – совсем перевелись в Дону окунь и бирючок (разновидность ерша).

– Исчез наш бирючок, – огорчается Шолохов. – Я особенно жалею о нем. Маленький и колючий, подлец, но хорош в ухе. Уха из него может соперничать со стерляжью.

Говорит, что в Дону развелось много синьги, – такая плоская, как лещ, жирная, но страшно костлявая рыба.

Рассказывает Шолохов увлекательно, пересыпая свою речь шуткой, острым, сочным словом. Улыбка светится в глазах, на всем лице. Мрачнеет, когда слышит о неприятном. Колючие слова, иронические реплики.

– Как вам нравится Вешенская? – спрашивает он нас.

Возникает оживленный разговор о судьбе районного центра. По словам Шолохова, проблема районного центра – это не коммунальная, а сугубо человеческая проблема. Ведь дело касается устройства жизни миллионов советских людей. Стоит изучить, кто тут живет, откуда приехал, кто здесь осел.

– Если возьметесь за это, – говорит он, – не будьте торопыгами, внимательно всмотритесь в жизнь районного городка или села. Очень злободневная тема... В особенности интересно изучить жизнь таких районных центров, где нет промышленности.

Возьмем, к примеру, Вешенскую, в ней самое крупное предприятие – рыбколхоз. Да лесопытная станция, кстати сказать, бог весть чем занятая. Вы не узнавали, сколько в Вешенской или Серафимовиче служащих? Это любопытно. Посмотрите, чем заняты иные жители районного центра, как они живут. Меня удивляет, откуда в районных центрах такое множество праздных и полупраздных людей.

Раньше Вешенская и Боковская станицы да хутор Базки находились в составе одного района, и, кажется, не было недостатка в руководстве. А теперь это три райончика, в том числе Базковский, вон тот, на правом берегу Дона, всего в трех километрах от Вешек... Что это за район, в котором двенадцать – пятнадцать хуторов, несколько колхозов? А подсчитайте,

сколько в каждом районе служилого люда. Сотни! Если сопоставить его численность с теми, кто занят производительным трудом, так получается по известной поговорке: один с сошкой, а семеро с ложкой.

Если укрупнить сельские районы, представляете, сколько людей освободится для более полезной работы. Сама жизнь, – а она лучший учитель, – подсказывает, что это стоит сделать...

Шолохов называет еще одну проблему, которая волнует его:

– Наша придонская степь невероятно меняется на глазах. Она, словно плетью, исполосована оврагами и буераками; число их с каждым годом быстро растет, сокращаются наиболее плодородные пахотные угодья и выпасы. Овраги портят дороги, заиливают пруды и лиманы. Дело в том, что придонская степь не представляет собой гладкой равнины, она поката. Вешние воды и дожди смывают плодородный покров, а борьбы с эрозией почвы не ведется. С тревогой я думаю, что же будет со степью через 10–20 лет?

Не понимаю, – продолжает писатель, – почему наши ученые и практики не бьют по этому поводу тревогу. Проблема оврагов, по-моему, необычайно важна для придонской, да и заволжской степей.

Видно, что писатель-депутат хорошо знает жизнь сельского района, что депутатские общественные дела приносят ему немало забот, волнуют его. Мы видели на рабочем столе писателя груды только что распечатанных писем. Шолохову пишут отовсюду. К своей депутатской почте Шолохов относится с глубочайшим интересом. И как бы много ни было обращений к нему с просьбой помочь в чем или просто посоветовать по житейскому делу, Шолохов обязательно ответит на каждое письмо. Не потому ли так часто мы слышали о нем на Дону доброе слово людей, знающих его не только как своего любимого писателя, но и как своего депутата.

Писателя волнует все, что касается жизни советского человека. Михаил Шолохов, депутат сельского Совета, близко к сердцу принимает все, что делается в станице, и более всего – нужды молодежи.

– Недавно, – рассказывает он, – получил письмо от четырех девушек из Ленинграда. Поступали в институт, – не сдали экзаменов. Спрашивают, как им быть. Насчет целины и Дальнего Востока можете, мол, нам не писать, это мы сами знаем. Привыкли жить на отцовских и материнских хлебах. В деревню ехать не очень хотят... Мало ли таких случаев? И вот я думаю, что нередко виноваты не столько девушки и парни, сколько их сердобольные родители. Папаша и мамаша иной раз из кожи вон лезут, лишь бы сынка или дочку в городе пристроить как-нибудь. У крестьянина ведь ко всему подход практический, даже потребительский. И к знаниям своих детей тоже. Ведь как рассуждает он? Я сам всю жизнь быкам хвосты крутил. А вот теперь дочка получила образование, почему же она работать должна в колхозе... Для чего же учили мы Нюрку или Петьку? За скотом ходить? Нет, уж пусть лучше сидит дома, а там, может быть, и найдется работа где-либо в учреждении!.

Шолохов снова и снова возвращается к мысли о молодежи. В Вешенской для нее есть и кино, и Дом культуры, и лодочная станция, и пляж, и самодеятельность. А возьмите дальние хутора. Почему туда с неохотой едут молодые люди? Дело не в материальном расчете. Их пугает бедность культурной жизни: нет библиотеки, клуба, кино раз в месяц.

Шолохов расспрашивает нас, что мы видели в пути. Говорим, что донские станицы и хутора строятся, хорошеют.

– И в Вешенской, – замечает писатель, – строятся.

Он знает всех, кто строится и как строится.

– Строит хорошо тот, кто хоть немного может тюкать топором. Пора бы сельскому району иметь силу, способную строить добротные и красивые дома.

Завязывается беседа о сельской архитектуре и планировке, о безвкусице. Кое-где в районных центрах возводятся двух- и трехэтажные жилые дома. Неплохо как будто, вид совсем

городской. Но что значит двух-трехэтажный дом в селе? Нет парового отопления, стало быть, носить дрова наверх. Нет водопровода, – таскай воду на третий этаж. А погреб, садик, огород?

Трехэтажный дом на селе, даже если оно и районный центр, – благоглупость чиновников с ограниченным провинциальным вкусом. Проекты таких домов порождены равнодушием к людям, привычкой мыслить и делать все по стандарту.

– При нехватке вкуса можно испортить всякую хорошую затею. Возьмите, например, наглядную агитацию. Нужно дело. Но что иной раз получается? Не раз видел в городах и станциях щиты со стародавними лозунгами и призывами чуть ли не на каждом заборе, немало плакатов унылых, однообразных и на дорогах. Зато почти нигде не встретишь указку, куда ведет та или иная дорога. А кое-где не в меру усердные агитаторы исписали и стены домов. – И, смеясь, добавляет: – Боюсь, как бы такая агитдекорация не проникла в места рыбалок и охоты...

Заходит разговор о кинофильме «Тихий Дон». Мы только что прочли в каменской областной газете информацию о предстоящих съемках такого фильма. Шолохов недавно познакомился со сценарием фильма и высказал несколько замечаний.

Он никак не согласен, например, с концовкой сценария. Из трагического конца Григория Мелехова, этого мечущегося искателя правды, который запутался в событиях и разошелся с правдой, сценарист делает счастливый конец.

– Вот вы – отец, – говорит писатель одному из нас, – у вас сын пяти или шести лет. Вы его долго не видели, после разлуки встречаетесь и, наверное, по-мужски крепко обнимаете так, что тому становится немного больно. А в сценарии Григорий Мелехов сажает Мишатку на плечо и идет с ним куда-то в гору. Так сказать, символический конец: Гришка Мелехов поднимается к сияющим вершинам коммунизма. Вместо картины трагедии человека может получиться этакий легкодумный плакат...

Многих, дорогих автору романа картин в сценарии нет. В романе есть персонажи невымышленные, а сценарист, не учитывая этого, произвольно заменяет одного героя другим. Скоро как будто начнутся натурные съемки, а ни сценарист, ни актеры еще не знают донской станицы и хутора, их людей, обстановки, в которой жили и боролись герои «Тихого Дона». Поневоле создается впечатление, что постановщики фильма увлечены в первую очередь не изучением людей, а внешней стороной казачьего быта – чириками, мундирами и прочим. Не обходится и без курьезов: в казачьем курене, например, оказываются полати, характерные для русской избы.

Шолохов вспоминает рисунки Ореста Верейского к «Тихому Дону». Они выразительны и правдивы благодаря тому, что Верейский пожил на Дону, посмотрел здешних людей и природу внимательными глазами художника.

Уходили от Шолохова, когда над притихшей станицей опустилась ночь. С берега Дона веяло прохладой.

Рассвет мы встречали на палубе парохода «Михаил Шолохов», шедшего вниз по реке. Вокруг открывались чудесные донские пейзажи.

Над Доном поднимался багрово-красный диск солнца, предвещая знойный день. Белевые кручи правобережья казались снеговыми. В безветрии дремали придонские леса, широкие белые отмели манили к себе золотом чистого песка. У крутояров в лодках застыли над удочками сосредоточенные рыбаки: они, казалось, спали. Мерно стучал мотор, и донская волна тихо и ласково вскипала под колесами парохода.

Сталинград – Вешенская

Николай Кочнев ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Из статьи «Мои встречи с Шолоховым»

В 1956 году я начал создавать галерею портретов советских писателей. Мне казалось, что могу снять лучше других, и через некоторое время сделал снимки многих известных писателей, не хватало только фото Шолохова. Узнал номер телефона московской квартиры. Звоню. В ответ слышу: «Позвони в другой раз – я занят делами». Застал его в другой раз. «Уезжаю в Ленинград. Позвони через четыре дня», – сказал Михаил Александрович. Снова звоню через четыре дня. Дома никого нет. Спустя некоторое время узнаю, что Шолохов опять в столице. Дозваниваюсь. Слышу в ответ: «Улетаю в Лондон. Позвони через десять дней». Опять нет Шолохова...

...Сообщили, что Шолохов в Москве. Звоню ему. «Я простудился. Позвони послезавтра», – слышу его голос. Перезваниваю через день. «Я еще не поправился. Позвони послезавтра». Чувствую, что скоро Шолохов уедет из Москвы, и тогда снова возникнет проблема, как его поймать.

Как-то узнаю, что готовится номер «Роман-газеты» с Шолоховым. Обращаюсь к роман-газетчикам... Редактор, ведущая номер Шолохова, говорит, что нашла его фотографию в журнале. Ее они и собираются печатать на обложке... Зачем же повторять уже опубликованное фото, к тому же – из журнала?! Снимок – копия, не оригинал, качество будет неважное. Прошу редактора помочь добыть Шолохова для съемки, пока он не уехал. Не прошло и часа, и: «Шолохов приезжает к нам в «Роман-газету». Подходите к 14.00».

Я приехал раньше. Установил светильники, поставил стул в той же задней комнате, которая и сейчас принадлежит редакции, расположенной на четвертом этаже ИХ Л. Попросил женщин, чтобы как только они увидят Шолохова, поднимающегося на четвертый этаж, взять его с двух сторон под руки и вести в комнату, где я буду его фотографировать.

Так и сделали. Мои помощницы-редакторы взяли Михаила Александровича под руки и разговаривая привели его туда, где ждал я. Мгновенно включил лампы. Я попросил М.А. Шолохова присесть на стул. «Что такое?» – спрашивает он. «Фотосъемка для обложки «Роман-газеты», – отвечаю. – Ведь мы с вами договариваемся уже три года». Деваться некуда. Шолохов присел на стул. Не успел я несколько раз нажать затвор аппарата, как Шолохов вскочил. «Михаил Александрович! Я еще не успел вас снять, присядьте снова...» А народу набралась полная комната. Сотрудники узнали, что приезжает классик. Всем хочется посмотреть на него. Один из сотрудников называет имя критика и говорит, что тот готовит статью о том, как Шолохов работал над «Поднятой целиной». «Что он, под столом у меня сидел? Откуда он знает, как я работал?» – спрашивает Шолохов. Все расхохотались. А я успел дважды нажать затвор «Киева», когда Михаил Александрович повернулся к тому сотруднику.

Портретная съемка продолжалась четыре минуты. Было сделано 13 кадров для портрета.

Вечером 27 января 1960 года я позвонил Шолохову в Староконюшенный переулок. Говорю: «Пробные снимки уже готовы». – «Бери такси, приезжай ко мне. Я тебя жду», – слышу я в ответ.

Минут через 30 я был у него дома. Разложил на столе все 13 вариантов фотографий. Шолохов взял снимок. «Здесь я настоящий казак», – произнес он улыбаясь, держа снимок и разглядывая фото, где он повернул голову в сторону сотрудника, который говорил о готовящейся статье. На этом же пробном снимке он расписался. «Можешь публиковать...»

Трудно мне досталась первая встреча с М.А. Шолоховым и те четыре минуты работы над его портретом. Но самый грандиозный успех выпал на долю именно этого портрета, сделан-

ного в редакции «Роман-газеты» 27 января 1960 года. Когда я вижу новые публикации этой фотографии, всегда становится приятно и радостно на душе. Думаю, не зря добивался встречи с Шолоховым три года, чтобы запечатлеть его.

Капитан милиции В. Жуков В ГОСТЯХ У МИХАИЛА ШОЛОХОВА

Станица Вешенская, где живет и работает М.А. Шолохов, находится в 160 километрах от железной дороги.

По долгу службы мне и подполковнику милиции Голубеву довелось побывать на родине писателя. До станции Миллерово мы ехали поездом, а дальше решили лететь самолетом.

Небольшая комната аэровокзала переполнена. В ожидании самолета мы знакомимся с пассажирами. Большинство из них – жители Вешенского района. Они гордятся своим земляком, с удовольствием рассказывают о жизни писателя, о его творчестве.

Наконец, подошла наша очередь садиться на двухместный «По-2». Летим довольно низко. Внизу зеркальной лентой извивается Дон. Минут через сорок самолет приземляется на окраине Вешенской. Видавший виды грузовик отделения милиции везет нас в центр. Глаз радуют правильная планировка станицы, прямые и чистые улицы, опрятные дома с традиционными ставнями на окнах.

У самого Дона стоит двухэтажный каменный дом, где живет писатель.

На следующее утро Михаил Александрович назначил нам встречу. И вот мы в рабочем кабинете писателя. Это – просторная, скромно обставленная комната. На столе – большая пачка писем, только что доставленная почтальоном. На подоконниках – пакеты разных размеров. В них – произведения молодых писателей, присланные на отзыв. Рассматриваем книги. Среди них видим недавно полученные произведения писателя на китайском языке и языках народов Югославии.

Входит Шолохов. По нашей просьбе он рассказывает нам о работе XX съезда КПСС, о своих творческих замыслах. В свою очередь, мы сообщаем ему об издании журнала «Советская милиция», вручаем последний номер. Внимательно перелистав журнал и несколько задумавшись, Шолохов замечает, что не все еще работники милиции с честью выполняют свой служебный долг.

– Многие милиционеры имеют низкий общеобразовательный уровень, – говорит писатель.

Мы согласились с его справедливыми замечаниями и рассказами о той большой работе, которая проводится по повышению общеобразовательной подготовки сотрудников милиции.

Мы попросили Михаила Александровича написать что-нибудь для журнала.

– В ближайшие месяцы, – сказал он, – я буду занят работой над окончанием «Поднятой целины». А в конце года обязательно напишу что-нибудь и о милиции.

Сопровождавший нас начальник местного отделения майор милиции Воробьев спросил Михаила Александровича о его работе над книгой «Они сражались за Родину».

– Она будет тоже скоро готова, – ответил Шолохов.

Прощаясь с писателем, мы пожелали ему здоровья и новых творческих успехов.

Из беседы с работниками вешенской милиции выяснилось, что многие из них близко знакомы с писателем. Начальник паспортного стола лейтенант милиции Мельников, например, нередко ездит с Михаилом Александровичем в колхозы. Мельников – местный житель, он хорошо знает быт донского казачества.

В органах милиции нет такой библиотеки, где бы не было книг М.А. Шолохова. Мастер художественного слова, тонкий знаток народной жизни, он пользуется большой популярностью. Работники милиции, как и все советские люди, любят замечательного писателя и с нетерпением ждут его новых произведений.

Сергей Герасимов¹

Как создавался фильм «Тихий Дон»

...После «Сельского врача» я четыре года не входил в павильон, занимаясь исключительно Институтом кинематографии. И только после XX съезда партии приступил к своей следующей постановке – экранизации любимого романа М. Шолохова «Тихий Дон». Должен подчеркнуть, что решение это подготавливалось не днями и не месяцами. Достаточно сказать, что в первый раз я предложил экранизацию «Тихого Дона» еще в 1939 году, сразу после «Учителя». Но тогда мне было сказано, что едва ли имеет смысл экранизировать роман, который при всех своих достоинствах выводит на первый план судьбу Григория Мелехова, человека без дороги, по сути, обреченного историей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.